

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Гуренков Андрей Александрович

Речевая избыточность в условиях межкультурной коммуникации

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Богданова Светлана Юрьевна

Иркутск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЯВЛЕНИЯ ИЗБЫТОЧНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ	13
1.1. История изучения явления избыточности в лингвистике	13
1.2. Различные подходы к определению феномена избыточности в языке	25
1.2.1. Собственно языковая избыточность	27
1.2.2. Речевая избыточность. Продуктивная и непродуктивная речевая избыточность	31
1.3. Специфика изучения речевой избыточности	38
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	47
ГЛАВА 2. ФОРМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ	50
2.1. Коммуникация как циклический двунаправленный процесс	50
2.2. Межкультурная коммуникация, формы и языки межкультурной коммуникации	54
2.3. Модели «носитель-неноситель» и «неноситель-неноситель» в рамках прямой межкультурной коммуникации	67
2.4. Коммуникативные стратегии в межкультурной коммуникации. Аккомодация	77
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	88
ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	91
3.1. Средства и инструменты межкультурной коммуникации, задействующие избыточность	91
3.2. Механизмы, реализующие стратегию аккомодации посредством речевой избыточности в межкультурной коммуникации	96

3.3. Классификация форм проявления речевой избыточности в письменной коммуникации	101
3.3.1. Орфографическая избыточность	104
3.3.2. Лексическая избыточность	106
3.3.3. Синтаксическая избыточность	109
3.4. Классификация форм проявления речевой избыточности в устной коммуникации	113
3.4.1. Фонетическая избыточность	114
3.4.2. Лексическая избыточность	120
3.4.3. Синтаксическая избыточность	128
3.5. Сопоставление продуктивной и непродуктивной речевой избыточности с речевой ошибкой в межкультурной коммуникации	138
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	149
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	153
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	170
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	176

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению теоретических основ речевой избыточности в условиях межкультурной коммуникации, где избыточность выступает в качестве инструмента, нацеленного на повышение эффективности этой коммуникации. Использование в условиях межкультурной коммуникации речевой избыточности, представляющей собой повтор информации или её наполнение дополнительными элементами, обусловлено рядом факторов. В частности, в XXI веке достижения научно-технического прогресса предоставили людям возможность общения по всему миру в режиме реального времени. Благодаря новым средствам связи – мессенджерам, социальным сетям и т.д. – стало возможным напрямую вести коммуникацию с людьми из разных стран, включая бизнес-коммуникацию, что значительно увеличивает число межкультурных контактов в деловой сфере. Помимо этого, значительно усилилась миграция людей, как внутри стран, так и между ними, что приводит к все более частым взаимодействиям языков и культур.

Люди вынуждены прибегать к дополнительным средствам коммуникации для того, чтобы добиться лучшего взаимопонимания. Речевая избыточность особенно нужна в ситуациях вербальной коммуникации между людьми, из которых по крайней мере один использует в качестве языка коммуникации неродной для него язык. С помощью речевой избыточности можно дублировать некоторую информацию, что снижает вероятность потери информации в процессе общения и увеличивает вероятность её восстановления при восприятии и интерпретации адресатом, а, следовательно, способствует взаимопониманию. Учитывая многогранность явления избыточности (как языковой, так и речевой) и обращение к нему в разные периоды развития лингвистической науки, можно утверждать, что феномен избыточности в процессе межкультурной коммуникации требует особого внимания и исследования.

Речевая избыточность может рассматриваться как инструмент содействия межкультурной коммуникации, предоставляющий дополнительные ресурсы для преодоления трудностей взаимодействия между двумя и более представителями

разных культур. В таком случае она изучается в рамках лингвистики речи, раздела языкознания, изучающего особое строение речи как не совпадающее полностью и не исчерпывающееся законами строения языка [Нелюбин, 2003] и занимающегося изучением типизированных языковых явлений, которые тесно связаны с характеристикой участников коммуникации, обстановкой общения, то есть с прагматической стороной речевых актов [Учебный словарь стилистических терминов, 2000].

Избыточность является неотъемлемой частью естественного языка. Интерес к избыточности зародился давно, и часто её рассматривали в одном контексте с изучением принципа экономии языковых усилий, при этом избыточность определяют либо как противовес языковой экономии, либо как феномен, отрицательно влияющий на процесс коммуникации. Также имеет место отсутствие единой терминологии, описывающей избыточность, её классификацию и связанные с ней явления. Таким образом, исследования избыточности, несмотря на продолжительную историю и значительные успехи, оставляют широкий простор для разногласий и создают основу для дальнейшего анализа.

Актуальность исследования. Во второй половине XX века начались масштабные исследования речевой коммуникации, и избыточность стала изучаться с точки зрения не только языковых структур, но и речи. Использование английского термина *redundancy* – *избыточность* в новом, коммуникативном аспекте предполагало наличие у него иного толкования, однако термин продолжал использоваться и в прежнем значении. В связи с этим, *первый аспект актуальности* данного исследования заключается в уточнении понятия «речевая избыточность», существующего параллельно с собственно «языковой избыточностью».

Речевая избыточность содействует успешности коммуникации, делая сообщение более лёгким для восприятия и интерпретации для адресата и упрощая процесс генерации сообщения для адресанта, что является особенно важным в условиях межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация направлена на преодоление культурных барьеров и повышение осведомлённости

о других культурах, что представляет особую важность в период глобализации, когда взаимодействие между различными культурами стало необходимостью. *Второй аспект актуальности* исследования обусловлен проблемой недостаточного теоретического осмысления речевой избыточности в межкультурной коммуникации и необходимостью глубокого теоретического изучения применяемых стратегий адаптации языка во избежание недопонимания между участниками коммуникации.

Степень разработанности проблемы. Изучение избыточности в лингвистике до середины XX века происходило лишь в рамках исследования двух противоположных тенденций языка – языковой экономии и, соответственно, избыточности, которая рассматривалась как речевой недостаток. Такой взгляд на избыточность, в частности, представлен в трудах Г. Пауля [Пауль, 2014]. Как положительное свойство языка избыточность была рассмотрена и описана в работах В. А. Звегинцева [1962], К. Шеннона [Shannon, 1948], Р. Якобсона [Jacobson, 1971], Дж. Эйтчисон [Aitchison, 1994], Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1995], Н. Б. Мечковской [Мечковская, 2001], Д. Кристала [Crystal, 2003, 2009], Г. Глисона [Глисон, 2008], И. П. Сусова [Сусов, 2008], Е. В. Грудевой [Грудева, 2008; 2010], К. Бацанеллы [Bazzanella, 2011], А. Фетцер [Fetzer, 2011], И. Н. Филипповой [2015], Э. Б. Яковлевой [2021]. Межкультурной коммуникации были посвящены труды Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [Верещагин, 1990], К. А. Мележик [Мележик, 2018], Р. Д. Льюиса [Lewis, 2018], Н. Н. Казыдуб [Казыдуб, 2018], С. Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 2022]. Авторами, в работах которых в той или иной мере представлено использование речевой избыточности в условиях межкультурной коммуникации, являются М. Х. Лонг [Long, 1983a; 1983b], Н. Хюнинен [Hunninen, 2013], М. Р. Малдонадо [Maldonado, 2016], К. А. Мележик [Мележик, 2018] и др.

Объект исследования: речевая избыточность в межкультурной коммуникации на примере использования английского языка в модели «неноситель-неноситель» (как лингва франка) и в модели «носитель-неноситель».

Предмет исследования: использование речевой избыточности в качестве инструмента достижения целей межкультурной коммуникации.

Гипотеза исследования: речевая избыточность может использоваться в качестве инструмента реализации стратегии аккомодации для достижения целей межкультурной коммуникации, в которой говорящий имеет возможность оформить оконченное речевое высказывание, а также, в некоторых случаях, сделать его более понятным для слушающего, избегая тем самым потери содержания высказывания.

Целью диссертационного исследования является выявление специфики явления речевой избыточности в межкультурной коммуникации как инструмента реализации коммуникативных стратегий.

В соответствии с данной целью выделяются следующие **задачи**:

- 1) изучить теоретические работы, посвящённые речевой избыточности и межкультурной коммуникации;
- 2) собрать репрезентативный корпус примеров речевой избыточности в письменной и устной межкультурной коммуникации и провести их анализ;
- 3) установить зависимость продуктивной и непродуктивной речевой избыточности от уровня речевой компетенции (УРК) коммуникантов;
- 4) разработать классификацию форм проявления речевой избыточности в условиях межкультурной коммуникации на основе проанализированных примеров;
- 5) выявить роль речевой избыточности в реализации стратегии аккомодации;
- 6) соотнести понятия речевой избыточности и речевой ошибки в условиях межкультурной коммуникации.

Методологическую базу исследования составили работы как отечественных, так и зарубежных учёных: работы, посвящённые исследованию коммуникации [Shannon, 1948; Schramm, 1954; Searle, 1969; Jacobson, 1971; Дейк ван, 1989; Ключев, 2002; Сиротинина, 2003; Иссерс, 2008, Федосова, 2012 и др.]; работы, посвящённые философии культуры и философии межкультурной коммуникации [Верещагин, 1990; Ольшанский, 2000; Гудков, 2003; Лайонз, 2004; Гуревич, 2014 и др.]; работы, посвящённые непосредственно явлению межкультурной коммуникации [Тер-Минасова, 2008а; 2008б; Залевская, 2009;

Грушевицкая, 2003; Wilczewski, 2017; Lewis, 2018; Казыдуб, 2018 и др.]; работы, посвящённые английскому языку как лингва франка [Platt, 1996; Домашнев, 2000; Crystal, 2003; Hynninen, 2013; Subtirelu, 2014; Мележик, 2018; Олейник, 2019 и др.]; работы, посвящённые коммуникативным стратегиям и адаптации языка [Винокур, 1959; Bloomfield, 1984; Giles, 1991; Coupland, 1988; Babel, 2012; Galati, 2010; Hynninen, 2013; Maldonado, 2016; Cogo, 2016; Грайс, 1985; Дейк ван, 1989, Pickering, 2008; Margić, 2017; Мележик, 2018 и др.]; работы, посвящённые явлению избыточности [Shannon, 1948; Звегинцев, 1962; Long, 1983 a, b; Gillette, 1999; Мартине, 2004; Глисон, 2008; Грудева, 2008; 2010; Воейкова, 2010; Филиппова, 2011; Hynninen, 2013; Leufkens, 2020; Светличная, 2021; Яковлева, 2021 и др.].

Материалом исследования являются письменные тексты из бизнес-коммуникации (890 текстов, с сохранением орфографии) и неформальной коммуникации (1500 текстов, с сохранением орфографии), а также устная речь, представленная в виде транскриптов аудио- и видеоинтервью с участием представителей разных стран, использующих в качестве языка коммуникации английский язык (общая длительность видео – около 1900 минут), в которых примеры речевой избыточности были выделены методом сплошной выборки. Количество языков, носители которых в проанализированных примерах говорят на английском как неродном, – 34.

Критерием отбора является наличие коммуникации на английском языке, который не является родным языком для одного из коммуникантов в модели «носитель-неноситель», или для всех коммуникантов в модели «неноситель-неноситель». Подразумевается, что неноситель языка пользуется иностранным языком не ежедневно, а только в исключительных случаях, поэтому общение на иностранном языке вызывает некоторые трудности, связанные с произношением и ограниченным набором грамматических и лексических единиц. В соответствии с Европейской шкалой уровней владения английским языком, коммуникант должен знать язык на уровне от A1 до B1.

Для решения задач, поставленных в настоящей работе, применялись следующие **методы**: метод сплошной выборки, метод лингвистического

наблюдения и описания, метод контекстуального анализа, метод интерпретации и метод транскрибирования (просодический подход) для анализа устной речи, а также общетеоретические методы, такие как анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, абстрагирование.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые был предпринят комплексный анализ разноуровневых языковых средств, применяемых в процессе межкультурной коммуникации, которые могут быть отнесены к средствам речевой избыточности (повторы, перефразирования, самокоррекция, заполнение пауз хезитации, дублирование информации на другом иностранном языке и т. п.); расширено представление о понятии избыточности в теории языка; впервые было подробно рассмотрено применение речевой избыточности в модели «неноситель-неноситель», что потребовало привлечения понятия «уровень речевой компетенции» для объяснения применения тех или иных средств речевой избыточности как инструмента реализации коммуникативных стратегий, в частности, теоретически доказана возможность применения речевой избыточности как инструмента реализации стратегии аккомодации; выявлены сходства и отличительные черты речевой избыточности и речевой ошибки, что позволило более точно разграничить данные понятия; определено понятие «речевая избыточность в межкультурной коммуникации»; продемонстрированы существенные отличия в распределении средств речевой избыточности в зависимости от канала связи (устный / письменный) и от жанра письменной коммуникации (бизнес-коммуникация / обиходная речь).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней доказаны положения, вносящие вклад в расширение теоретических представлений о речевой избыточности и её роли в процессе межкультурной коммуникации как инструмента, позволяющего улучшить взаимопонимание между коммуникантами, являющимися представителями разных культур. Введены понятия продуктивной и непродуктивной речевой избыточности в межкультурной коммуникации. Выявлена роль некоторых типов речевых ошибок (повтор, самокоррекция, заполнение хезитационных пауз) как средств продуктивной избыточности. Подтверждено, что избыточность возникает в речи вне зависимости от

происхождения говорящего, для чего была проанализирована речь неносителей языка, родными для которых являются более 30 языков, и которые в качестве языка коммуникации использовали английский язык.

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут найти применение при разработке курсов по межкультурной коммуникации и общему языкознанию и при руководстве курсовыми и дипломными работами студентов. Также практическая значимость заключается в возможности использования полученных данных в дальнейших исследованиях проблемы речевой избыточности и в процессе преподавания языков и культур.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается обширной теоретической базой, сочетанием количественного и качественного анализа языкового материала, применением эффективных методов лингвистического анализа, а также публикацией выводов исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Речевая избыточность в межкультурной коммуникации представляет собой повтор информации или её наполнение дополнительными элементами (выделение голосом фраз или их компонентов, уточнение, переформулирование, использование другого языка, филлеры и др.) и нацелена на повышение эффективности межкультурной коммуникации, в частности, в условиях письменной бизнес-коммуникации посредством мессенджеров и социальных сетей и устной коммуникации во время интервью.

2. Речевая избыточность в межкультурной коммуникации представлена четырьмя типами – орфографическая (в письменной речи), фонетическая (в устной речи), лексическая (в устной и письменной речи), синтаксическая (в устной и письменной речи). Основная функция интенциональной продуктивной речевой избыточности заключается в том, чтобы способствовать адекватной передаче информации в процессе коммуникации.

3. Речевая избыточность в письменной бизнес-коммуникации предполагает наличие уточнений, повторов, использование дополнительных описательных конструкций и фраз на родном для адресата языке, с целью избежать двусмысленности, в то время как в обиходно-бытовой письменной речи

избыточность характеризуется наличием филлеров, заполненных пауз хезитации, самоповторов и имитации удлинения звуков путем избыточной орфографии.

4. В устной межкультурной коммуникации продуктивная избыточность ориентирована на слушающего, а непродуктивная избыточность ориентирована на говорящего, помогая ему сохранить темп диалога и представить связное и законченное высказывание на неродном для него языке. Непродуктивная речевая избыточность соотносится с некоторыми типами речевых ошибок, совершаемых неносителями языка в процессе межкультурной коммуникации, в то время как продуктивная речевая избыточность не всегда является речевой ошибкой, то есть отклонением от нормы.

5. Как продуктивная, так и непродуктивная речевая избыточность может быть использована в качестве инструмента реализации аккомодации как стратегии регулирования коммуникативного поведения участниками межкультурной коммуникации, предполагающей изменение языковых структур в соответствии с уровнем владения языком собеседника для содействия взаимопониманию и для получения адекватной обратной связи.

Объём и структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников примеров и приложений. Общий объём составляет 180 страниц.

Во **введении** обосновываются выбор темы исследования, её актуальность, определяются объект и предмет исследования, формулируются гипотеза, цель, задачи и методы исследования, даётся характеристика источников исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту. В **Главе 1 «Теоретические основы явления избыточности в лингвистике»** исследуются теоретические аспекты избыточности, анализируется феномен избыточности и описываются различные подходы к его определению и изучению. Основное внимание уделяется особенностям речевой избыточности, как продуктивной, так и непродуктивной. В **Главе 2 «Формы межкультурной коммуникации и коммуникативные стратегии»** рассматривается понятие «межкультурная коммуникация», её формы, особенности и основные инновации в XXI в., а также

коммуникативные стратегии, применяемые в межкультурной коммуникации в моделях «носитель-неноситель» и «неноситель-неноситель». В Главе 3 **«Реализация речевой избыточности в межкультурной коммуникации»** анализируются примеры речевой избыточности в рамках межкультурной коммуникации и приводится классификация форм проявления избыточности в письменной (деловой и обиходно-бытовой) и устной речи, уделяется внимание сопоставлению речевой избыточности и речевой ошибки. В заключении содержатся выводы, сделанные в ходе проведённого исследования, и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры иностранных языков и лингводидактики Педагогического института ИГУ (ПИ ИГУ) (2020, 2021, 2022, 2023, 2024), а также были представлены на VI и IX Всероссийских с международным участием научно-практических конференциях «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики» в ПИ ИГУ (Иркутск, 2020; 2024), на Международной научной конференции «От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов» (Минск, 2023), на XIV Всероссийской научно-практической конференции «Лингвистические парадигмы и лингводидактика» (Иркутск, 2023); на Международной молодёжной научной конференции «Англистика в XXI веке: *juventu veritas*» (Москва, 2023); на Международном форуме «Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие» (Воронеж, 2024). Кроме того, основные положения настоящей работы нашли отражение в 7 публикациях, общим объёмом 3,05 п. л., включая 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЯВЛЕНИЯ ИЗБЫТОЧНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. История изучения явления избыточности в лингвистике

Избыточность, наряду с языковой экономией, является одной из естественных тенденций языка. Если говорящий выбирает наиболее экономное средство для выражения мысли, то слушающий экономит так называемые «перцептивные средства», то есть заинтересован в самом простом из возможных переходов от текста к мысли (смыслу), чему как раз и способствует оптимальный уровень избыточности. Получается, речь идёт не столько о прямом противопоставлении избыточности и экономии, сколько о том, что именно экономится участниками коммуникации [Грудева, 2010].

Также Л. Г. Ким пишет, что «свойства недостаточности и избыточности текста являются, в сущности, относительными понятиями. Каждый текст можно охарактеризовать и как недостаточный, и как избыточный» [Ким, 2017, с. 49]. Исходя из этого, избыточность не противопоставляется экономии, а представляет собой такое свойство языка, которое, наравне с экономией, влияет на интерпретацию коммуникантами текста.

Т. Сигэхико, рассуждая о значимости избыточности (которую он именует языковой гарантией), утверждает, что избыточность порождает многословие, повторение важных деталей для более надёжной передачи информации [излагается по: Басс, 2004, с. 137].

Исторически слово «избыточность» восходит к риторике, где использовалось название «плеоназм» [Грудева, 2008]. В ранних работах по риторике плеоназм трактуется как избыточность выразительных средств, используемых для передачи лексического или грамматического смысла высказываний [Там же]. Термин «плеоназм» существует и в современной лингвистической науке, например, ему посвящены статьи в «Лингвистическом

энциклопедическом словаре» [1990] и в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» [2001], где он рассматривается с двух позиций:

- 1) как оппозиция понятию эллипсис;
- 2) как оппозиция тому, что может быть выражено более экономно.

При этом в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» представлено оценочное понимание термина плеоназм, где он определяется как «многословие, употребление слов, излишних не только для смысловой полноты, но и для стилистической выразительности» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001].

В статье Т. А. Ковалевой утверждается, что плеоназм и тавтология являются наиболее часто встречающимися формами речевой избыточности [Ковалева, 2014]. В целом, можно отметить, что во многих словарях определение терминов «плеоназм» и «тавтология» раскрываются через критерий избыточности.

Например, в «Словаре лингвистических терминов» под редакцией О.С. Ахмановой тавтология определена как неоправданная избыточность выражения [Словарь лингвистических терминов, 2004]. В «Большом Энциклопедическом словаре» под ред. В. Н. Ярцевой под плеоназмом понимается «избыточность выразительных средств», в то время как тавтология представляет собой «содержательную избыточность высказывания» [Большой энциклопедический словарь, 1998]. В Словаре лингвистических терминов Ж. Марузо плеоназм – это «избыточность слов во фразе», и сводится этот термин к другим: перифразу, тавтологии, периссологии и т.д. [Марузо, 2004]. Стоит также отметить определение плеоназма как «речевого излишества», которое содержит отрицательную оценку [Большой толковый словарь русского языка, 1998].

Подобная оценка актуальна и для самой избыточности. Например, в своей работе «Принципы истории языка» Г. Пауль, отмечая неизбежное образование в языке множества равнозначных слов, форм, типов сочетаний, утверждает: «Хотя появление такого избытка является неизбежным, он не может сохраняться в языке длительное время. Языку чуждо какое бы то ни было излишество. Мне можно было бы возразить, что в таком случае язык должен был бы избегать

возникновения излишеств. Однако язык вообще никогда не предотвращает возникновения *отрицательного явления*, он может лишь оказывать противодействие уже имеющемуся в наличии <...>» [Пауль, 2014, с. 126]. В данном случае Г. Пауль утверждает, что любое проявление избыточности является чуждым языку и в дальнейшем характеризует явления такого рода как отрицательные.

Причём, Г. Пауль [Пауль, 2014], а позднее В.М. Жирмунский [Жирмунский, 1976, с. 16], предлагали термин «гиперхарактеризация» (нем. *Übercharakterisierung*) вместо «избыточности». Л. Витгенштейн утверждал, что «если знак не необходим, то он не имеет значения» [Витгенштейн, 2011, с. 66].

В словаре «Язык» под редакцией Б. Потье избыточность определяется как «большее количество информации, чем требует простая передача сообщения. Лишние и бесполезные для передаваемой информации знаки являются избыточными. Благодаря избыточности сообщения информация доходит до получателя несмотря на шум» [Pottier, 1973, с. 230]. Иными словами, несмотря на то, что в словаре говорится о пользе избыточности, благодаря которой реципиент всё же получает сообщение, избыточные элементы характеризуются как лишние и бесполезные, что всё равно несёт в себе отрицательную оценку.

В современной науке также встречаются негативные мнения относительно избыточности, как, например, у Х. Газала, в чьей работе под избыточностью понимается «использование ненужных дополнительных слов для выражения чего-либо» [Ghazala, 2008].

Сам термин «избыточность» может ввести в заблуждение: слово «избыточный» является синонимом слова «лишний», что в свою очередь также добавляет негативную ассоциацию с чем-то ненужным, бесполезным, тем самым препятствующим успешной коммуникации.

На избыточность как на положительное свойство языка обратили внимание только в середине XX века в связи с развитием теории информации.

Теория информации впервые упоминается в работе К.Э. Шеннона «Математическая теория связи» 1948 года, где он определяет данную теорию как

раздел математической теории связи [Shannon, 1948]. Теория информации устанавливает основные границы возможностей систем передачи информации, задает исходные принципы их разработки и практического воплощения. Круг задач теории информации представляется с помощью структурной схемы, типичной системы передачи или хранения информации (Рисунок 1).

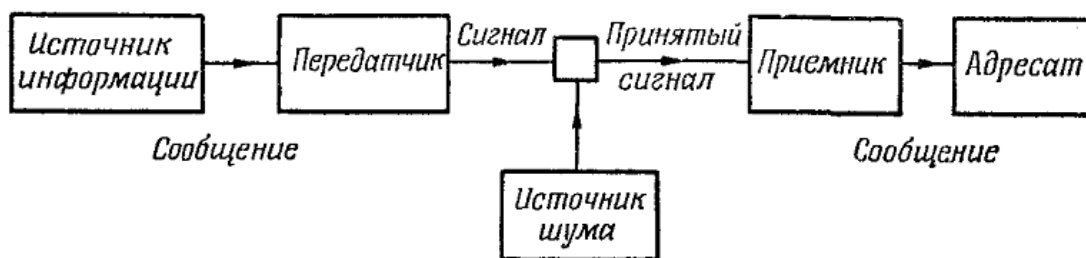

Рисунок 1 – Общая схема системы передачи или хранения информации

Модель Шеннона-Уивера довольно точно иллюстрирует общую концепцию коммуникации, определяя её основополагающие компоненты и связи между ними.

Она состоит, по существу, из пяти частей [Shannon, 1948]: источник информации, передатчик, канал, приёмник и адресат.

В процессе коммуникации сигнал, передаваемый между коммуникантами, может быть искажён под влиянием источника шума, который действует на передаваемый сигнал, в результате чего получается принимаемый сигнал [Shannon, 1948]. Способность компенсировать шум может быть критически важной для выживания организмов [Dietrich, 2004]. Так, шумом может быть, например, шум в помещении, где происходит разговор. Чем сильнее шум в канале связи, тем сильнее искажается исходное сообщение и тем меньше шансов на то, что коммуникация будет успешной.

Для того чтобы снизить вызванные шумом искажения исходного сообщения, можно передавать его в избыточной форме. К. Шеннон пишет об этом так: «...ясно, что, посылая информацию в избыточной форме, можно уменьшить вероятность ошибок. Например, путём многократного повторения сообщения и

путём статистического изучения различных принятых вариантов сообщения вероятность ошибок может быть сделана очень малой» [Shannon, 1948, p. 411].

Избыточность, повышая помехоустойчивость информации, позволяет частично или полностью восстановить искажённые данные. Так, когда, разговаривая в шумном помещении, человек многократно повторяет и перефразирует уже произнесённые реплики, он искусственно повышает избыточность сообщения, одновременно увеличивая шансы на его верное восприятие.

К. Шеннон также отмечает, что избыточность следует вводить с оглядкой на предполагаемый характер искажения информации, однако в принципе любая избыточность улучшает помехоустойчивость сообщения: «Избыточность должна быть введена способом, приспособленным для борьбы против действующих на канал шумов определённой структуры. Впрочем, обычно будет помогать любая избыточность источника, если она используется в точке приёма. В частности, если источник уже имеет некоторую избыточность и не делается никаких попыток устранить её при согласовании с каналом, эта избыточность будет помогать борьбе с шумом» [Shannon, 1948, p. 398].

После появления работ по теории информации понятие избыточности начинает использоваться и в рамках лингвистической науки, но уже, наравне с экономией, как положительный феномен естественного языка, имеющий свои функции. Причём, Р. Якобсон в данной ситуации отметил следующее: «Понятие избыточности, пришедшее в теорию связи из риторики, являющейся ветвью лингвистики, приобрело важное значение в развитии этой теории и было заново определено как «единица минус относительная энтропия» [Jacobson, 1971, p. 246]. С точки зрения языка, энтропия – это статистический параметр, который в определённом смысле измеряет, какое количество информации в среднем приходится на каждую букву текста в языке [Shannon, 1948]. С математической точки зрения фактическая энтропия языка определяется формулой:

$$r = H(M)/N$$

Где M – сообщение, $H(M)$ – его энтропия, а N – длина сообщения.

В данную энтропию включаются:

1) так называемая абсолютная энтропия языка – величина, которая равна максимуму информации, которую можно передать единицей данного языка. В теории информации обычно под единицей языка понимают один символ (букву) соответствующего алфавита, а абсолютная энтропия вычисляется при условии равновероятности всех последовательностей символов. Такая энтропия характеризуется для идеальных сообщений;

2) относительная же энтропия языка подразумевает передачу реальных сообщений, в которых символы всегда коррелированы, из-за чего количество информации, приходящееся на один символ, будет меньше, чем в идеальных. Соотношение реальных и оптимальных сообщений выражается посредством коэффициента сжатия

$$\mu(s) = H_p(s) / H_0(s) = n_0 / n_p$$

где n_0 и n_p – количество символов оптимального и реального сообщения.

Таким образом, избыточность была связана с подсчётом количества информации, которую передаёт текст. В этом новом понимании понятие «избыточность» снова попало в современную лингвистику в качестве одной из категорий. Избыточность в русле общей теории информации стали понимать как неотъемлемое свойство текста [Воейкова, 2010].

Необходимость строгого разграничения различных типов избыточности в настоящее время признаётся как в теории связи, так и в лингвистике, где понятие избыточности включает, с одной стороны, многословные способы выражения – в противоположность краткости (*brevitas* в традиционной терминологии риторики), а, с другой стороны, полноту выражения – в противоположность умолчанию [Jacobson, 1971]. Другими словами, было необходимо исследовать избыточность с точки зрения её полезности в кодировании и декодировании информации, чтобы уже в рамках лингвистики изучать её свойства и функции.

Г. Глисон в книге «Введение в дескриптивную лингвистику», впервые переведённой на русский язык в 1959 году, даёт следующее определение избыточности: «<...> Нереализованная передающая способность кода возникает

как следствие того, что мы повторяли сигналы, и её можно назвать избыточной. Здесь мы опять встречаемся с таким употреблением термина, которое отличается от обычного. «Избыточность» – это специальный термин в теории информации, и он требует такого специального определения, которое могло бы согласовать его с термином «информация». Мы определяем избыточность как разность между теоретически возможной передающей способностью какого-либо кода и средним количеством передаваемой информации. Избыточность выражается в процентах к общей передающей способности кода. Так, наше решение повторять каждый сигнал дважды создаёт избыточность в 50%» [Глисон, 2008, с. 362]. Фактически, определение Г. Глисона перекликается с математическим определением избыточности, которую можно представить в виде формулы:

$$D = R - r,$$

где R – абсолютная энтропия языка (она же теоретически возможная передающая способность кода), r – фактическая энтропия языка (среднее количество передаваемой информации).

При этом Г. Глисон уточняет, что «избыточность – не то же, что повторение, она совсем не обязательно связана с повторением» [Глисон, 2008, с. 362], тем самым разграничивая понятия «избыточность» и «повторение», соответственно, избыточность может проявляться в ином виде, не только как повтор информации.

А. Мартине, используя термины теории информации, в качестве основной функции избыточности называл борьбу с шумом, то есть обеспечение восприятия сообщения, несмотря на помехи [Мартине, 2004]. Однако он также уточняет, что «избыточность, заключающаяся в присутствии практически в любом высказывании единиц первого и второго членения, которые не необходимы для коммуникации, но которые, учитывая условия, в которых происходит обмен высказываниями, просто необходимы для того, чтобы коммуникация прошла эффективно, может показаться сначала бесполезной растратой артикуляционной энергии, тогда как чаще всего она является сокращением умственной энергии» [Там же, с. 83]. Здесь А. Мартине не только подчёркивает борьбу с шумом как

основную функцию избыточности, но и выделяет другую функцию избыточности, направленную на экономию умственной энергии в процессе коммуникации. Можно сказать, что избыточность непосредственно облегчает процесс общения, поскольку в некоторых ситуациях отсутствует необходимость, например, в тщательном подборе слов. При этом он добавляет, что «фундаментальная необходимость сохранения избыточности является одним из факторов, который нельзя упускать из виду при изучении условий языковой эволюции. Факт остается фактом: поддержание определённого баланса между затрачиваемой энергией и передаваемой информацией во многом определяет направление и детали этой эволюции» [Martinet, 1980, p. 180].

А. Мартине сообщает о том, что говорящему нужно вести коммуникацию таким образом, чтобы информация, которую он передает, была понятна слушающему, однако для наилучшего восприятия речи говорящему необходимо наполнить речь дополнительными элементами, которые помогут и ему, и слушающему улучшить процесс понимания. Но только в определённой мере, поскольку переизбыток этих элементов наоборот может привести к недопониманию [Там же, p. 180].

П. Хелтай определяет избыточность следующим образом: это выражение одной и той же информации или компонента значения более одного раза или выражение фрагмента информации или компонента значения, которые кажутся настолько очевидными, что их лучше всего выводить из других языковых элементов высказывания или ситуации и/или общих знаний о мире [Heltai, 2005].

Избыточность рассматривается К. Бацанеллой как часть сложного механизма языка. Автор объясняет широкое распространение избыточности в устной речи, особенно в непосредственной коммуникации (face-to-face), характерным отсутствием устойчивости (permanence) устного канала связи, которое вызывает необходимость повтора важной информации, чтобы сфокусировать внимание адресата и избежать недопонимания [Bazzanella, 2011].

В словаре лингвистических терминов Х. Буссман 1998 года избыточность рассматривается непосредственно с точки зрения её проявления в языке [Bussman,

1996]. Автор пишет, что избыточность – это избыточная информация, то есть информация, выраженная более одного раза, которая, таким образом, в некоторых случаях может быть опущена. Однако из-за того, что общение может быть затруднено из-за различных помех и шумов, различий в речи говорящих, невнимательности и неправильной интерпретации языка, язык превратился в такое средство коммуникации, которое обладает большой степенью избыточности. Это проявляется на всех уровнях лингвистического описания, что, возможно, наиболее выражено в большом количестве морфологических маркеров и лексических повторах.

Говоря о повторах как одном из проявлений избыточности, Дж. Эйтчисон делает акцент на их двояком восприятии: с одной стороны, непосредственные самоповторы слогов, морфем и слов в большинстве случаев можно расценивать как недостаток, поскольку они вызывают проблемы с пониманием: они, как правило, отфильтровываются как ошибки. С другой стороны, частичные самоповторы и повторы других слов способствуют пониманию и помогают коммуникации [Aitchison, 1994, p. 27].

Стоит также отметить подход к избыточности с точки зрения генеративной лингвистики. Д. Кристал пишет, что в рамках генеративной лингвистики понятие избыточности было формализовано в терминах правил (правил избыточности), которые упрощают форму описаний [Crystal, 2009]. Любая функция, которая может быть предсказана на основе других функций, является избыточной.

Например, в генеративной фонологии, когда определённые признаки сегмента предсказуемы (из-за появления других признаков в каком-либо совместно встречающемся сегменте), спецификация этих признаков не нужна: такие избыточные спецификации признаков останутся пустыми в базовом представлении морфем (правила, впоследствии используемые для вставки избыточных функций, называются «правилами лексической избыточности» или правилами структуры морфем). Правила избыточности также важны в теориях недостаточной спецификации фонологии. В генеративном синтаксисе правила лексической избыточности применяются к таким процессам, как

подкатегоризация (таким образом упрощающая спецификацию признаков синтаксической категории) и словообразование (позволяющая получить один класс слов из другого) [Crystal, 2009].

А. Рохман в своей работе предлагает такое определение избыточности – это повторение слова или фразы, которое ничего не добавляет к предыдущему значению, а просто пересказывает то, что уже было сказано [Rohman, 2017]. Данное определение перекликается с другими в том, что под избыточностью понимается повтор уже известной информации, которую можно опустить. Тем не менее, речь идёт об идеальных условиях, когда ничего не мешает коммуникации, поэтому при наличии шума или иных препятствий необходимость в повторе информации существует.

Если говорить об отечественной лингвистике, то понятие избыточности в терминологическом смысле появляется в книге «Семантика» М. А. Кронгауза [Кронгауз, 2005, с. 153] и в книге Н. Б. Мечковской «Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков» [Мечковская, 2001]. Абзац, посвящённый шумам и – как следствие – избыточности языка как кода, также присутствует в книге И. П. Сусова в разделе «Информационные процессы и системы». И. П. Сусов отмечает, что «естественные языки обычно характеризуются высокой избыточностью, позволяющей распознавать речевые сигналы с достаточной степенью надёжности» [Сусов, 2008, с. 33]. В. А. Звегинцев обнаруживает разницу между естественным языком и логическим языком именно по признаку наличия или отсутствия избыточности [Звегинцев, 1967, с. 29]. А. В. Колмогорова и А. В. Марголина, сопоставляя «естественные» и «сгенерированные искусственным интеллектом» тексты, обнаружили, что первые отличаются большей гибкостью синтаксической структуры, которая допускает как пропуск или сокращение структур, так и избыточность, а также большей лексической вариативностью [Kolmogorova, 2024].

В монографии Ю. Б. Дюндик иллюстрацией проявления языковой избыточности в процессе коммуникации может служить пример использования наречий оценки в кажущихся тавтологическими конструкциях типа *furiously*

indignant, achingly painful и пр. [Дюндик, 2011]. Автор, анализируя данные словосочетания с позиций когнитивной лингвистики, приходит к выводу, что такого рода избыточность «обусловлена стремлением говорящего обеспечить определенное приращение и обогащение информационного смысла высказывания» [Там же], поскольку прилагательное и наречие имеют как общие семантические компоненты, так и дифференциальные признаки, их сочетание создает определенную семантическую сложность, детализируя категоризируемые ощущения [Там же].

Однако несмотря на внимание лингвистов к феномену избыточности, нельзя не отметить некоторую нечёткость определения этого понятия в рамках лингвистической науки.

Одной из причин тому является неотделимость избыточности от естественного языка. Это настолько естественное явление, что представить себе язык без избыточности невозможно. Любой естественный язык обладает достаточно высоким уровнем избыточности, однако даже в рамках одного языка уровень «нормальной» избыточности нельзя назвать стабильным. Он изменяется для каждого отдельно рассматриваемого текста в зависимости от того, устный он или письменный, от его функционального стиля, жанра и множества других факторов.

Такой подход позволяет предположить, что избыточность может возникать не только для компенсации помех в канале связи. Очень важен тот факт, что каждое сообщение проходит сквозь призму языковой личности, сквозь жизненный опыт каждого из коммуникантов.

Избыточность является существенной характеристикой любого текста на естественном языке, выступающей механизмом гарантии «приёма сообщения» для его адресата. Носители языка (подсознательно) владеют информацией о необходимом (нормальном) уровне избыточности текста, соответственно, не только понижение, но и повышение этого уровня ведёт к ухудшению восприятия текста [Грудева, 2008, с. 7]. Другими словами, говорящий стремится к точному, а, следовательно, более развёрнутому способу выражения мысли, в то время как

такая форма выражения часто не обладает свойством ясности для слушающего и, соответственно, не достигает нужного перлокутивного эффекта [Ким, 2017]. Н. Д. Голев, разбирая примеры из юридической практики, пишет, что наличие развёрнутых комментариев также не решает проблемы неоднозначности восприятия и интерпретации законов в правоприменительной практике [Голев, 2016].

К избыточности можно относиться как к необходимому и желательному излишеству, так и к ненужному, вредному и используемому без цели излишеству [Wińczyska-Kończyszka, 2008]. К подобным выводам приходят Е. Тихонова, Д. Мезенцева и П. Касаткин, проводя анализ научных текстов. Они утверждают, что избыточность может улучшить понимание, усиливая ключевые моменты, но также может препятствовать общению из-за чрезмерного повторения. Поэтому в своей работе они подчеркивают важность баланса между повторением и краткостью для поддержания ясности и вовлеченности читателя, отмечая, что чрезмерная избыточность может привести к утомлению читателя [Tikhonova, 2024].

Таким образом, избыточность, изначально рассматриваемая как отрицательное явление, благодаря исследованиям К. Шеннона в области теории информации и последующим лингвистическим исследованиям А. Мартине, Г. Глисона, А. Звегинцева и др., получает развитие в науке и теперь уже воспринимается в положительном ключе как неотъемлемая часть естественного языка, если говорить о собственно языковой избыточности, которая характерна для структуры языка. В то же время избыточность речевая до сих пор рассматривается неоднозначно. С одной стороны, например, в рамках научного стиля лексическая и синтаксическая избыточность, которая помогает уточнить терминологию и описать различные явления как можно менее двусмысленно, играет положительную роль в коммуникации, а с другой стороны, избыточность в виде слов-паразитов или заполненных пауз хезитации воспринимается как признак низкой речевой культуры, которая никакой пользы общению не приносит.

Остаётся не вполне раскрытым вопрос о содержании самого термина «языковая избыточность», поскольку в литературе он может использоваться в качестве «зонтикового» термина как для обозначения избыточности языкового кода, так и для обозначения речевой избыточности. В связи с этим, в следующем параграфе представлено разграничение собственно языковой и речевой избыточности.

1.2. Различные подходы к определению феномена избыточности в языке

Избыточность как феномен языка представляет собой достаточно обширное понятие, которое можно рассматривать с различных точек зрения.

Согласно Г. Глисон, «устранение избыточности могло бы произойти только за счёт уничтожения всей структуры, и код как таковой оказался бы полностью разрушенным. Избыточность – следствие структуры языка и, вероятно, именно с этой точки зрения она прежде всего и интересует лингвистов. Однако избыточность выполняет и другую роль, в некоторых случаях весьма важную <...>» [Глисон, 2008, с. 372]. Затем автор, используя понятие шума, ведёт речь о необходимой степени избыточности самого сообщения.

По этому поводу он добавляет, что «вне всякого сомнения, шум уменьшает эффективность системы связи. Любой идеальный код (то есть использующий полностью передающую способность канала) невозможно применять при наличии помех, поскольку малейший шум исказит сообщение. Единственным средством, позволяющим избежать этого, является избыточность. Искажение сообщения можно предотвратить повтором данного сообщения, а также и некоторыми другими способами. Действительный код должен обладать достаточной избыточностью, чтобы компенсировать шум в системе. Поскольку в каждом языке обычно существует избыточность, свойственная его структуре, код можно использовать и при наличии умеренного количества шумов» [Глисон, 2008, с. 373]. В связи с этим необходимо разграничивать два связанных друг с другом

понятия – это избыточность языка (как кода), то есть языковая избыточность, и избыточность сообщения (текста), то есть речевая избыточность.

Схожую идею выражают и М. Джиллетт и Э.-Я. К. Вит, которые предлагают разделять языковую избыточность (*linguistic redundancy*) на грамматическую и контекстуальную [Gillette, 1999].

В. Ю. Светличная тоже видит необходимость разграничения непосредственно языковой избыточности как кода и речевой избыточности как субъективного явления, вида свободной творческой деятельности индивида. Языковая избыточность и речевая избыточность – явления смежные, но не тождественные [Светличная, 2021].

Н. В. Глаголев также предлагает выделить несколько типов функциональной избыточности. Он исходит из того, на каком фоне она появляется, подразумевая различные виды лингвистического и экстралингвистического контекстов [Глаголев, 1967].

Подробная классификация языковой избыточности представлена у И. Н. Филипповой, которая предлагает достаточно большое количество вариантов дифференциации избыточности. В частности, первый вариант её классификации [Филиппова, 2011] также предполагает подход к избыточности с точки зрения обусловленности языковыми или внеязыковыми факторами, в рамках которых выделяются:

1) внутриязыковая избыточность (она же собственно языковая), которая определена самой системой языка и имеет две формы – это синтаксическая избыточность и семантическая избыточность.

2) экстралингвистическая избыточность (она же речевая), которая определяется коммуникативными условиями и возникает на уровне взаимодействия языка и субъекта речи и обусловлена использованием языка как коммуникативной системы. С точки зрения релевантности информации И. Н. Филиппова подразделяет экстралингвистическую избыточность на релевантную и нерелевантную. Релевантная избыточность направлена на реализацию особого коммуникативного задания в условиях шума или языкового барьера, в то время

как нерелевантная не обладает ситуативной или коммуникативной необходимостью.

При языковой избыточности происходит информационное наложение языковых единиц в пределах одной системы, а при речевой избыточности происходит уплотнение информации на синтагматическом уровне. Это, по мнению И. М. Некипеловой и Э. Г. Зарифуллиной, делает языковую избыточность потенциальной, а речевую избыточность актуальной [Некипелова, 2015].

Такое разделение в целом соответствует подходу М. Джиллет и К. Эрнст-Яна и В. Ю. Светличной. Однако И. Н. Филиппова предлагает и другие подходы к рассмотрению избыточности, которые стоит упомянуть. Так, с точки зрения языковой манифестации существует две формы избыточности, коррелирующие, с одной стороны, с иерархической структурой языка, а с другой – с дискурсом [Филиппова, 2011].

Исходя из вышеизложенного, при описании избыточности необходимо дифференцировать языковую избыточность, заложенную в системе языка, которую мы обозначим как собственно языковую избыточность, и избыточность в речи, которую обозначим как речевую избыточность.

1.2.1. Собственно языковая избыточность

Собственно языковая избыточность встроена в систему каждого естественного языка и проявляется на грамматическом, семантическом и фонетическом уровнях. При этом интегральной является именно грамматическая избыточность, поскольку она подчиняется правилам грамматики и не зависит от контекста и других экстралингвистических факторов [Светличная, 2021]. В каждом языке существуют определенные грамматические структуры, передающие дополнительную информацию, устранение которых не влияет на восприятие содержания речи.

Если полностью отказаться от избыточности (что невозможно в естественном языке), это приведет к невозможности существования самого языка,

считает Г. Глисон. В условиях умеренного шума избыточность структуры языка обеспечивает возможность передачи более точной и объёмной информации [Глисон, 2008].

Языковая избыточность проявляется в разных формах в разных языках [Leufkens, 2020], но важнейшим механизмом в большинстве языков является механизм согласования. В частности, можно говорить о грамматическом и о семантическом согласовании. Ш. Балли относил грамматическое согласование, как в примере *мы любим*, и дублирование предлогами семантики управляющего глагола, например, *направиться к, войти в, пройти через*, к явлениям обязательного грамматического плеоназма – вида избыточности, состоящего в намеренном или ненамеренном полном или частичном дублировании компонентов высказывания посредством разнокоренных (или нетождественных) лексем или грамматических форм [Балли, 1955]. В сборнике статей Института лингвистических исследований РАН «Избыточность в грамматическом строе языка» избыточность системы языка описывается преимущественно в аспекте грамматического согласования на примере русского языка [Избыточность в грамматическом строе языка, 2010].

Если говорить о грамматической избыточности английского языка, то здесь можно привести несколько примеров:

1. Окончание глагола *-s* указывает на третье лицо, единственное число настоящего времени. Поскольку английский язык не относится к языкам типа «pro-drop», то есть к языкам с эллипсисом местоимения, то в данном случае наличие такой морфемы избыточно. Например, в предложении *so you cut it and then it grows* в слове *grows* присутствует морфема *-s*, которая указывает на третье лицо единственного числа. Однако местоимение *it* как раз и является местоимением третьего лица единственного числа, и дополнительный маркер в виде морфемы *-s* является избыточным, поскольку он дублирует грамматическое значение, выраженное местоимением *it* [Кузьмина, 2011].

2. Избыточность проявляется в вопросительных предложениях. Например, в предложении *How is your mother?* (тип специальных вопросов) присутствует два

указателя на то, что предложение является вопросительным – это наличие вопросительного слова *how* в начале предложения и субъектно-предикатная инверсия [Gillette, 1999]. Данная инверсия и будет являться избыточной, поскольку в предложении уже присутствует вопросительное слово *how*.

3. В предложениях с Present Continuous также можно обнаружить избыточность. Например, в предложении *They are moving, moving again, moving as never before, they are moving and looking around* [https://www.youtube.com/watch?v=sD0SIN4-UjM&ab_channel=Luke%27sEnglishPodcast] индикаторами множественного числа являются и местоимение третьего лица множественного числа *they*, и глагол *to be* в форме множественного числа *are*, хотя устранение этой характеристики у одного из слов не повлияет ни на смысл высказывания, ни на его восприятие.

Отсюда можно сделать вывод, что структура языка и его грамматические правила определяют, в каких случаях отдельные грамматические характеристики дублируются в составе высказывания, повышая степень его избыточности.

И если в разных языках характер грамматического согласования будет различаться, то семантическое согласование (как и семантическая избыточность) универсально для любого языка в принципе. Ю. Д. Апресян считает, что слова, образующие состав предложения, имеют в своих значениях общие – другими словами, повторяющиеся – семантические компоненты [Апресян, 1995].

Приведём пример из английского языка: «*Hello, it's time to do another episode of my podcast. I hope you are doing fine wherever you are. Very **rainy** and **gray** here in Paris where I live. It's raining outside, it's **miserable** and **gray** and **wet**, so the conditions are perfect for staying here and recording another episode of my podcast for you to enjoy*» [https://www.youtube.com/watch?v=JLaeBWgodhA&t=131s&ab_channel=Luke%27sEnglishPodcast].

В данном случае необходимо обратить внимание на слова *rainy*, *gray*, *raining*, *miserable*, *wet*. Каждое из этих слов содержит в себе общий семантический компонент, описывающий определённое состояние погоды, связанное с серостью,

унынием, чувством дискомфорта и повышенной влажностью: *rainy* со значением «мокрый или проливной дождь», *gray* со значением «тёмный, унылый, мрачный», *miserable* со значением «несчастный, подавленный, причиняющий страдания и дискомфорт», *wet* со значением «дождливый, туманный, влажный».

Об избыточности на фонетическом уровне пишет Д. Кристал: некий признак – с фонетической точки зрения речь идёт о фонеме, – избыточен, если его наличие не нужно для определения языковой единицы [Crystal, 2009]. На примере английского языка можно рассмотреть контраст между фонемами /p/ и /b/, как в словах *pin* и *bin*. Этот контраст может быть определён с точки зрения звонкости и глухости, мышечного напряжения и придыхания. Однако только одна из этих характеристик необходима для определения задействованного контраста, и, если взять за основу какой-то один признак (например, наличие и отсутствие придыхания), другие признаки будут рассматриваться как избыточные.

При этом следует добавить, что могут возникнуть обстоятельства, которые повлияют на обобщённость анализа: например, в других позициях в слове признаки фонемы могут стать менее избыточными как, например, в словах *rip* и *rib*, где мышечное напряжение при произношении менее выражено. Кроме того, такие экстралингвистические факторы как публичное выступление или общение в условиях громкого шума, наоборот, способствуют тому, чтобы говорящий задействовал как можно активнее все отличительные признаки фонемы, чтобы сделать свою речь более понятной для слушающего.

Таким образом, можно сказать, что собственно языковая избыточность является неотъемлемой частью языковой системы, поскольку присутствует в языке вне зависимости от ситуативных, контекстуальных и экстралингвистических факторов и служит для дублирования информации, уже заданной другим элементом. Стоит добавить, что такая избыточность будет общей как для носителя, так и для неносителя языка, поскольку первый обладает знаниями о грамматическом и семантическом согласовании, а второй стремится освоить это согласование, что позволяет им вести коммуникацию между собой. Совершенно иначе выглядит ситуация с речевой избыточностью.

1.2.2. Речевая избыточность. Продуктивная и непродуктивная речевая избыточность

В отличие от избыточности собственно языковой, речевая избыточность в большей степени определяется коммуникативной ситуацией.

Речевая избыточность – это повтор информации или её наполнение дополнительными элементами, которые в грамматическом смысле не являются обязательными. Её основной принцип состоит в воспроизведении идентичных элементов или добавлении иных элементов, которые не несут в себе дополнительную или новую информацию, и её мотивировании социально-лингвистическими и психолингвистическими факторами. Кроме того, есть и чисто лексическая избыточность.

Соответственно, речевая избыточность возникает в ситуациях живого – устного или письменного – общения и проявляется в различных формах. Речевая избыточность может использоваться по-разному в разных культурах и языках, а также может отличаться в зависимости от жанра и от того, используется ли она в устной или письменной речи [Al-Qaddoumi, 2023].

На появление речевой избыточности в первую очередь влияет спонтанность речи, которая «возникает без воздействия извне, без внешних импульсов» [Земская, 1988]. Также лингвистами в понятии «спонтанность» выделяется такой важный признак как неподготовленность [Поликарпов, 2016]. Другими словами, имеет место отсутствие возможности предварительно обдумать высказывание, что часто может привести к повторению отдельных частей или даже целого высказывания. Различные уточнения и поправки могут появляться для того, чтобы получить чуть больше времени для более точного подбора слов. Кроме того, на разговорную речь оказывает влияние непринуждённость коммуникации, когда коммуниканты не так жёстко контролируют форму и содержание высказывания. Наконец, эмоциональность тоже приводит к появлению избыточности в процессе общения.

Такая избыточность свойственна всем уровням языка. Об этом пишет, например, Ш. Мухаммед, констатируя, что избыточность является лингвистической особенностью и может быть обнаружена на грамматике, фонологии и других уровнях языкового анализа [Muhammed, 2018]. Н. В. Алонцева пишет, что речевая избыточность характерна для фонетического, орфографического, лексического и синтаксического уровней [Алонцева, 2019]. Фонетическая избыточность возникает непосредственно в процессе устного общения и связана с добавлением интонации, удлинении гласных и согласных звуков, а также произношением дополнительных звуков в слове – намеренно или случайно, ввиду произносительной ошибки. Всё это дает сообщению дополнительные элементы, которые делают его более избыточным. Орфографическая избыточность актуальна для письменной коммуникации и чаще всего представляет собой дополнительные буквы в слове, написанные коммуникантом по ошибке. Лексическая избыточность возникает и в устной, и в письменной коммуникации, и чаще всего представляет собой повтор слов или фраз, которые говорящий проговаривает на протяжении всего сообщения. Использование говорящим одного и того же слова (или фразы) или синонима может быть обусловлено конкретной речевой ситуацией, когда, например, необходимо подчеркнуть важность данного слова или помочь слушающему, если он не расслышал или не понял значение слова. Наконец, синтаксическая избыточность – это избыточность в виде повторяющихся предложений, которые объединяет общая идея, мысль, доносимые говорящим. Такие повторы можно считать примерами вторичных текстов, которые в статье Н. В. Мельник определяются как тексты, созданные на основе других текстов [Мельник, 2011]. Поэтому можно предположить, что повторяющиеся предложения порождаются говорящим на базе самого первого предложения, после которого коммуникант, используя иную лексику – синонимы, фразеологические обороты и т.д., – старается донести до слушающего ту же самую мысль для того, что помочь ему в восприятии сложного для него текста.

Среди функций повторов Дж. Эйтчисон выделяет следующие: повторение может расширять существующие языковые ресурсы и способствует связности и понятности текста, при этом «текст» используется в самом широком смысле, включая устную речь (речь здесь обычно идёт о самоповторах), а также облегчает взаимодействие участников коммуникации. В некоторых типах текстов, например, в юридических документах, повторы используются как средство устранения неверного понимания [Aitchison, 1994].

Все вышеперечисленные виды избыточности можно отнести к продуктивной или непродуктивной избыточности (в терминологии В. И. Филипповой они представлены как релевантная и нерелевантная избыточность) (см. Рисунок 2).

Продуктивная избыточность прежде всего направлена на повышение информативности и помехоустойчивости сообщения, что позволяет в полной мере понять его смысл. Такая избыточность не является излишней, а как раз наоборот, уточняет, повторяет или передаёт другими языковыми средствами информацию, которой обмениваются коммуниканты. Выделение слова или фразы высотой голоса, повтор слова или предложения, перифраз – это всё примеры продуктивной избыточности.

Продуктивная избыточность	Непродуктивная избыточность
	
☐ Повышает информативность и помехоустойчивость сообщения	☐ Помогает подобрать более подходящую речевую стратегию
☐ Уточняет и передаёт информацию другими языковыми средствами	
☐ Необходима слушающему	☐ Необходима говорящему

Рисунок 2 – Сопоставление продуктивной и непродуктивной избыточности

Непродуктивная избыточность, на первый взгляд, включает в себя такие элементы высказывания, которые не делают его более информативным и не несут

в себе дополнительной информации. Они скорее делают информацию более сложной для восприятия, что может говорить, например, о низком уровне речевой компетенции (УРК) коммуниканта [Богданова, 2007; Зайдес, 2020] или, если речь идёт о межкультурной коммуникации, о низком уровне владения используемым языком. В результате этого коммуникация становится менее эффективной. Примерами такой избыточности являются заполненные хезитационные паузы, которые возникают в речи говорящего в процессе общения, с удержанием инициативы говорения.

Однако подобный подход не раскрывает в полной мере всю суть избыточности. Как уже неоднократно упоминалось, она является неотъемлемой частью естественного языка, и, соответственно, по определённым причинам она тоже необходима коммуникации. Как пишет М. Жешутко-Иван, коммуникация – это непрерывный процесс, где даже молчание несёт в себе определённый объём информации [Rzeszutko-Iwan, 2016].

Благодаря этому существуют причины и процессы, которые обуславливают существование такой избыточности. В частности, наличие избыточности в речи обусловлено когнитивной спецификой процесса порождения речи, который рекурсивен по своему характеру, то есть состоит из циклов, включающих в себя такие подзадачи, как добавление, удаление или переупорядочение [Яковлева, 2021]. Говорящий не может заранее представить содержание предполагаемого высказывания, что приводит к нелинейному разворачиванию речи, которое включает в себя различные паузы, повторы, самокоррекцию, перефразирование и т.д. Об этом же пишет Е. Кривокапич, констатируя, что паузы перед более длинными, более сложными фразами объясняются как предоставление времени для планирования [Krivočarić, 2020]. Е. П. Шапа также утверждает, что основной функцией хезитационных пауз является маркировка перехода к новому тематическому фрагменту текста [Шапа, 1993]. Пауза рассматривается Е. В. Шапой как способ подготовки к реализации последующего шага.

О важности пауз пишут Д. Бумер и А. Диттман, рассуждая, что декодирование речи происходит в хезитационные периоды, которые для

слушателя являются местом ориентирования при восприятии потока информации [Boomer, 1962]. Паузы не только помогают говорящему оформить высказывание, но также оказывают помощь слушающему при восприятии информации, позволяет ему обдумать сказанное, а также разделить информацию на отдельные сегменты и определить связь между ними.

В данном случае влияние оказывают лингвистические факторы, такие как поиск говорящим наиболее подходящей для оформления высказывания лексической единицы, а также различные грамматические трудности, связанные с правильным морфологическим и синтаксическим оформлением высказывания. Также отметим экстралингвистические факторы: нервное состояние, чувство неловкости, желание намеренно потянуть время и т.д., которые могут возникать в процессе коммуникации.

Речевая избыточность объясняется факторами, связанными с когнитивной спецификой процесса генерации речи, особенно, когда имеется в виду устная речь или общение путем мгновенных сообщений. В этом смысле речь на естественном языке обладает избыточностью на всех уровнях. Однако речевая избыточность в монологичной коммуникации и речевая избыточность в межкультурной коммуникации выполняют разные функции. В частности, об этом говорится в исследовании О. В. Федосовой [Федосова, 2012], где, анализируя избыточность в обиходной устной испанской речи, она устанавливает, что в основном избыточность выполняет функции усиления и выразительности, а иногда придания важности часто употребляющимся словам с «выцвевшим» значением. Функция избыточности в условиях межкультурной коммуникации — способствовать пониманию между коммуникантами, причем «понимание» здесь следует понимать буквально. Проговаривание дополнительных звуков в словах на английском языке, лексические повторы и перефразирование вопросов в условиях низкого УРК по крайней мере одного из коммуникантов позволяет не допустить сбоя в общении. Это не исключает использования в межкультурной коммуникации речевой избыточности, например, в виде повторов слов, для усиления и выразительности: *really really like* (подробнее в п. 3.4.2).

Однако для этого должны быть соблюдены определённые условия. В первую очередь, речь идёт о межкультурной коммуникации, в рамках которой участвуют представители разных культур и для которых язык общения не является родным (или по крайней мере для одного из коммуникантов). Затем УРК по крайней мере одного из участников коммуникантов должен быть на низком или среднем уровне – на уровне A1-B1, в следствие чего у данного коммуниканта могут возникнуть трудности при общении на иностранном языке, что вынуждает его собеседников прибегать к избыточности для адекватной передачи определённой информации, либо приводит к тому, что в речи коммуниканта с низким УРК появляются различные избыточные элементы, которые помогают ему сформулировать высказывание, хоть и с ошибками.

Помимо этого, само общение должно носить позитивный характер, то есть у коммуникантов должно быть обоюдное желание добиться цели коммуникации, поэтому они готовы приложить для этого определённые усилия. В связи с чем примеры для анализа были выбраны из деловой коммуникации и интервью, которые как раз и характеризуются тем, что в них участники коммуникации стремятся к общению, к взаимопониманию для получения определённой выгоды или для самопрезентации.

Соответственно, наличие желания к общению в рамках межкультурной коммуникации играет едва ли не ключевую роль, так как лингвистические и экстралингвистические факторы в данном случае оказывают ещё более сильное влияние, поскольку коммуниканты пользуются неродным для себя языком, что приводит к большим затратам энергии на подбор лексики и правильное морфологическое и синтаксическое оформление мысли, а также добавляются дискомфорт от использования иностранного языка и опасение сделать ошибку.

Вместе с тем, избыточность важна не только для слушающего, но и для самого говорящего, так как она является своего рода опорой, без которой речь не может состояться [Яковлева, 2021]. Избыточные элементы помогают говорящему спланировать речевую перспективу, то есть попробовать подобрать более

подходящую речевую стратегию, которая позволит ему более точно сформулировать мысль.

И. Чизмич пишет, что главной проблемой в коммуникации является нехватка времени для языкового производства, то есть возможности реализации языка посредством разговора и/или письма [Čizmič, 2010]. Здесь стоит вспомнить высказывание А. Мартине о том, что избыточность не является бесполезной растратой артикуляционной энергии, а наоборот, помогает сокращать умственную энергию.

Поскольку наиболее важным в общении является достижение его цели, каждый участник добивается её наиболее удобным для себя способом. Одним из таких способов как раз и является непродуктивная избыточность, которая отмечается у говорящего и позволяет ему закончить мысль.

При актуализации сигналов непродуктивной избыточности образ сообщаемого у получателя не меняется. Непродуктивная избыточность в определённом смысле «измеряет..., насколько может быть уменьшена длина некоторого текста в данном языке без потери какой-либо части информации» [Манжелевская, 2016, с. 139]. Такой подход к избыточности можно считать прагматическим, поскольку избыточность рассматривается как инструмент речевой стратегии, которая способствует повышению эффективности коммуникации.

Можно сказать, что интенциональная продуктивная избыточность направлена в первую очередь на слушающего с целью преодоления «шума», в то время как непродуктивная избыточность повышает эффективность и успешность коммуникации со стороны говорящего, помогая ему тем самым с помощью избыточности сохранить темп диалога и представить связное и законченное высказывание (см. Приложение 1).

Исходя из сказанного, речевая избыточность в первую очередь обусловлена коммуникативной ситуацией, и в зависимости от характера этой ситуации избыточность может приобретать различные формы: как повтор отдельных слов, так и повтор, и перефразирование высказываний и даже целых текстов,

направленные на преодоление недопонимания между участниками коммуникации.

1.3. Специфика изучения речевой избыточности

Изучение речевой избыточности связано с рядом проблем, которые необходимо принимать во внимание при выполнении данной работы. В частности, важно определить, в какой форме она проявляется, на каком уровне языка, помогает или, наоборот, препятствует коммуникации. Классификация примеров речевой избыточности позволяет ответить на первые два вопроса (подробнее об этом см. п. 3.3., 3.4), а для ответа на третий вопрос нужно изучить функциональный аспект избыточности, например, необходима ли она для уточнения или вызвана дискомфортом от использования иностранного языка и направлена на экономию умственной энергии говорящего (п. 1.2.2).

Кроме того, если письменную речь (в первую очередь, бизнес-коммуникацию) можно просто скопировать и проанализировать, то устным текстам требуется дополнительная обработка, например, в устной речи необходимо учитывать просодию. В связи с этим существует необходимость в объективной записи устной речи таким образом, чтобы она в наибольшей степени отражала различные нюансы такой речи, особенно те, которые важны для исследования. Устная речь преобразуется в графический вид путём транскрибирования, с использованием стандартной орфографии в качестве транскрипционного метаязыка.

В данном исследовании используется, главным образом, коммуникативно-просодический подход, поскольку устройство дискурса как последовательности интонационных единиц – это оптимальный компромисс между когнитивными, языковыми и физиологическими факторами [Chafe, 1994, p. 88]. При работе с естественным устным дискурсом нужно отражать его просодическую структуру [Кибрик, 2003, с. 7]. Другими словами, нужно представить в транскрипции просодические элементы, которые анализируются в исследовании.

При анализе языкового материала исследователь может определять для себя, какие просодические и фонетические признаки стоит включать в анализ, а какие – нет [Кибрик, 2003, с. 3]. В данном исследовании учитывались только повышение интонационного паттерна, изменение тона при произношении отдельных слогов или слов, а также изменение длины произношения отдельного звука. А. А. Кибрик и В. И. Подлесская указывают на то, что удлинение звуков нужно обозначать удвоением буквы через дефис: *м-моя, пря-атались* [Там же, с. 12]. Мы же удлинённые звуки указываем с помощью повторного написания букв, как это представлено в следующем примере:

- «*Nooooo, I think they they want me tooooo to come here annnnnnd and try to help the team, I think t's eh a good chance for me toooo to improve annnd hopefully I can help the team toooo improve annnnd to reach our goals for this for this year*» [www.youtube.com/watch?v=TF90iStPe7k&list=PL2FOSBzpyzPT8i8jGCB1maO05miDd5rzF&index=6&t=606s] – носитель норвежского языка тянет гласные звуки в словах *no*, *to* и согласный звук [n] в слове *and*.

Если же говорить об акцентах и интонации, то в анализе важен именно сам факт изменения просодической единицы. Поэтому в работе выделение слогов, слов или фраз обозначается с помощью заглавных букв.

- «*Very strict yes you KNOOOOOOW eight hours a DAAAAYY you know six day a weeeek training 12 years*» [www.youtube.com/watch?v=gyWhUSVKbHU&ab_channel=TheVideo-High-Society] – носитель китайского языка голосом акцентирует слова *know*, *day* и *week*, в которых также растягивает гласные.

Ещё одно ограничение, связанное со спецификой изучения речевой избыточности, обусловлено тем, что многие примеры речевой избыточности представляют собой речевые ошибки, которые практически неизбежны в речи неносителей языка. Во многих высказываниях присутствуют избыточные элементы, при этом некоторые из них являются некорректными с точки зрения нормы языка. Поэтому не всегда легко установить, в чём состоит различие между ошибкой и избыточностью, и определить, есть ли между ними различие вообще.

Ошибки – это достаточно частое явление в речи, поэтому существует большое количество определений и данного понятия, и различных подходов к нему.

Так, Ю. В. Красиков утверждает, что ошибка представляет собой результат расхождения между планом и реализацией действия, когда образуется несовпадение между имеющимся эталоном и конечным продуктом данного процесса [Красиков, 2007]. Здесь ошибка рассматривается как отклонение от нормы, с уточнением, что она представляет собой несоответствие между намерением говорящего и тем, как он реализует своё намерение в речи. Это соотносится с идеей А.А. Леонтьева о том, «речевая ошибка есть своего рода сигнал “шва” в речевом механизме, разошедшегося под влиянием тех или иных обстоятельств» [Леонтьев, 1967, с. 10].

В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике: Около 9000 терминов» под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского представлено определение речевых ошибок (*speech errors*) как языковых явлений, сопровождающих речь, которые исследуются в психолингвистике для выявления правил речепроизводства. К речевым ошибкам обычно относят паузы (*pauses*), колебания (*hesitations*), *исправления* (*corrections*), *повторы* (*repetitions*), замещения (*substitutions*) и оговорки (*slips of tongue*)» [Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: около 9000 терминов, 2001, с. 335] (*выделено нами – А. Г.*). Выделенные типы речевых ошибок могут также являться примерами речевой избыточности. Интересно, что в данном случае авторы представляют ошибки не как отклонение от нормы, а как элементы, которые помогают учёным выявить правила производства речи. Здесь следует уточнить, что в силу разнородности ошибок и проблем с репрезентативностью выборок есть учёные, критикующие использование анализа ошибок в исследовательских целях [Hartsuiker, 2006]. Одна из проблем подобного рода – проблема с интерпретацией ошибки [Залевская, 2009, с. 12].

Стоит отметить, что, кроме нормы, существует также узус – категория культуры речи, и некоторые исследователи выделяют индивидуальные речевые

особенности и общеязыковой узус или норму речи [Зыкова, 2024]. Для данного исследования в первую очередь важна именно норма, поскольку нарушение узуса не всегда означает отклонение от нормы языка, а только непривычные, неклишированное для носителя языка использование, например, грамматических форм или сочетаний слов.

Приведенные выше определения ошибки в той или иной мере говорят о том, что она не является частью языковой нормы, но при этом помогает эту норму выявить. Однако они затрагивают в основном речевые ошибки в коммуникации на родном языке. По мнению А. А. Залевской, анализировать ошибки нужно в более широком контексте пользования вторым языком [Залевская, 2009]. Это согласуется с нашей точкой зрения, поскольку ошибки неизбежны в межкультурной коммуникации, в рамках которой осуществляется взаимодействие между представителями с различным культурным и языковым бэкграундом, процесс общения происходит на иностранном, например, на английском языке, который выступает в качестве лингва франка. Речь коммуникантов с невысоким УРК непременно характеризуется наличием речевых ошибок, которые будут иметь другие свойства, отличные от свойств ошибок в родном языке.

В монографии Н. Н. Рогозной представлено определение лингвистической ошибки, суть которой заключается в функциональном нарушении речевых отрезков, влекущее за собой искажённое представление об объекте познания (языка) [Рогозная, 2001]. Это определение пересекается с предыдущим в том, что речь идёт об объекте познания, то есть о языке, на который нужно ориентироваться при коммуникации.

Е. В. Беляева считает, что речевые ошибки являются интерпретацией процесса усвоения иностранного языка и связаны с сознательным или подсознательным сравнением его с родным. Речевую ошибку в таком случае можно рассматривать как специфический тип экспликации средствами иностранного языка «своей» картины мира, калькирование которой приводит к нарушению законов построения и правил функционирования языковой системы изучаемого языка [Беляева, 2004]. Это определение представлено с позиции

психолингвистики, и, согласно ему, возникновение ошибок в данном случае обусловлено языковой интерференцией.

В английском языке существуют два слова, которые на русский можно перевести как «ошибка» – слова *error* и *mistake*. Между ними проводят различия: «error», которая является результатом недостаточного знания, и «mistake», сделанной говорящим при письме или говорении и которая вызвана невнимательностью, усталостью, небрежностью или каким-либо другим аспектом исполнения (англ. *performance*) [Richards, 2010].

Таким образом, недостаточное знание иностранного языка вынуждает говорящего поддерживать коммуникацию за счёт иных средств, в том числе, повторов и использования средств родного языка, что приводит к возникновению несвойственных языку общения форм и элементов, которые представляют собой ошибки. Л. Селингер, говоря о «грамматике промежуточного языка», называет её набором правил, которые могут быть выведены из изучаемого языка, перенесены из родного или вообще «изобретены» обучающимся индивидом [Selinker, 1972; Цит. по Залевская, 2009].

Стоит отметить, что высказывание считается достаточным, если оно воспринимается адекватно замыслу говорящего или пишущего, а также если оно правильно выражено языковыми средствами. Первое условие обязательно всегда, однако второе условие – спорно, так не совсем ясно, можно ли считать недостаточным такое высказывание, которое ошибочно с точки зрения грамматики, но при этом не противоречит контексту и выражает коммуникативное намерение говорящего [Рогозная, 2001].

Поднимая вопрос о достаточности высказывания, можно говорить не только о речевых ошибках, но и также о речевой избыточности. Таким образом, есть два явления – речевая ошибка и речевая избыточность, – которые имеет много общего между собой, особенно в межкультурной коммуникации.

Эти явления (речевые ошибки и речевая избыточность) обусловлены в межкультурной коммуникации одними и теми же причинами (собственным представлением о языке и недостаточным знанием иностранного языка), в то

время как отношение к ним зависит того, что является объектом анализа в данном высказывании. Стоит отметить, что в данном случае совпадение речевых ошибок происходит с непродуктивной речевой избыточностью, в то время как продуктивная избыточность не всегда является отклонением от нормы.

Недостаточное знание иностранного языка может повлиять на появление избыточности в речи. При этом определить уровень речевой компетенции неносителя языка достаточно сложно, однако от этого может зависеть отнесение того или иного примера к речевой избыточности или к варианту нормы.

В некоторых случаях возникают сомнения в правомерности отнесения примера к избыточности, и тогда дополнительным фактором становится информация об уровне владения английским языком определённого коммуниканта. Если уровень речевой компетенции у него высокий, скорее всего, пример избыточности будет проинтерпретирован как вариант нормы. Например, если известно, что уровень речевой компетенции неносителя английского языка из Сербии находится в пределах A1-B1, то использование *was* перед *changed* в предложении *After two thousand and four my career was changed* будет рассматриваться как пример речевой избыточности. В данном примере это связано с влиянием родного языка говорящего – которым является сербский язык, – поскольку он может строить английскую форму прошедшего времени активного залога по аналогии с подобной формой в сербском языке. Однако неверно построенная им по аналогии форма *was changed* полностью совпадает с формой прошедшего времени пассивного залога в английском языке. В сербском языке форма прошедшего времени активного залога образуется с помощью вспомогательного глагола *бити* (англ. *to be*) и формы прошедшего времени основного глагола, в данном случае это был бы глагол *променити се*, наиболее близкий по значению к английскому *change*. То есть английскому предложению *my career was changed* (прошедшее время, пассивный залог) в сербском языке соответствует *мој живот је се променио* (прошедшее время, активный залог). И именно по такой модели говорящий с низким УРК в области английского языка может ошибочно строить свои высказывания, если коммуникация носит

спонтанный характер. Таким образом, имеет место языковая интерференция в грамматике, где родной язык говорящего влияет на его речь на иностранном языке.

Кроме языковой интерференции, немаловажную роль в коммуникации и в использовании речевой избыточности может играть и культурный аспект. Однако данное исследование в первую очередь направлено на выявление общих инструментов, которые задействуют коммуниканты для достижения целей коммуникации, несмотря на наличие очевидных сложностей, поскольку по крайней мере один из них имеет средний или низкий уровень речевой компетенции на английском языке. Поэтому нами анализируется речь на английском языке коммуникантов, которые являются носителями 34 языков: английского, арабского, болгарского, вьетнамского, греческого, датского, исландского, испанского, казахского, китайского, корейского, латышского, литовского, малайского, малаялам, монгольского, немецкого, нидерландского, норвежского, польского, португальского, румынского, русского, сербского, словацкого, тайского, турецкого, фарси, фарерского, финского, французского, хинди, хорватского, японского. И, как будет показано в Главе 3, все говорящие вне зависимости от особенностей их родного языка и культуры прибегают к избыточности при возникновении сложностей в межкультурной коммуникации, входящей в межкультурную коммуникацию.

Возникает необходимость выделить определённые критерии, позволяющие подобрать такие примеры коммуникации, в которых речевая избыточность проявляется в наибольшей мере. Важным критерием в данном случае, как было сказано выше, является уровень речевой компетенции.

В работе К.Д. Зайдес уровень речевой компетенции определяется как уровень владения человеком всеми средствами родного языка, который оказывает влияние на речь говорящего [Зайдес, 2020]. Он обусловлен наличием образования и использования в речи всех необходимых средств языка, а также «сознательное отношение к языковой культуре» [Ерофеева, 2021, с. 18], что соотносится с наличием или отсутствием профильного филологического образования и/или

навыков языковедческой работы. Этот критерий учитывается также и в классификации УРК, предложенной Н.В. Богдановой, которая определяет УРК как «степень свобод говорящего в выборе речевых средств, уровень владения этими возможностями, его способность решать те или иные коммуникативные задачи [Богданова, 1998, с. 64]. Такое определение представляется более широким и может касаться не только уровня речевой компетенции носителей языка, но и тех, кто вступает в коммуникацию на иностранном языке.

Выделяют разные уровни речевой компетенции, основанные на комбинации рассмотренных выше признаков:

- 1) высокий УРК: профессиональное отношение к речи и высшее образование;
- 2) средний УРК: непрофессиональное отношение к речи и высшее образование;
- 3) низкий УРК: непрофессиональное отношение к речи и отсутствие высшего образования [Зайдес, 2020].

УРК оказывает влияние на темп речи говорящего [Степанова, 2011], принципы порождения спонтанного монолога [Богданова, 2004], количество речевых сбоях [Сапунова, 2009], словарный запас [Русская спонтанная речь, 2020], употребление некоторых грамматических форм [Рожкова, 2011], членимость текста, длину и разнообразие синтаксических конструкций [Богданова, 2004]. Упомянутые факторы также актуальны и для неносителей языка, чей уровень владения языком также влияет на коммуникацию.

Стоит также упомянуть, что речь человека также находится под влиянием его профессиональной занятости и его основной рабочей деятельности [Бахтин, 1975, с. 106]. Для неносителей языка задача усложняется, поскольку им необходимо знать пласт профессиональной лексики на иностранном языке, но в реальности это не всегда имеет место. Говорящий может знать язык на достаточно высоком уровне, при этом не владея профессиональной лексикой, что в данном случае говорит о среднем УРК.

В документе Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка» определено, чем необходимо овладеть изучающему язык, чтобы использовать его для общения, а также какие знания и умения ему необходимо освоить, чтобы коммуникация была успешной [Common European Framework of Reference for Languages, 2020]. Для этого была разработана Шкала Совета Европы (Common European Framework, CEF), которая устанавливает уровень владения языками. Существует 6 крупных уровней, которые представляют собой более низкие и более высокие подуровни в классической трёхуровневой системе, в которую входят базовый, средний и продвинутый уровни, важные для межличностного общения, сотрудничества и транзакций.

С точки зрения данной классификации, низкому и среднему УРК соответствуют уровни A1, A2 и B1, подразумевающие ограниченное использование языка, в результате чего говорящему и слушающему требуется задействовать дополнительные ресурсы для поддержания коммуникации с собеседником.

В рамках исследования наибольший интерес представляли коммуниканты, владеющие иностранным языком на уровнях A1, A2 и B1. Обосновано это тем, что при данном уровне речевой компетенции говорящие испытывают трудности при коммуникации, из-за чего они вынуждены задействовать различные ресурсы для поддержания взаимодействия с собеседником, что приводит к повторам, самокоррекции, использованию слов-филеров, пауз хезитации и т.д.

Таким образом, при изучении речевой избыточности в данном исследовании в фокусе внимания находятся говорящие на неродном языке с низким и средним УРК, то есть отдаётся предпочтение тем ситуациям, в которых по крайней мере для одного из коммуникантов иностранный язык не является профессиональной деятельностью. Связано это с тем, что при низком и среднем УРК у говорящего возникает больше речевых сбоев, что приводит к более частому появлению избыточности в их речи.

Таким образом, изучение речевой избыточности ставит перед исследователями ряд специфических задач, таких как проблема обработки примеров устной речи с учётом её просодических характеристик, проблема соотношения речевой ошибки и речевой избыточности, а также влияние уровня владения иностранным языком на количество используемых случаев речевой избыточности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В ходе изучения теоретического материала по проблеме избыточности в языке и речи установлено, что исторически избыточность рассматривалась как противоположность языковой экономии и получала скорее негативную оценку в том смысле, что языку не свойственно какое-либо излишество, и он стремится избавиться от ненужных, повторяющихся элементов, которые затрудняют понимание. Однако с появлением теории информации в XX в. вновь возник интерес к избыточности, которая в рамках данной теории рассматривалась как явление, повышающее помехоустойчивость информации, то есть за счет избыточности сообщения увеличивается шанс на верное его восприятие. Из теории информации термин «избыточность» вновь заимствуется в лингвистическую науку, где его значение расширяется. При этом избыточность не тождественна повторению и необязательно с ним связана.

Естественный язык рассматривается как средство коммуникации, которое обладает большой степенью избыточности, так как общение происходит в условиях помех и шумов, а также иных препятствий, таких как культурные и языковые различия, невнимательность и неправильная интерпретация. В этих условиях избыточная информация крайне необходима для успешной коммуникации.

Поскольку избыточность проявляется как на уровне языка как системы, так и на уровне речи, разведены понятия собственно языковой избыточности и речевой избыточности, ранее употреблявшиеся многими авторами

взаимозаменяемо. Собственно языковая (внутриязыковая) избыточность является неотъемлемой частью языковой системы и включает в себя грамматическую, семантическую и фонетическую избыточность языка. В то время как речевая избыточность может быть обусловлена и экстралингвистическими факторами, а именно, речевой ситуацией, проявляясь в разных формах в устной и письменной коммуникации на орфографическом, фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

На появление речевой избыточности влияют спонтанность речи и отсутствие возможности предварительно обдумать высказывание, непринуждённость коммуникации и эмоциональность.

Речевая избыточность подразделяется на продуктивную, которая необходима для слушающего, поскольку позволяет повысить помехоустойчивость сообщения, и непродуктивную, которая в коммуникации помогает говорящему, облегчая процесс формулирования высказывания и делая речь более плавной и динамичной. Основная функция интенциональной продуктивной речевой избыточности заключается в том, чтобы способствовать адекватной передаче информации в процессе коммуникации.

Специфика изучения речевой избыточности состоит в том, что: 1) обработка примеров устной речи должна осуществляться с учетом ее просодических характеристик; 2) существует проблема соотношения речевой ошибки и речевой избыточности (продуктивной и непродуктивной); 3) существует зависимость между использованием речевой избыточности (самоповторов, самокоррекций, изменение длины произношения отдельных звуков и т.д.), в том числе, её интенциональным использованием, от уровня владения говорящего иностранным языком.

Проанализированы подходы к речевой ошибке и речевой избыточности как смежным феноменам, имеющим как различия, так и общие свойства. Различия проявляются непосредственно в том, что ошибки всегда являются отклонением от нормы и могут быть связаны с пропуском лексических или грамматических элементов, в то время как речевая избыточность – как продуктивная, так и

непродуктивная — всегда подразумевает именно наличие дополнительных элементов. Более того, и речевые ошибки, и речевая избыточность связаны с искажённым представлением говорящих-неносителей об используемом языке.

ГЛАВА 2. ФОРМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

2.1. Коммуникация как циклический двунаправленный процесс

Коммуникация является неотъемлемым аспектом жизни человека на протяжении всей истории его существования. Соответственно, как объект научного знания, коммуникация тоже имеет очень длительную историю, что подтверждается, например, большим числом определений данного явления.

В Кембриджском словаре английского языка коммуникация – это «также способы, с помощью которых люди строят отношения друг с другом и понимают чувства друг друга» [Cambridge dictionary, 1999]. Здесь коммуникация выступает не столько в роли инструмента передачи информации и средства общения, сколько именно в качестве способа выстраивания отношений между людьми.

С. Г. Тер-Минасова в своей работе «Язык и межкультурная коммуникация» приводит несколько вариантов определения коммуникации. Например, определение коммуникации как «Сообщение, общение. Речь как средство коммуникации. Средства массовой коммуникации (печать, радио, кино, телевидение)», взятое из словаря С. И. Ожегова, показывает синонимичность данного определения термину «общение». Там же она приводит ещё одно определение коммуникации, взятое из словаря иностранных слов – «акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании; сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц», которое также интерпретируется с помощью слова «общение» [Тер-Минасова, 2008б].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой под коммуникацией понимается специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности. В отличие от коммуникации животных, которая является биологически целесообразным совместным поведением, направленным на адаптацию к среде обитания, человеческие формы коммуникации характеризуются

функционированием языка – важнейшего средства человеческого общения [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

Часто в процессе коммуникации – письменной или устной, опосредованной или непосредственной – участники обмениваются не только фактической информацией, но и информацией об их межличностных отношениях и социальном статусе, о том, насколько известной или новой является для коммуникантов передаваемая информация и т.д. [Fetzer, 2011].

Говоря о коммуникации на естественном языке, учёные во многих случаях подразумевают двусторонний процесс.

Об этом пишет, например, М. Жешутко-Иван: «Коммуникация подразумевает взаимодействие между людьми, включая передачу информации от говорящего слушающему (роли могут меняться в течение диалога)» [Rzeszutko-Iwan, 2016]. И.В. Савельева, определяя текст как совокупность средств языка, зафиксированных в речи, пишет, что текст, включённый в процесс коммуникации, рассматривается как двунаправленный объект: с одной стороны, это результат воплощения авторского замысла, его интенций, а с другой – предмет восприятия и порождения новых смыслов, различных пониманий и толкований читателя, адресата текста [Савельева, 2013].

Однако, если ориентироваться на классическую модель К. Шеннона, можно обнаружить линейный характер этой схемы. Наряду с ней существуют и альтернативные схемы, отражающие цикличность и двунаправленность процесса коммуникации. Такие модели в разных источниках именуются циркулятивными или интерактивными.

Подобные модели интересны, прежде всего, тем, что в них обе стороны коммуникации поочерёдно выполняют и роль приёмника, и роль передатчика. Важно наличие обратной связи, которая помогает скорректировать дальнейший процесс коммуникации для достижения необходимого результата.

Лучше всего иллюстрирует цикличность и двунаправленность коммуникативного процесса модель У. Шрамма (Рисунок 3), представленная в 1950-х годах [Schramm, 1954].

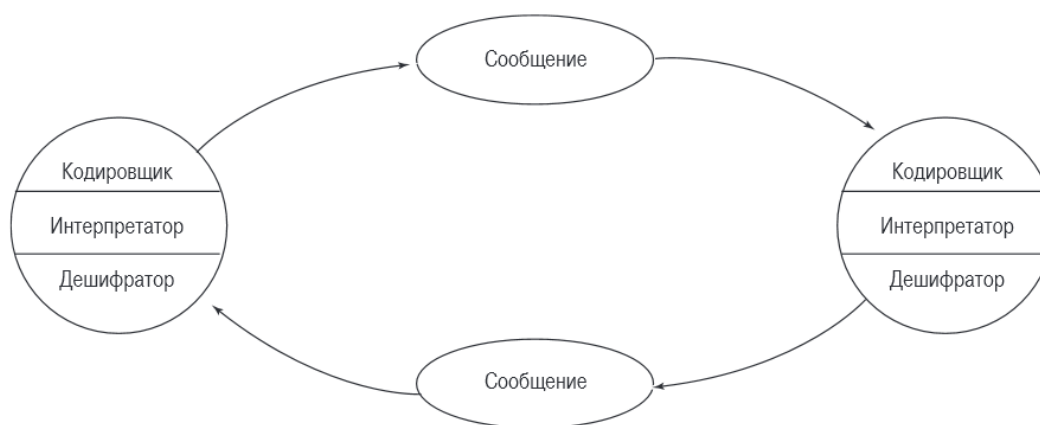

Рисунок 3 – Интерактивная модель коммуникации У. Шрамма

В ходе этого процесса возникают помехи, обозначенные в модели Шеннона-Уивера (см. п. 1.1), которые вынуждают коммуникантов использовать избыточность для улучшения ясности и понимания сообщения. Это характерно для всех коммуникативных процессов, происходящих при использовании естественного языка.

Говоря об информативности как о количественной характеристике информации, многие лингвисты отмечают её зависимость от социальных, психологических, научно-теоретических, общекультурных, возрастных и других особенностей коммуникантов, из чего следует, что для одного получателя сообщение будет новым, то есть информативным, для другого это же сообщение будет лишено информации, поскольку содержание сообщения ему уже известно или непонятно.

Д.Т. Хаева и А.В. Тадтаева утверждают, что не существует необходимости эксплицитно выражать всю информацию, поскольку часть этой информации может быть знакома всем участникам коммуникации как некое «общее знание» [Тадтаева, 2004; Khaeva, 2019]. Избыточность в подобных случаях имеет скорее негативное влияние на коммуникацию, и уже речевая экономия становится важным фактором успешной коммуникации. Однако в условиях межкультурного диалога этот принцип может не работать по той причине, что возникает определённый дисбаланс между объёмами старых и новых знаний участников коммуникации о родной и чужой культуре и, таким образом, между понятиями

достаточности и избыточности. Подобный дисбаланс приводит к нарушению линейности и непрерывности коммуникативного процесса, поэтому необходимым условием эффективности и успешности межкультурной коммуникации является не «выпадение звеньев», то есть речевая экономия, а наоборот, избыточность сообщения, что может быть выражено в виде повторов, перифраз сказанного и обязательного осуществления обратной связи.

Всё вышесказанное наталкивает на мысль о том, что в процессе коммуникации на естественном языке на пути от передатчика к приёмнику существуют дополнительные факторы, искажающие исходную информацию, что может послужить причиной изменения уровня избыточности, направленной на коррекцию такого искажения.

Данное явление можно отразить, расширив для этого классическую модель К. Шеннона (Рисунок 4).

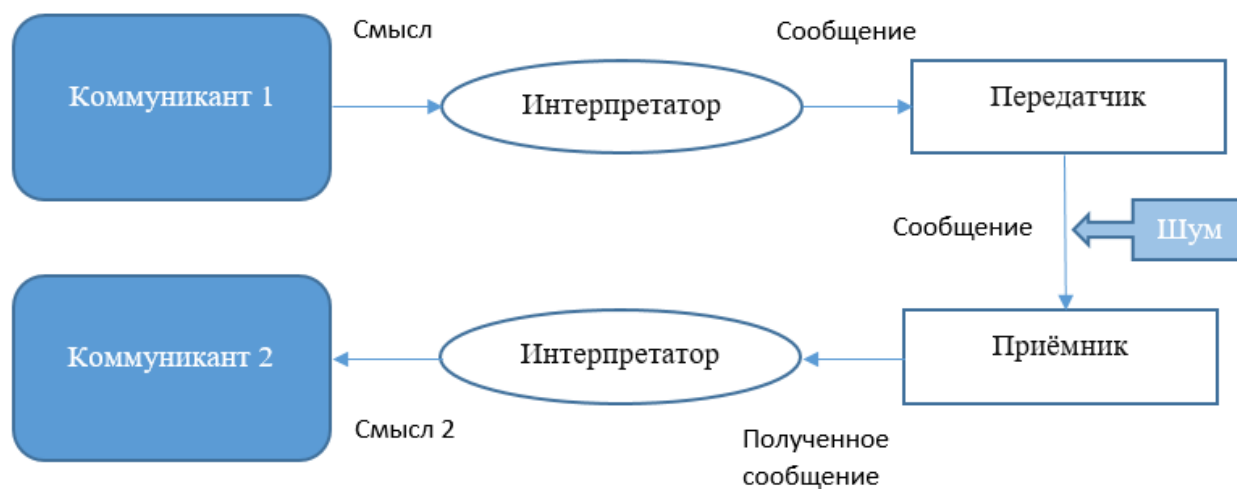

Рисунок 4 – Расширенная линейная модель коммуникации

Коммуникация подразумевает обмен между двумя коммуникантами, каждый из которых обладает определёнными, отличающимися чертами и характеристиками, что в свою очередь означает наличие некоторых барьеров в процессе общения. Однако несмотря на наличие барьеров, эффективная коммуникация все равно возможна с помощью естественного языка. Этот тезис был выдвинут Дж. Л. Остином и Дж. Р. Сёрлем, которые в рамках «Теории речевых актов» доказывали данный тезис [Austin, 1962; Searle, 1969].

В своей теории Дж. Сёрль исходил из того, что жизнь общества образует собой скоординированное целое, а люди взаимодействуют, понимают друг друга, приходят к согласию относительно содержания окружающего их социального мира [Searle, 1969]. Коммуникация предполагает совместные усилия участников, сотрудничающих для достижения определённых целей. Это связано с тем, что значение не просто создаётся говорящим и интерпретируется слушающим, а определяется контекстом.

Таким образом, коммуникация представляет собой комплексный феномен, предполагающий большое число определений и подходов к её изучению. общение на естественном языке не может обойтись без некоторой избыточности [Fetzer, 2011]. Особенно ярко данная проблема проявляется в рамках межкультурной коммуникации, о которой речь пойдёт в следующем разделе.

2.2 Межкультурная коммуникация, формы и языки межкультурной коммуникации

В основе понятия «межкультурная коммуникация» лежит понятие «культура». Слово «культура» восходит своими корнями к античности, а именно, к Древнему Риму. Образованное от лат. cultura – возделывание, обработка, воспитание, данное слово обозначало возделывание почвы, её культивирование, отражая факт воздействия человека на природу [Этимологический словарь русского языка, 2003]. Однако, в современном понимании, культура, с учетом множества трактовок, предстаёт скорее как исторически определённый уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах организации жизни и деятельности людей [Гуревич, 2014].

Культура является одним из определяющих элементов коммуникации, для чего важно оценить её влияние на поведение человека в тех или иных ситуациях. Прежде всего, отметим процесс инкультурации – освоение собственной культуры на сознательном и бессознательном уровне: в первом случае человек знакомится со своей культурой путём социализации посредством образования и воспитания, в

то время как во втором случае освоение происходит хаотично в условиях различных бытовых ситуаций и обстоятельств [Попкова, 2013]. Особенно стоит отметить именно второй процесс, поскольку он приводит к тому, что человек во многих ситуациях опирается именно на такие модели поведения, которые он сам не замечает и воспринимает их как само собой разумеющиеся, что может вызвать сложности при коммуникации с индивидом, подсознательное поведение которого существенно отличается.

Следующий фактор – это восприятие собственной культуры как центральной. При знакомстве с другими культурами человек в первую очередь будет проводить их оценку с точки зрения норм собственной культуры. Соответственно, если какие-то привычки или традиции другой культуры кажутся безнравственными или неподобающими в собственной культуре, то у индивида вполне может возникнуть представление о своей культуре как о превосходящей, более развитой по сравнению с другой [Круглова, 2015].

На поведение человека также влияет контекст, в котором происходит коммуникация, что навязывает определённые линии поведения. Однако реагировать на такие ситуации он может опять же в соответствии с теми правилами и нормами поведения, которые приняты в его собственной культуре. Это может, например, касаться бизнес-коммуникации, в которой одни участники ведут себя максимально сдержанно, а другие, наоборот, предпочитают активное обсуждение, поскольку так принято в их культуре. То есть культура оказывает влияние на восприятие, мышление, поведение всех членов общества и определяет их принадлежность к данному обществу [Хохлова, 2012]

Культура во многом определяет восприятие индивидом окружающей реальности, вынуждая его интерпретировать эту реальность в рамках определённых норм и правил. Другими словами, культура в некоторой степени направляет человека при столкновении с ранее неизвестным явлением, оказывая влияние на то, каким образом он воспримет данное явление. Это проявляется, например, в генерализации различных этнических групп, когда характеристика

одного представителя или небольшой группы представителей распространяется на весь этнос в целом [Садохин, 2016].

«Язык выделяется как первый культурный феномен, требующий способности, свойственной только человеку, – способности к символизации и абстрагированию» [Язык, культура, социум, 2023, с. 64]. При этом язык – определяющее, движущее начало, и именно язык обуславливает формы, которые принимает культура, что в конечном счете мышление человека некоторой лингвокультурной общности зависит от языка, и только от него [Гумбольдт, 2000]. Таким образом, язык, на котором говорит и выражает свои мысли индивид, – это ещё один определяющий фактор, который воздействует на восприятие реальности. Существуют две точки зрения на то, насколько сильно отличается видение мира людей одной языковой группы от другой, – номиналистская и релятивистская.

Согласно номиналистскому подходу, язык никак не связан с восприятием индивидом окружающей реальности. В данном случае язык – это материальное воплощение мыслей человека. Утверждается, что в сознании людей образуются одинаковые или схожие модели окружающего мира, которые можно представить на любом языке мира [Садохин, 2016]. Значит, на любом языке можно выразить любую мысль, пусть при этом для этого потребуются разные инструменты каждого такого языка.

Суть релятивистского подхода заключается в том, что структура и система языка определяют особенности мышления, восприятие реальности, структурные образцы культуры, стереотипы поведения и т.д. Наиболее известными представителями данного подхода являются Э. Сепир и Б. Уорф [Sapir, 1921; Whorf, 1964], которые представили гипотезу лингвистической относительности. Данная гипотеза предполагает, что любой язык – это не только способ выражения мыслей, но и феномен, который формирует человеческую мысль. И формирование мыслей во многом зависит от того или иного языка.

Как отмечал К. Леви-Строс, «язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры» [Леви-Стросс,

1985, с. 57], а Г.О. Винокур по этому поводу писал: «Язык есть условие и продукт человеческой культуры, и поэтому всякое изучение языка неизбежно имеет своим предметом саму культуру...» [Винокур, 1959, с. 246].

Язык выступает одной из основных составляющих культуры, как инструмент, который во многом обуславливает все сферы человеческой жизни и деятельности (и прежде всего коммуникацию во всех формах её проявления), предопределяя развитие культуры и её существование в целом.

С.Г. Тер-Минасова пишет, что «язык как средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находится в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии, что и определяет их развитие» [Тер-Минасова, 2008а]. Тем самым, она подтверждает ранее высказанные утверждения о неразрывной связи языка и культуры.

Культура как явление прошла достаточно длинный путь развития, при этом язык на протяжении всей истории культуры являлся её важной и неотъемлемой частью. Говоря о культуре, мы можем говорить и о коммуникации между культурами, межкультурной коммуникации, которая является частным случаем коммуникации.

Межкультурную коммуникацию можно представить, как общение людей, представляющих разные культуры [Тер-Минасова, 2008б]. С.Г. Тер-Минасова приводит определение из книги Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», где межкультурная коммуникация – это «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, 1990, с. 26]. Речь идёт не столько об общении, сколько именно о взаимопонимании между людьми. Недостаточно просто преодолеть языковой барьер для общения с представителем другой культуры. Здесь крайне важную роль играет и барьер культурный, для чего важно обладать знаниями о разных культурах и приобретать навыки распознавания видимых и невидимых барьеров в общении [Емельянов, 1991].

Это связано с тем, что при коммуникации неизбежно присутствует определённая неадекватность понимания (обусловленная различием

индивидуального опыта, степенью знакомства с языком и т.п.), момент интерпретации (переосмысления), искажающий исходный смысл. Понимающий всегда обладает определённым представлением о понимаемом, ожидает определённого смысла и интерпретирует знаки в соответствии с этим представлением [Культурология. XX век, 1998]. Это и создаёт барьеры во взаимодействии между представителями разных культур, поскольку у каждого из них существуют определённые представления, стереотипы о культуре собеседника. Но они могут не иметь ничего общего с реальностью и, таким образом, в некоторых ситуациях привести к конфликту.

М. Вилчевский и А. М. Содерберг определяют межкультурную коммуникацию как процесс создания смыслов или значений в ходе взаимодействия между людьми с различным культурным происхождением, культурно различным опытом, по-разному воспринимающими мир и демонстрирующими различное поведение в конкретных ситуациях [Wilczewski, 2017]. Такая коммуникация чаще всего подразумевает общение людей, по крайней мере один из которых использует в качестве средства коммуникации неродной язык. И она понимается как любое взаимодействие между представителями разных культур, направленное на установление контактов между ними и знакомство друг с другом [Rutkowska, 2018].

Наряду с понятием «межкультурная коммуникация» в настоящее время используется понятие «межъязыковая коммуникация», обозначающее непосредственное общение представителей разных культур на одном языке – в нашем исследовании таковым является английский язык, – но при этом данный язык видоизменяется под влиянием культурных особенностей носителей языка [Леманова, 2019]. При этом стоит отметить, что язык – главный источник понимания или, наоборот, непонимания при коммуникации, то есть первопричина успеха или провала коммуникативного взаимодействия [Бергельсон, 2004].

Поскольку язык является неотделимой составной частью культуры, говоря о межъязыковой коммуникации, можно говорить и о коммуникации

межкультурной. Общение происходит между носителями разных языков, что, в свою очередь, также подразумевает взаимодействие носителей разных культур.

Кроме того, для языка и культуры характерны общие признаки: это формы сознания, отражающие мировоззрение народа и человека; они ведут между собой постоянный диалог, так как субъект коммуникации – это всегда субъект определённой (суб)культуры; они имеют индивидуальные и общественные формы существования; обоим явлениям свойственны нормативность, историзм, а также взаимная включённость одной сферы в другую [Ольшанский, 2000].

Здесь также приведём слова Т. Лазар, которая пишет, что «если человек понимает язык и слова, это не значит, что он понимает послание [Lázár, 2017]. Это во многом зависит от понимания коммуникантами культуры, которое позволяет распознать контекст и то, что имеется в виду в полученном сообщении. Поэтому для успешной межкультурной коммуникации важно изучать как язык, так и культурный контекст [Там же]. Другими словами, в межкультурной коммуникации язык и культура неотделимы, так как они вместе влияют на то, что именно человек хочет донести до собеседника.

Межкультурную коммуникацию иногда определяют как межличностное взаимодействие между членами различных групп, отличающихся друг от друга знаниями и моделями поведения (включая языковую или речевую модель поведения) разделяемые членами этих групп и воспринимаемых ими как нечто само собой разумеющееся [Knapp, 1990].

Поэтому термин «межъязыковая коммуникация» включается в более широкий термин «межкультурная коммуникация».

Другой подход использует британский консультант и социальный теоретик Р. Д. Льюис в своей работе «Cross Cultural Communication: A Visual Approach», который представил свою классификацию культур в виде модели кросс-культурной коммуникации, в основе которой лежит классификация культур на основе моделей поведения представителей различных культур. Р.Д. Льюис подразделяет их на три категории [Lewis, 2018]:

1) моноактивная – категория культур, для которых характерно ориентирование на выполнение задач. Представители данных культур занимаются одним делом в конкретный момент времени и предпочитают дипломатию. Они характеризуются сдержанностью и немногословием, и опираются на факты, логику и пунктуальность. В модели Р.Д. Льюиса самыми яркими представителями этой категории являются немцы, швейцарцы и люксембуржцы, в меньшей степени – американцы и англичане.

2) полиактивная – категория культур, главной характеристикой которых является ориентация не на задачи, а на людей, с которыми они взаимодействуют. В отличие от моноактивных культур, представители данного типа очень общительны и способны выполнять несколько задач одновременно. Также им свойственна повышенная эмоциональность. К представителям полиактивных культур Р. Д. Льюис относит жителей стран Южной Америки, испанцев, в меньшей степени – португальцев, греков, нигерийцев и т.д.

3) реактивная – ещё одна категория культур, которые отличаются интровертностью в коммуникации, и они ориентированы, в первую очередь, на дипломатическое разрешение конфликтных ситуаций. Планированию они предпочитают реагирование на действия собеседников, поэтому тщательно скрывают свои эмоции и сохраняют вежливый тон общения на протяжении всего диалога. В модели Р.Д. Льюиса явными представителями реактивных культур выступают вьетнамцы, а также китайцы и японцы.

Стоит добавить, что Р.Д. Льюис разработанную модель считал условной, так как она даёт лишь обобщённое представление о той или иной культуре, потому что все указанные черты проявляются одновременно у всех представителей, но в разном процентном соотношении (Рисунок 5).

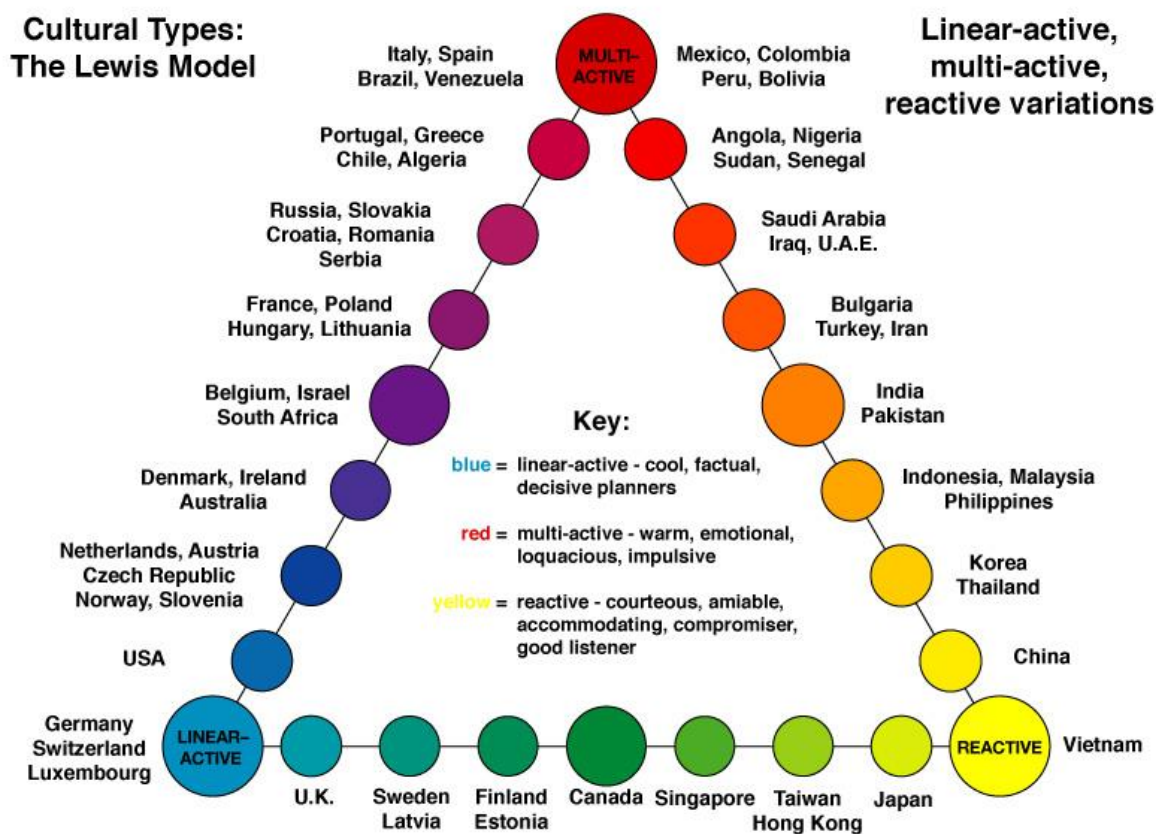

Рисунок 5 – Модель кросс-культурной коммуникации Льюиса [Lewis, 2018]

Поскольку коммуникация непосредственно связана с общением двух и более представителей разных культур, в последнее время вместе с понятием «межкультурная коммуникация» активно используется термин «межкультурное общение» – общение носителей разных культур, которое сопряжено с неизбежными коммуникативными конфликтами, такими как конфликты неполного понимания, причиной которых является недостаточная общность сознания [Lewis, 2018]. Для преодоления многочисленных барьеров в условиях межкультурной коммуникации необходимо обладать знаниями о разных культурах и приобретать навыки распознавания видимых и невидимых барьеров в общении [Емельянов, 1991].

Структура межкультурной коммуникации зависит от подходов, критериев, применяемых для определения ее содержания. Общепринятым является, по утверждению Э.А. Усовской, выделение следующих структурных компонентов межкультурной коммуникации:

- создатель сообщения (в рамках данного исследования – говорящий);
- реципиент;
- предмет коммуникации и отображающее его сообщение;
- средства коммуникации (код, применяемый для передачи сообщения (в данном исследовании таковым является английский язык), и канал, по которому передаётся закодированное сообщение от говорящего к слушающему);
- результат коммуникации (изменение в поведении или во внутреннем состоянии реципиента, которое происходит из-за восприятия сообщения);
- шум (искажения в процессе коммуникации, препятствующие достижению заданного результата). Это может быть, как шум извне, так и культурный, и языковой и барьер, который усложняет процесс коммуникации [Усовская, 2015].

Существуют также различные формы межкультурной коммуникации, которые позволяют в определённом смысле решить проблему включения в чужую культуру при сохранении своей собственной культурной идентичности. Таковыми формами являются:

1. Прямая коммуникация, которая направлена от говорящего к слушающему. Она реализуется и в устной, и письменной форме, однако именно посредством устной речи достигается наибольший эффект, поскольку в ней сочетаются вербальные и невербальные средства;

2. Косвенная коммуникация, которая обладает односторонним характером. Примерами являются произведения литературы и искусства, сообщения по радио, публикации в газетах, журналах и т.д.

3. Непосредственная коммуникация, в которой отсутствует промежуточное звено в виде посредника – человека или технического средства;

4. Опосредованная коммуникация, которая осуществляется при участии посредника [Садохин, 2016].

При этом стоит отметить, что коммуникация, в которой используются технические средства (телефон, компьютер), может являться прямой. При этом использование невербальных средств ограничено.

Поскольку основным средством общения является прямая коммуникация, в диссертации сделан акцент на межкультурной коммуникации, происходящей на английском языке как в общении между носителем и неносителем языка, так и с использованием английского языка в качестве лингва франка (от итал. *lingua franca* – франкский язык) – «функционального типа языка, используемого в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

Говоря об английском как о лингва франка, стоит уточнить, что, если речь идёт об определённой сфере деятельности, то можно обращаться к более узкому термину – «предметно-ориентированному английскому лингва франка», который означает контактный английский язык межнациональной коммуникации любого сообщества, предметная ориентация которого может определяться как специализированная область социально-культурного, экономического, политического и т. п. разнообразия современного общества [Мележик, 2018]. Данное определение отражает те сферы использования английского как лингва франка, которые требуют от говорящих знания определённой лексики, а также особой манеры общения – более формальной и целенаправленной.

В середине XX века английский язык в устной и письменной форме получил более широкое распространение, чем любой другой язык в истории человечества, что сделало его «первым настоящим глобальным языком» [Heršak, 2001, p. 185]. Согласно оценке Британского Совета (British council), в 2020 году количество пользователей английского языка, вне зависимости от уровня их знаний, составляло больше двух миллиардов человек, то есть на английском языке мог говорить каждый четвёртый житель планеты [What role does English play in our multilingual world]. Более того, большая часть контента в Интернете публикуется на английском языке. Согласно сайту W3Techs, процент веб-сайтов, использующих английский язык, составляет 51,7%. За ним следуют испанский с 5,5%, русский и немецкий языки, с 4,8% и 4,5%, соответственно [Usage statistics of content languages for websites]. Данный факт подтверждает утверждение о

глобальном статусе английского языка, который, впрочем, стал рассматриваться с такой точки зрения относительно недавно.

Говоря о лингвистическом аспекте, который обеспечивает позицию английского языка как международного лингва франка, в первую очередь важно отметить, что в нем существует обширная терминология для многих сфер жизни, например, сферы информационных технологий или менеджмента.

При этом английский язык сам активно заимствует слова. Одной из ключевых особенностей английского языка является относительно ограниченная способность создавать новые выражения и вытекающая из этого высокая активность в заимствовании языкового материала из других языков [Heršak, 2001, p. 185]. Следовательно, английский язык не только является «поставщиком» заимствований, но и сам активно заимствует слова из разных языков, которые затем могут проникать в лексические системы других языков.

Ещё один фактор, который играет важную роль в укреплении статуса английского языка, – это его «эффективность» [Gohil, 2013, p. 9]. Английский нельзя назвать простым языком, поскольку он обладает обширным вокабуляром, сложной фразеологией и орфографией, а также характеризуется диалектной раздробленностью и т.д. [Heršak, 2001, p. 186]. Однако именно его эффективность значительно упрощает процесс его изучения и использования в коммуникации.

Английская письменность основана на латинском алфавите, который, включая все его вариации, является самой распространённой формой письменности в мире. Более того, латинский алфавит – фонетический, в котором один знак может обозначать отдельный звук, что тоже значительно упрощает его освоение. Хотя существуют и другие варианты фонетической письменности, например, кириллица, они, в отличие от латиницы, распространены не так широко.

Наконец, существуют различные методики, которые в некоторой степени упрощают изучение английского языка с сохранением возможности общения на нём. Например, в работе «The Phonology of English as an International Language» Дж. Дженкинс предлагает так называемое «ядро фонологической разборчивости

для говорящих» или «ядро лингва франка», суть которого заключается в том, что при изучении английского языка необходимо сосредотачиваться только на тех аспектах, которые необходимы для разборчивого произношения и для поддержания взаимопонимания, и для изучения которых потребуется гораздо меньше времени [Jenkins, 2000].

«Ядро лингва франка» не включает в себя некоторые звуки, которые, согласно Дж. Дженкинс, хоть и являются «особенно английскими» (и при этом трудными для изучающих), не сильно влияют на взаимопонимание, поэтому допустимо их заменять на другие звуки, которые изучающему язык проще произнести. Например, звуки [ð] и [θ] можно заменить на допустимые [z] и [s] или [d] и [t], тем более они встречаются и в некоторых диалектах английского языка. Такие звуки она считает «неядерными», то есть неприоритетными для изучения [Там же].

Подобный подход распространяется на качественные характеристики гласных, ассимиляцию, изменение тона для выражения отношения или грамматического значения, расстановку ударения в словах и его длительность.

Тем не менее, существует ряд звуков, которыми, по мнению Дж. Дженкинс, важно овладеть для поддержания успешной коммуникации:

- 1) произношение всех согласных, за исключением упомянутых звуков [ð] и [θ];
- 2) произношение звуков [p], [t] и [k] с придыханием для лучшего различения звонких [b], [d] и [g];
- 3) произношение всех звуков в кластерах согласных, стоящих в начале слова, например, в слове *private* или *strong*;
- 4) произношение кратких и долгих гласных, например, в словах *hit* и *heat*;
- 5) умение правильно ставить смысловое ударение в предложении и др.

Это и есть ядро лингва франка, на котором необходимо концентрироваться при обучении английскому языку для достижения успешной межкультурной коммуникации [Jenkins, 2000].

В университете Вены был разработан корпус английского языка под названием Vienna-Oxford International Corpus of English (VOICE), основной задачей которого является фиксирование всех примеров употребления английского языка в межкультурной коммуникации. Кроме того, в нем определяется и устанавливается так называемый «индекс коммуникативной избыточности», в том смысле, что многие тонкости социального поведения, связанные с моделями и идентичностью носителей языка, могут оказаться неработоспособными, а некоторые нормы носителей языка могут оказаться в состоянии неопределённости. Вероятно, что в вопросе достижения успешной коммуникации более важным может оказаться взаимное приспособление (или аккомодация) участников коммуникации, чем «правильность» речи или её идиоматичность [Giles, 1991].

Подобный подход соотносится с идеей Дж. Дженкинс о том, что для успешной межкультурной коммуникации нужно знать, какие элементы языка сильнее всего влияют на взаимопонимание, и что при обучении важно сосредоточиться только на этих элементах, не обращая внимание на другие элементы, которые на взаимопонимание почти не влияют. Дж. Дженкинс утверждает, что «на самом деле не существует никаких оснований упорно называть тот или иной элемент «ошибкой» (см. п. 1.3), если большинство изучающих английский язык как иностранный в мире говорят на нем и понимают его» [Jenkins, 2000, p. 56].

Данная модель бросает вызов преподаванию фонетики и предполагает отказ от ориентированной на британский или американский вариант произносительной нормы [Олейник, 2019]. Такой подход облегчает и ускоряет процесс изучения языка, а также позволяет сохранить и в некоторой степени подчеркнуть свою идентичность, что может быть важно для неносителя языка в условиях глобализации, где ведущую роль межкультурной коммуникации играет английский язык.

На данный момент межкультурная коммуникация – одна из наиболее активно развивающихся гуманитарных областей. Именно развитие теории

межкультурной коммуникации способствует изучению возможностей преодоления проблем межкультурных контактов и обеспечению большего понимания между представителями различных культур. При этом особую роль в данном случае играет английский язык, который можно считать первым языком не международного, а именно глобального общения. Английский язык – основное средство общения, используемое в большинстве случаев межкультурной коммуникации. Речь идет не только об общении между носителем и неносителем языка, но также между неносителями языка, где английский выступает в роли лингва франка.

2.3. Модели «носитель-неноситель» и «неноситель-неноситель» в рамках прямой межкультурной коммуникации

Межкультурная коммуникация подразумевает в основном общение представителей разных культур, которые в качестве средства коммуникации используют иностранный язык, в частности, английский. Главным образом, он применяется в ситуациях, когда коммуникация происходит между носителем английского языка и неносителем, который овладел этим языком как неродным, будучи уже во взрослом возрасте, либо как лингва франка, то есть является неродным языком для всех участников коммуникации.

При этом всё чаще встречается именно последняя из упомянутых ситуаций. Это даёт основание утверждать, что не только носители английского языка, но и неносители вправе судить, какие языковые особенности обеспечивают успешную коммуникацию [Nelson, 1985].

Другими словами, неносители языка как полноправные участники межкультурной коммуникации могут так же адаптироваться к условиям и положительно влиять на достижение целей межкультурного взаимодействия, направлять его в нужное русло.

Отсюда складываются две модели коммуникации – модель «носитель-неноситель», в которой английский является родным языком для одного из

участников коммуникации, и «неноситель-неноситель», в которой английский язык не является родным для всех коммуникантов.

Однако прежде, чем рассмотрим понятия «носитель» и «неноситель», обратимся к идеям Н. Хомского о языковой компетенции.

Н. Хомский разграничивает понятия *competence* (компетенция) и *performance* (исполнение), которые можно определить как «языковая компетенция» и «языковое исполнение» [Chomsky, 1968]. Первое – это знание языка коммуникантом, благодаря которому он может судить о коммуникативной адекватности высказывания, о его правильности и значимости, в то время как так называемое «исполнение» – это фактическое использование языка в конкретных ситуациях, что позволяет говорящему, благодаря знаниям языка и пониманию особенностей ситуации, быть полноценным участником коммуникации [Там же]. Уровень речевой компетенции у носителя будет всегда выше, чем у неносителя, однако исполнение уже будет зависеть от умения пользоваться языком в конкретной ситуации, из-за чего неноситель может не просто быть на одном уровне с носителем, но и даже показывать лучшее языковое исполнение, чем носитель.

Далее подробнее рассмотрим, что подразумевается под понятиями «носитель» и «неноситель».

Л. Блумфилд, который одним из первых представил анализ данных терминов, утверждал, что «первый язык, на котором человек учится говорить, – это его родной язык; он является носителем этого языка» [Bloomfield, 1984, p. 30].

Компетенция носителя языка из-за большего объёма знаний о языке и большего опыта его использования в различных сферах жизни, а также понимания различных культурных аспектов, которые тоже выражаются в языке, будет значительно выше, чем у неносителя, который с изучаемым языком и окружающей его культурой сталкивается уже непосредственно в сознательном возрасте, обладая при этом знанием другого языка и культуры. Однако ситуация с определением понятия «неносителя» обстоит несколько сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Во-первых, нужно иметь в виду, что количество неносителей английского языка, говорящих на нём, превышает количество носителей языка, поэтому многие разговоры на английском языке происходят при участии как минимум одного неносителя языка, либо без носителей вообще.

Во-вторых, в коммуникации большую роль играет не только знание языка, но и ожидания от собеседника, его опыт, социальные предубеждения, когнитивные способности и мотивация. К. Бремер и М. Симонот в своей модели коммуникативного акта утверждают, что оба собеседника – носитель и неноситель – несут взаимную ответственность за создание взаимопонимания [Bremer, 1996]. Иными словами, неноситель языка, обладая меньшей компетенцией, точно так же, как и носитель, должен принимать активное участие в преодолении барьеров коммуникации и способствовать эффективному общению, пользуясь для этого всеми доступными средствами. Тем более, если речь идёт о коммуникации между неносителями. Для того, чтобы определить особенности общения неносителей, рассмотрим несколько подходов к определению данного понятия.

Обратимся сначала к Кембриджскому словарю, в котором дается такое определение неносителя (англ. Non-native speaker) – «someone who has learned a particular language as a child or adult rather than as a baby» (с англ. «человек, который выучил определённый язык в детстве или взрослом возрасте, а не в младенчестве») [Cambridge dictionary, 1999], что даёт чёткое разграничение понятий «неноситель» и «носитель».

В. Д. Кук определяет неносителей языка как «людей, которые знают и используют второй язык на любом уровне», подразумевая, что неносители изучили язык уже в сознательном возрасте [Cook, 2003]. При этом она добавляет, что, поскольку исследования в области усвоения и преподавания второго языка в качестве идеальной модели используют носителя языка, многие люди относятся к неносителям как к людям, отклоняющимся от норм носителя языка.

Автор утверждает, что концепция неносителя языка должна основываться на различиях, а не на недостатках определённых знаний о языке, потому что

неносители отличаются от носителей языка, и их нужно рассматривать как людей, говорящих на как минимум двух языках, а не как неэффективных носителей. Согласно её мнению, люди, говорящие на двух языках, обычно обладают различными навыками, которые отражают сложность их умственных процессов, и что то, как они используют ресурсы в реальных жизненных целях и для общения, показывает различные способности, которыми они могут обладать, говоря на втором языке.

Дальше В. Д. Кук перечисляет три основные качества неносителей языка, которые можно принять во внимание, чтобы исследовать их окружение как пользователей двух языков:

1. Неносители языка используют второй язык иначе, чем носители-монолингвы.

Неносителю обычно необходимо переводить информацию, чтобы правильно ответить на вопрос, который ему задают. И, несмотря на споры вокруг переключения кодов, именно неноситель языка способен использовать два языка одновременно. Носитель-монолингв использует ограниченную форму языковой функции, доступной для неносителя [Cook, 2003]. Кроме того, родной язык оказывает достаточно сильное влияние на говорение на иностранном языке, например, как родной язык влияет на восприятие звуков речи собеседника на иностранном языке.

Так, в модели перцептивной ассимиляции утверждается, что слушатель может интерпретировать новые звуки речи через призму своего родного языка. Это означает, что слушатель, вероятнее всего, будет ассимилировать звуки в категории родного языка, когда это возможно. А поскольку не существует фонем из разных языков, которые были бы идентичны друг другу, то звуки в изучаемом языке, похожие на звуки в родном языке говорящего, скорее всего, будут восприниматься либо как аналогичные звуки в родном языке, либо будут рассматриваться как один звук [Pierrehumbert, 2000].

Дополнительно стоит отметить, что речь на неродном языке значительно медленнее, чем на родном, что объясняется, например, отсутствием

артикуляционной практики на иностранном языке или проблемами обработки информации, присущие общению на неродном языке. Например, межзубные фрикативы [θ] и [ð], существующие в английском языке, крайне редки в языках мира – по оценкам, они встречаются только в 3,99% и 4,88% языках мира, соответственно [Pierrehumbert, 2000], поэтому для большинства людей в мире эти звуки представляют сложность при произнесении. Например, носители русского или французского языков при изучении английского языка часто уподобляют данные межзубные фрикативы таким согласным как [s] и [z] или, в некоторых случаях, [d] и [t], что является маркером того, что говорящий на языке является неносителем.

2. Неноситель по-разному владеет родным и иностранным языками. Из-за разного уровня владения языком у неносителя и носителя, неносителя языка нужно сравнивать с другим неносителем, который является членом той же группы и имеет те же черты и особенности, а не с носителем языка, который является членом другой группы и, следовательно, имеет другие черты и особенности. В.Д. Кук считает, что «знание второго языка подавляющего большинства неносителей отличается от знания носителей-монолингвов»; орфография, письмо и грамматика являются одними из «навыков», в которых неносители могут иметь более продвинутый уровень владения вторым языком; в то время как носители-монолингвы, вероятно, будут более свободно владеть устными навыками [Cook, 2003]. Работа со словарным запасом также отличается от работы носителей языка, поскольку неносители способны устанавливать связи и отношения между своим первым языком и вторым языком.

Во время личных или телефонных разговоров часть информации, которую коммуниканты передают друг другу, теряется из-за различных шумов. Носители языка настолько хорошо знакомы с системой кодирования своего языка, что могут восстановить сообщение из той части информации, которую они получают [Böttger, 2020]. Однако неносители языка не обладают такой способностью, они должны сначала её приобрести в процессе изучения языка [Kubota, 2004]. Особенно это важно при понимании переведённых телепередач, прослушивании

записей или информации, передаваемой через громкоговорители, а также при телефонных звонках на иностранном языке [Böttger, 2020].

3. Мышление неносителей языка отличается от мышления носителей-монолингвов. Утверждается, что неносители языка отличаются от носителей языка внутренними аспектами сознания, которые выходят за рамки внешнего использования языка; одним из таких аспектов является осведомлённость, которую неносители могут обрести при обращении к словам, структуре предложений, устным и культурным аспектам второго языка. Неносители также могут иметь лучшие показатели устной и письменной речи, чем монолингвальные носители языка.

При этом часто рассматривается ситуация, когда носитель языка воспринимается как идеальная модель, к которой нужно стремиться при изучении языка. Однако проблема в том, что неносители языка никогда не смогут достичь уровня компетенции носителя языка. Две этих группы всегда будут различимы [Medgyes, 1992]. Основной причиной, почему неносители языка не могут овладеть компетенцией носителей языка, заключается в том, что они по своей природе зависят от норм. Использование ими иностранного языка – это всего лишь имитация тех или иных форм родного языка. Языковая компетенция – это единственная переменная, в которой неноситель английского языка неизбежно оказывается в затруднительном положении [Там же]. Однако, на процесс коммуникации влияет множество других факторов, в которых неноситель языка имеет все шансы быть наравне с носителем языка, а в чём-то даже его превосходить, как например, в исполнении, о чём уже говорилось ранее.

Ещё немаловажным является тот факт, что функционирование языка в роли лингва франка подразумевает частотное взаимодействие неносителей языка, которые стремятся не только к взаимопониманию, но и к сохранению своей национальной идентичности [Олейник, 2019]. То есть, например, через осознанное сохранение родного акцента в английском языке неноситель может подчёркивать свою принадлежность к определённой культуре и демонстрировать её в процессе коммуникации.

Итак, обладая разной компетенцией, носитель и неноситель языка могут тем не менее быть полноценными участниками коммуникации благодаря знанию того, как именно нужно использовать язык в конкретной коммуникативной ситуации. Соответственно, в некоторых случаях коммуникация в модели «неноситель-неноситель» происходит более эффективно как раз за счет высокого уровня исполнения у обоих участников коммуникации, в отличие от модели «носитель-неноситель», где монолингв-носитель, не обладая навыком адаптировать свою речь под речь собеседника, затрудняет коммуникацию.

Таким образом, складываются две модели общения в условиях межкультурной коммуникации:

1. участники коммуникации – носитель и неноситель языка (*модель «носитель-неноситель»*);
2. участники коммуникации – только неносители языка (*модель «неноситель-неноситель»*).

В первом случае, носитель языка – скорее всего родом из США, Великобритании, Австралии, Ирландии, в некоторых случаях Индии, ЮАР и др. – общается с неносителем языка, который может быть из любой страны и который овладел языком уже в сознательном возрасте. В данном случае носители языка прилагают усилия к тому, чтобы распознать речь собеседника, который хоть и пользуется тем же языком, однако его речь подвержена влиянию родного языка, что проявляется в искажении произношения тех или иных слов. В результате из-за этого носитель языка может испытывать трудности с пониманием. Кроме того, синтаксис, грамматика или лексика неносителя находится под влиянием родного языка, из-за чего с точки зрения нормы английского языка в его речи может быть нарушен порядок слов, могут появиться грамматические ошибки или будет неправильно использована лексика – это все может помешать восприятию речи носителем языка, который не привык к такой форме английского языка. Многие носители не имеют опыта и навыков взаимодействия с неносителями, и им требуется отдельное обучение [Subtirelu, 2014].

Неноситель, с другой стороны, сталкивается с живой речью изучаемого языка, и на эту речь он должен реагировать достаточно быстро, одновременно распознавая звуки, слова и высказывания, переводя информацию, обдумывая её и подготавливая ответное высказывание на неродном для него языке. Ситуация может осложняться тем, что собеседник-носитель может пользоваться не британским или американским нормативным произношением, а иметь непривычный для неносителя акцент, например, шотландский или австралийский, что также ухудшает взаимопонимание.

Во втором случае, общение происходит между двумя и более неносителями языка, которые могут быть любого происхождения, однако их объединяет то, что используемый для общения язык не является родным для всех участников коммуникации – то есть он является языком лингва франка, – поэтому условия коммуникации несколько отличаются от предыдущей модели. В данном случае, на общение влияют неродные языки всех коммуникантов, элементы которых могут проявляться при общении на иностранном языке. И чем больше разница между родными языками коммуникантов, тем сложнее им воспринимать речь друг друга.

Поэтому успешность процесса взаимопонимания зависит от взаимодействия коммуникантов [Nelson, 1985]. Носителю языка для успешной коммуникации необходимо научиться подстраивать свою речь таким образом, чтобы помочь собеседнику-неносителю лучше её распознать, используя для этого различные коммуникативные механизмы, которые выражаются, например, в регулировании скорости речи, темпа и произношения, а также в подборе лексики. Неноситель, являясь участником коммуникации, должен принимать активное участие в преодолении барьеров, регулируя темп речи, не используя фразеологические обороты, постоянно задавая дополнительные вопросы и т.д., особенно если коммуникация происходит между двумя неносителями языка.

В связи с этим, стоит выделить особый вид речевой избыточности, который характерен для межкультурной коммуникации и который можно обозначить как «речевая избыточность в межкультурной коммуникации» – инструмент

межкультурной коммуникации, представляющий собой повтор информации или её наполнение дополнительными элементами и нацеленный на повышение эффективности межкультурной коммуникации в определённых условиях [Гуренков, 2021]. Под определёнными условиями здесь понимается нацеленность всех участников коммуникации на достижение поставленной цели, как это обычно происходит в бизнес-коммуникации посредством мессенджеров и социальных сетей и во время интервью.

Избыточность играет важную роль в декодировании разговорного языка. Она описывает разницу между количеством информации, которую теоретически может содержать сообщение, и тем количеством информации, которым оно обладает на самом деле. В разговорном языке очень высок уровень избыточности; обычно он оценивается примерно в 50 процентов от сказанного [Грудева, 2010]. Тем не менее, для неносителей языка процесс декодирования на иностранном языке, осуществляемый автоматически и одновременно с самой речью, представляет различные риски из-за ещё большего количества источников ошибок и, следовательно, возможных причин беспокойства [Там же]. В результате речевая избыточность является не только феноменом естественного языка, но и также эффективным инструментом межкультурного общения. Этот инструмент может быть использован и носителями, и неносителями языка, причём этот инструмент может иметь разнообразные формы и вариации (Таблица 1).

Таблица 1

Модель «носитель-неноситель»

	Носитель	Неноситель
Английский язык	родной	неродной
Происхождение	Страны, где английский язык является официальным – США, Великобритания, Ирландия, Австралия и т.д.	Страны, в которых английский изучается как иностранный, либо мигранты в англоязычных странах
Трудности в межкультурной	Вызваны отсутствием опыта взаимодействия с	Вызваны необходимостью распознавания речи

коммуникации	неносителями языка, на чью речь оказывает родной язык, что приводит к иному произношению, изменениям в грамматике и лексике	собеседника и её переводом на родной язык. Также восприятию речи могут препятствовать диалекты английского языка и отсутствие практики в общении на иностранном языке
Преодоление трудностей в межкультурной коммуникации	Замедление собственной речи, отказ от использования идиом и фразеологизмов, использование стандартной формы языка, использование описательных конструкций для объяснения непонятных терминов, повторов отдельных слов, использование уточняющих вопросов для подтверждения понимания.	Использование уточняющих вопросов, отказ от использования идиом и фразеологизмов, снижение волнения о неправильном использовании иностранного языка, использование описательных конструкций в случае незнания нужного слова.

Несмотря на достаточно подробное описание различных аспектов межкультурной коммуникации, стоит всё же отметить, что модель «носитель-неноситель» гораздо чаще становилась объектом лингвистических исследований, чем модель «неноситель-неноситель». Например, М.Х. Лонг в своей работе приводит несколько процессов, облегчающих коммуникацию между носителем и неносителем языка, например, так называемое расширение (англ. *expansion*), представляющее собой одну из форм проявления избыточности [Long, 1983a]. К расширению относится добавление лексических тегов к вопросам, например, *You have food, yes/no/okay?*, и добавление подлежащего местоимения *you* в императивы, например, *you do it* вместо *do it*. Несмотря на то, что упомянутые вопросы и императивы уже содержат достаточную информацию для понимания, использование добавочных элементов значительно улучшает содержательность этих высказываний.

В другой своей работе М.Х. Лонг дополняет эту тему, утверждая, что носители при взаимодействии с неносителями для более ясного и понятного общения могут использовать уточняющие вопросы, а также так называемые *проверки на понимание* (англ. *comprehension checks*), такие как *right?*, *OK?* или *Do you understand?* [Long, 1983b]. Эти проверки помогают удостовериться в том, что собеседник понял высказывание, предотвращая тем самым сбои в процессе коммуникации. Кроме того, носители языка могут прибегать также к проверкам на подтверждение (англ. *confirmation checks*), *запросам на разъяснение* (англ. *clarification requests*), *самоповторам* (англ. *self-repetitions*).

М.Х. Лонг демонстрирует результаты исследования восприятия речи на слух среди изучающих английский язык. Исследователь обнаружил, что слушающие лучше распознавали тексты, в которых были повторяющиеся существительные [Long, 1983a], например, повторяющееся существительное – *It is a good book... book to read*. Здесь слово *book* повторяется после небольшой паузы.

Коммуникация, участниками которой становятся носители и неносители языка или только неносители, сопряжена с большим количеством сложностей, связанных с языковым и культурным барьером. Для их преодоления и для достижения эффективной коммуникации коммуниканты могут воспользоваться различными коммуникативными стратегиями, о которых речь пойдёт в следующем разделе.

2.4. Коммуникативные стратегии в межкультурной коммуникации.

Аккомодация

В межкультурной коммуникации сталкиваются представители разных культур, общающихся между собой на иностранном языке. Для того, чтобы способствовать достижению цели коммуникации, существуют различные стратегии коммуникации, которые помогают справиться с трудностями в общении.

Для реализации успешной межкультурной коммуникации необходима готовность её участников адаптировать свои когнитивные структуры и прагматические интерпретации с учётом особенностей коммуниканта, который является носителем другой культуры [Казыдуб, 2018]. «Стратегия как инструмент когнитивного моделирования и дискурсивного конструирования межкультурных контактов создаёт возможности для мягкого управления поликультурной коммуникативной средой» [Там же, с. 150] в случае коадаптации коммуникантов.

Коммуникативные стратегии обычно используются не для решения проблем в коммуникации, а, скорее, касаются уместности использования языка. Под этим подразумевается употребление различных языковых структур, лексики, формы невербальной коммуникации в различных общественных ситуациях и с различными людьми. Например, в разговоре с начальством или с членами семьи, единомышленниками используется «разный» язык.

Т.А. ван Дейк рассматривает стратегию как основу для понимания [Дейк ван, 1989, с. 16] и для процесса гипотетической интерпретации [Там же, с. 20]. Стратегия представляет собой «свойство когнитивных планов. Такие планы представляют собой общую организацию некоторой последовательности действий и включают цель или цели взаимодействия. <...> стратегии имеют отношение к выбору, позволяющему человеку добиться этих целей» [Там же, с. 272]. В рамках наиболее общих стратегий выделяется речевой ход как «функциональная единица последовательности действий» для решения глобальной задачи [Там же, с. 274].

О.С. Иссерс определяет коммуникативную стратегию как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [Иссерс, 2008, с. 54]. Также она, соглашаясь с Т.А. ван Дейком, уточняет, что стратегия – это когнитивный план общения, оптимальным образом реализующий коммуникативные цели и задачи субъекта коммуникации [Иссерс, 2008, с. 100].

В словаре Т.В. Матвеевой представлено следующее определение: «Речевая (коммуникативная) стратегия – генеральная интенция говорящего, а также совокупность речевых действий, направленных на решение основной

коммуникативной цели говорящего» [Матвеева, 2010, с. 386]. И.А. Чарыкова пишет о двух подходах в лингвистической литературе к определению «речевой стратегии»: в рамках первого подхода речевая стратегия – это сочетание, порядок конкретных речевых действий, в то время как второй подход включает в себя рассмотрение стратегий как воплощения цели в процессе общения [Чарыкова, 2022, с. 21].

Разные исследователи понимают стратегии общения по-разному. Так, Э. Тароне, К. Фаерх и Дж. Каспер первоначально определили их как вербальные или невербальные процедуры, которые используются для компенсации недостатков в знаниях говорящего и речевом производстве [Tarone, 1997; Faerch, 1984]. Э. Тароне подчеркивает, что говорящий сознательно использует коммуникативные стратегии с целью успешной передачи сообщения, а К. Фаерх и Дж. Каспер определяют их как сознательные планы, которые говорящий использует с целью решения коммуникативных задач [Tarone, 1997; Faerch, 1984]. Некоторые исследователи рассматривают понятие коммуникативных стратегий достаточно широко [Canale, 1983], утверждая, что коммуникативные стратегии подразумевают любую попытку установления более успешной коммуникации.

Общим для этих определений является тот факт, что использование коммуникативных стратегий – это преднамеренное и сознательное действие с точки зрения достижения коммуникативной цели. З. Дёрней и М. Ли Скот расширяют данное определение коммуникативных стратегий и подчёркивают, что основная причина проблем в общении заключается в нехватке времени для языкового производства [Dörnyei, 1997]. В связи с этим они предлагают использовать определённые языковые средства, которые применяются для заполнения пауз в разговоре (*англ.* well, you know, OK, so, we'll see), чтобы у говорящего было достаточно времени обдумать то, что он скажет и каким образом.

В статье Г.В. Хадеевой коммуникативные стратегии понимаются как определённый набор коммуникативных действий, последовательность шагов, которые совершаются коммуникантами для достижения какой-либо конкретной

цели [Хадеева, 2017]. Стратегия возникает в ситуациях, в которых коммуниканты общаются между собой, для чего они используют свои коммуникативные компетенции, при этом они модулируют значения таким образом, чтобы переходить от одного осознанного состояния к другому. Итог их общения можно обнаружить непосредственно в процессе коммуникации.

В работе И.Н. Борисовой коммуникативная стратегия «есть результат речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией. В широком смысле стратегия понимается как общее намерение, задача в глобальном масштабе, сверхзадача речи» [Борисова, 1996, с. 22]. В данном случае автор подчеркивает важность целеустановки.

Стоит также упомянуть определение коммуникативной стратегии как «совокупности запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев, 2002, с. 59]. Также подчеркивается, что формирование определённой коммуникативной стратегии происходит в зависимости от коммуникативной интенции, то есть намерения осуществить речевой акт для решения определённой коммуникативной задачи [Виноградов, 1972, с. 32].

Говоря о коммуникации и коммуникативных задачах, важно выделить два понятия – коммуникативная цель и эффективность коммуникативного акта.

Коммуникативная цель, согласно Е.В. Клеюеву, представляет собой «... стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт: результат этот может обсуждаться как на вербальном, словесном, уровне (например, взять на себя обещание, отказаться, обидеться и т. п.), так и на уровне физических действий (например, уйти на войну, приступить к работе, подать на развод и т. п.)» [Клюев, 2002, с. 21]. Благодаря коммуникативной цели, коммуникант имеет возможность осуществить коммуникативное намерение с помощью различных методов и способов [Гордеева, 2013, с. 26].

Эффективность коммуникации позволяет определить степень достижения коммуникативной цели, то есть служит своего рода критерием реализации

коммуникативного намерения. Г.П. Грайс определяет эффективность как «воздействие на слушателя, посредством которого он осознает намерение говорящего» [Грайс, 1985, с. 327]. Другими словами, показателем эффективности является понимание слушателем того, что имеет в виду в своём высказывании говорящий.

Здесь считаем важным добавить, что наиболее эффективными стратегиями в условиях анализируемой в диссертации межкультурной коммуникации являются стратегии кооперации, основанные на принципе кооперации. Данная стратегия основана прежде всего на компромиссе, в ней большое внимание уделяется таким диалогам, которые дают возможность принять во внимание мнение собеседника по конкретному вопросу. В частности, она может проявляться в экстенсивных повторах [Aitchison, 1994, p. 21].

Говоря о межкультурной коммуникации, нужно отметить, что принцип кооперации лучше всего проявляется в максиме полноты и максиме манеры (по Г.П. Грайсу [Grice, 1975, p. 48]), поскольку при коммуникации на иностранном языке увеличивается количество повторяемых элементов, а также может меняться способ передачи информации. В первую очередь, при общении с неносителем носители языка стремятся замедлять темп речи, более чётко произносить гласные звуки, а также изменять синтаксис, например, пропускать местоимения или использовать дополнительные вопросы для проверки понимания. Кроме того, в подобных ситуациях часто наблюдается то, как носители языка изменяют грамматику, используя неграмматические выражения для того, чтобы упростить понимание со стороны собеседника. Например, они могут заменять форму *don't* на *no* при употреблении с глаголами (*no forget, no play*) или использовать более простые лексические выражения [Ferguson, 1975]. Более того, исследователи отмечают, что носители способны обосновать произведённые ими изменения. Ч. Фергюсон в своём исследовании приводит примеры комментариев со стороны людей, которые участвовали в коммуникации с неносителями языка: например, «я убрал 3-е лицо единственного числа в глаголе *works*, предполагая, что слушателям скорее знакома форма *work*» или «Я использовал аккузативы для

местоименных форм для упрощения» [Там же]. Подобные комментарии говорят о некоторой степени металингвистической осведомлённости об уровне знания языка собеседника, что указывает на наличие механизма адаптации в соответствии с уровнем собеседника [Pickering, 2008].

Такая стратегия, направленная на изменение языковых форм при обращении к неносителям языка, является частью более широкого явления языковой модификации под влиянием фактора слушателя, наравне с использованием других особых регистров речи: речь, обращённая к младенцам, детям или к домашним животным. Говоря о влиянии этого фактора, необходимо отметить, что уже экспериментально доказано, что говорящий принимает во внимание информационные потребности слушателя, адаптируя свою речь для «помощи» адресату [Galati, 2010]. Выдвигается также идея о дидактическом компоненте языковых модификаций, которые направлены на удовлетворение предполагаемых потребностей целевой аудитории, в данном случае – неносителей языка. Так, говорящим приходится использовать больше языкового материала, когда очевидно, что их слушатель испытывает больше трудностей в понимании речи, как это случается у изучающих язык [Tal, 2022; 2024]. Дж.К. Пате и Ш. Голдуотер подчёркивают, что применение говорящим таких языковых механизмов может быть как осознанным, так и неосознанным [Pate, 2015].

Настоящий диалог – это пребывание в отношениях с другим человеком. Оно связано с неверием в априорную обоснованность собственных взглядов и интерпретаций и даже с самокритичностью. На подобное отношение требуется определённого уровня смелость, поскольку партнёры, открываясь друг другу, рискуют и не знают, каким будет конечный результат этого процесса. Совместное исследование может привести к изменению собственных взглядов и мнений. Вместо доминирования и преимущества, дихотомии говорящего и слушающего, существует интерактивный, взаимовыгодный процесс творческого обмена.

Следовательно, важно отметить, что основой подлинного межкультурного общения являются люди, способные к развитию и характеризующиеся способностью сохранять дистанцию от собственной культуры, то есть

воспринимать её не как единственно правильную, но как одну из многих и быть готовым в некоторой степени абстрагироваться от неё, чтобы легче воспринять другую. Следование моральным, этическим и культурным нормам формирует желаемое социальное поведение. Оно влияет на поведение людей, порождает желаемые установки и поощряет принятие признанных ценностей.

Одной из стратегий, позволяющих реализовать данный подход к межкультурной коммуникации, является стратегия аккомодации.

Аккомодация – стратегия регулирования коммуникативного поведения участниками коммуникации для того, чтобы достичь необходимого уровня социальной дистанции. Индивиды могут адаптировать свою речь с целью присоединиться к определённой социальной группе, представленной их собеседниками, или, наоборот, дистанцироваться от неё. Например, М. Бабель обнаружил, что степень аккомодации коммуникантов менялась в зависимости от оценки собеседника, а также от его расовой принадлежности [Babel, 2012]. М. Ким отметил, что коммуниканты, говорящие на одном диалекте, демонстрировали большую степень фонетической адаптации, чем те, кто говорил на разных диалектах или имел разный уровень владения родным языком [Kim, 2011]. Авторы связывают эти результаты с решением носителей языка отказаться от адаптации, когда они общаются с собеседником, для которого основным языком общения не является родным, и у которого наблюдается ярко выраженный акцент. Таким образом, уточнения в рамках аккомодации могут объяснить не только те случаи, когда коммуниканты адаптируются к уровню языка их собеседника (конвергенция), но и когда они намеренно используют иную форму языка для того, чтобы увеличить или уменьшить социальную дистанцию (дивергенция).

Д. Кристал в словаре «A Dictionary of Linguistics and Phonetics» определяет аккомодацию как теорию в социолингвистике, которая нацелена на объяснение того, почему люди модифицируют свой стиль говорения, чтобы стать более или менее похожими на своего собеседника. Например, среди причин, по которым люди стараются приблизить свою речь к речевому шаблону слушателя, выделяют желание идентифицировать себя со слушателем, завоевать социальное одобрение

(ориг. social approval) или просто повысить эффективность взаимодействия [Crystal, 2009]. Следует заметить, что часто в случае межкультурной коммуникации имеет место аккомодация под уровень владения языком, а не под стиль речи собеседника.

Термин «аккомодация» был введен в лингвистический обиход на рубеже 1980-х годов Г. Джайлзом в рамках теории речевой аккомодации (speech accommodation theory) [Giles, 2016], на смену которой вскоре пришла более масштабная теория коммуникативной аккомодации (communication accommodation theory (CAT)), обеспечивающая концепцию, нацеленную на предсказание и объяснение многих корректировок, которые говорящие делают для создания, поддержания или уменьшения социальной дистанции при взаимодействии. Речь идет о синхронизации аспектов их вербального (акцент, скорость речи) и невербального (жесты, положение) поведения, лежащих в основании данной теории [Giles, 2016]. В данном контексте аккомодация означает стремление приблизить собственную манеру общения к манере собеседника (или наоборот).

Также следует отметить, что коммуникативная аккомодация нацелена в первую очередь на то, чтобы произвести благоприятное впечатление на собеседника, получить его одобрение, установить с ним контакт. Теория коммуникативной аккомодации также допускает, что коммуникативная корректировка может быть мотивирована желанием улучшить понимание и, следовательно, эффективность коммуникации [Thakerar, 1982]. В частности, на эффективность коммуникации может повлиять соблюдение общего речевого стиля.

Лингвистическая аккомодация (linguistic accommodation) определяется авторами как *реальное речевое поведение говорящих* (speakers' actual speech behavior) [Giles, 2016, p. 39], и может, в терминах Ф. де Соссюра, называться речевой аккомодацией.

Говорящий старается перенять форму выражения собеседника, осознанно или бессознательно перенимая черты его произношения, выбора лексики, стиля

речи и т.д. [Giles, 2016]. Корректировки, подстраивание под потребности и характеристики партнера по коммуникации могут быть пяти видов: стратегии приближения (approximation strategies) (это основные стратегии), стратегии интерпретируемости (interpretability strategies), стратегии менеджмента дискурса (смена ролей, выбор подходящих тем) (discourse management strategies), стратегии осуществления контроля над соблюдением ролей (перебивание, использование категорий вежливости) (interpersonal control strategies) и использование эмоциональных выражений одобрения и комфорта (emotional expressions) [Coupland, 1988]. А. Кого утверждает, что навыки аккомодации являются ключевым компонентом успешной межкультурной коммуникации в условиях лингва франка [Cogo, 2016].

Для нашего исследования особенный интерес представляют стратегии интерпретируемости, которые говорящий задействует при фокусировании на способности партнёра его понять. Он может уменьшить разнообразие используемой лексики, упростить синтаксис, повысить голос, чтобы его было лучше слышно [Coupland, 1988, p. 41]. Речь в данном случае идёт только об одном аспекте аккомодации, касающемся общения с коммуникантом, обладающим более низким УРК. В то же время, становится очевидным, что авторы не упоминают в своих исследованиях такой важный инструмент аккомодации, как избыточность.

Дж. Лой и К. Смит, говоря об ориентированной на слушающего (listener-oriented) адаптации, рассматривают языковые и речевые корректирующие изменения речи носителей языка при общении с неносителями и с носителями, обладающими более низким уровнем речевой компетенции, выделяют явление аккомодации как одно из проявлений адаптации и интерпретируют понятие аккомодации как *стратегическую корректировку коммуникативного поведения* собеседников для достижения желаемого уровня социальной дистанции [Loy, 2019] (выделено нами – А.Г.). Говорящие с более высоким УРК в рамках стратегии аккомодации могут применять неграмматичные высказывания, если они чувствуют, что в противном случае коммуникация не состоится из-за

недостаточного знания языка собеседником-неносителем. Неграмматичность носителей языка может быть результатом таких процессов как пропуск (omission), расширение (expansion), перестановка (replacenment) и перегруппировка (rearrangement). Отметим, что в трех последних процессах допустимо использование избыточности. Помимо этого, при общении с носителями языка носители могут использовать такие инструменты аккомодации как упрощение, переход на интерязык, сознательное использование ошибок [Long, 1983a, p. 177-178].

Говорящие могут адаптировать свою речь с целью присоединения к определённой социальной группе, которую представляет их собеседник [Loy, 2019], что в целом соответствует теории коммуникативной аккомодации, поскольку речь идёт об изменении поведения ради сближения с собеседником.

Л.А. Завьялова, рассматривая коммуникацию в интернет-опосредованной интеракции, определяет аккомодацию как *дискурсивную стратегию* для достижения успеха и сохранения гармоничных межличностных отношений в контексте деловой межкультурной интернет-коммуникации [Завьялова, 2018] (выделено нами – А.Г.). В данном случае аккомодация представляется уже как стратегия, которая в первую очередь необходима для реализации успешной коммуникации между собеседниками.

Передача информации, по мнению Л.А. Завьяловой, не является при аккомодации единственной целью взаимодействия участников коммуникации, поскольку оно также направлено на поддержание и сохранение межличностного контакта [Там же]. То есть с помощью аккомодации говорящий может как добиться цели коммуникации и сделать высказывание более разборчивым и понятным, так и гармонизировать взаимоотношения с собеседником.

В самом широком смысле различают два типа коммуникативной аккомодации:

1. Конвергенция, которая предполагает адаптацию коммуникативного поведения к поведению активного субъекта общения, на которого направлено высказывание [Завьялова, 2018]. Конвергенции можно добиться различными

средствами коммуникации, например, выбором лексикона, произношением, длительностью пауз и высказываний, а также невербальными средствами поведения или глубиной самораскрытия. Конвергенция повышает эффективность коммуникации, что в свою очередь усиливает взаимопонимание и снижает уровень неопределённости и межличностной тревоги [Бурая, 2017].

2. Дивергенция, в рамках которой подчёркиваются языковые отличия от собеседника [Gallois, 2005], в большинстве случаев отражает стремление человека позитивным образом подчеркнуть свою индивидуальность и обычно имеет место тогда, когда контакт воспринимается говорящим как межгрупповой, а не индивидуальный процесс [Бурая, 2017].

Исходя из вышеуказанных определений, под коммуникативной аккомодацией понимают процесс, в котором участники разговора корректируют свой акцент, дикцию и другие аспекты языка для достижения целей коммуникации. Отметим, что в настоящей работе рассматриваются ситуации, в которых коммуникация направлена на сближение участников коммуникации, на уменьшение дистанции между ними. Поэтому в первую очередь нас интересует конвергенция, нацеленная на приспособление к манере речи собеседника, а также интерпретируемость, поскольку говорящий стремится донести информацию до собеседника, даже если она будет представлена в упрощённой форме, что особенно важно в условиях межкультурной коммуникации.

Аккомодация играет важную роль в межкультурной коммуникации в ситуациях, где собеседники с более высоким уровнем речевой компетенции – носители языка и неносители, владеющие языком на высоком уровне, – стараются приспособиться к манере речи собеседников с более низким уровнем владения языком. Для этого им необходимо видоизменять свои речевые привычки (темп, ударение, длительность высказываний), функциональную нагрузку своей речи в сторону большей вспомогательности, меньшей интерактивности и личного отношения, применять интерпретационную стратегию, используя более частотную лексику, повторы и исключая неоднозначность.

От теории и явления аккомодации происходит быстрый переход к пониманию её как стратегии изменения коммуникативного поведения. В своей основе это поведенческая теория, пришедшая в теорию коммуникации и в теорию лингвистики речи, когда возникла необходимость объяснить употребление тех или иных языковых оборотов, повторов и т.д., чем, в частности, и является избыточность.

Следование аккомодационным стратегиям в устной и письменной речи при общении на английском языке позволяет добиться лучшего результата в рамках межкультурной коммуникации. Однако стоит добавить, что данные стратегии будут эффективными только при готовности всех участников коммуникации к стремлению поддерживать общение и помогать друг другу в преодолении различных трудностей, то есть мотивация, как и навыки ведения межкультурного диалога, играет не менее важную роль в поддержании такой коммуникации.

Таким образом, анализируемые в диссертации коммуникативные стратегии в целом, и стратегия коммуникативной аккомодации, в частности, нацелены на достижение целей межкультурной коммуникации в письменной форме (бизнес-коммуникации) и в устной форме (интервью с музыкантами, спортсменами и пр.).

Избыточность выступает одним из инструментов аккомодации, позволяя носителю или неносителю с высоким УРК подстраиваться под уровень речи неносителя языка с низким УРК, а также путем перефразирования, повторов и т.п. добиваться установления контакта.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Коммуникация представляет собой акт общения, связь между двумя и более индивидами, основанную на взаимопонимании. Её участниками являются коммуниканты, чаще всего адресант и адресат, каждый из которых обладает уникальными характеристиками – личностными, культурными и языковыми, что напрямую влияет на процесс общения. Современная лингвистика рассматривает коммуникацию как циклический двунаправленный процесс.

Межкультурная коммуникация рассматривается как связь между представителями различных культур, процесс взаимодействия между людьми с различным культурным происхождением, опытом, проявляющих в конкретных ситуациях разные формы поведения, в том числе, языкового. Основной формой межкультурной коммуникации в сфере бизнеса и в устных интервью, составляющих материал данного исследования, является прямая коммуникация, в случае с бизнес-коммуникацией опосредованная электронными средствами передачи сообщений (мессенджерами и социальными сетями).

В межкультурной коммуникации в основном происходит общение между носителями разных языков, что подразумевает взаимодействие представителей разных культур. Поскольку в межкультурной коммуникации обычно участвуют люди, говорящие на разных языках, в качестве средства коммуникации используется иностранный язык, знакомый всем коммуникантам. Основным международным языком общения в настоящий момент является английский язык, поэтому в большинстве случаев именно он используется в межкультурной коммуникации. Тот факт, что число неносителей языка превышает число носителей, обуславливает ситуацию, при которой в общении участвует по крайней мере один неноситель языка, или даже только неносители.

Неносители – это люди, которые знают и используют второй язык на любом уровне, изучив язык в сознательном возрасте «по правилам», а также больше зависят от норм. Знание языка носителем и неносителем отличается, но неноситель, хоть его компетенция и уступает языковой компетенции носителя, может превосходить его в языковом исполнении, то есть в том, как в конкретной коммуникативной ситуации применить язык для достижения целей коммуникации.

Для успешного преодоления барьеров в межкультурном общении носители и неносители английского языка могут обратиться к коммуникативной стратегии аккомодации, в рамках которой регулируется темп речи, осуществляется тщательный подбор лексики, уточняются отдельные содержательные элементы. Данная стратегия может использоваться как в письменной, так и в устной речи.

Эффективность аккомодации будет высока в том случае, если коммуниканты будут стремиться поддерживать общение и оказывать друг другу помощь в преодолении барьеров.

Установлено, что речевая избыточность, являясь неотъемлемой частью естественного языка, возникает в любой коммуникации и играет важную роль в условиях межкультурной коммуникации как один из инструментов реализации стратегии аккомодации. Это актуально для коммуникации как между носителем и неносителем языка (модель «носитель-неноситель»), так и в модели «неноситель-неноситель», где неродной язык выступает в качестве лингва франка.

Поскольку язык является неотъемлемой составной частью культуры, говоря о межъязыковой коммуникации, можно говорить и о коммуникации межкультурной. Общение происходит между носителями разных языков, что, в свою очередь, также подразумевает взаимодействие носителей разных культур.

ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

3.1. Средства и инструменты межкультурной коммуникации, задействующие избыточность

Упоминание и разбор примеров того, что в данной диссертации относится к феномену речевой избыточности, встречается в научной литературе по межкультурной коммуникации и коммуникации в целом достаточно часто, однако все эти случаи не анализировались как отдельное явление. В фокусе внимания исследователей были другие аспекты коммуникации, а именно: речевые ошибки, самоповторы, заполненные хезитационные паузы, аккомодация к речи собеседника и т.д., некоторые из которых действительно являются в то же время проявлением избыточности. Задача целенаправленно проанализировать речевую избыточность в двух сферах межкультурной коммуникации (бизнес-коммуникация в социальных сетях и мессенджерах и интервью) прежде не ставилась, тогда как это явление широко распространено и несёт серьёзную функциональную нагрузку как для говорящего (пишущего), так и для слушающего (читающего). При этом в межкультурной коммуникации применяются некоторые средства и инструменты, которые задействуют речевую избыточность.

Так, Н. Хюннинен предлагает в качестве средства коммуникации так называемое «переформулирование» (англ. *reformulation*). Идея переформулирования состоит в перефразировании высказывания говорящего, то есть повтор фрагмента речи в изменённой форме. Переформулирование может быть совершено как самим говорящим, так и его собеседником [Hynninen, 2013].

В качестве подтверждения своей теории Н. Хюннинен приводит следующий пример коммуникации между носителем языка NS (native speaker) и неносителем NNS (non-native speaker):

NNS: *okay then, about the seal, lost my paper again, er, then i found this one it is about baltic er ringed seal and it seems that er thirties and er in late eighties and beginning of nineties there (were) er quite warm winters and during that time pups were killing quite much and just really big percents*

NS: *sorry during that (warm-up) it was erm the [er w-] [proved] that or or (well) people could count that er more saimaa seals (were) dying*

NNS: *yeah*

NS: *(okay)*

В данном диалоге переформулирование используется для проверки подтверждения. В этом примере NNS рассказывает о статье, которую он прочитал для встречи в группе. Далее NS пытается удостовериться, правильно ли он понял коммуниканта NNS, пробуя переформулировать высказывание. Это высказывание NS заканчивается с восходящей интонацией, означая, что он не был уверен в том, что NNS применил слово *killing*, поскольку это слово, во-первых, использовалось нестандартным способом, а, во-вторых, было произнесено тихо. Таким образом, при переформулировании была добавлена замена *killing* на более подходящее *dying*. Избыточность в данном примере проявляется на уровне синтаксиса (*quite warm winters* и *that (warm-up); quite much* и *more*) и лексики, что в конечном итоге помогло добиться цели коммуникации.

В статье М.Р. Малдонадо, посвященной использованию коммуникативных стратегий изучающими английский язык людьми, описывается несколько инструментов [Maldonado, 2016], которые позволяют задействовать избыточность для коммуникации. Для демонстрации эффективности данных инструментов, ниже приведем несколько диалогов, где участники коммуникации также обозначены как NS (native speaker) и NNS (non native speaker) – носитель и неноситель языка, соответственно. М.Р. Малдонадо перечисляет следующие инструменты: самоповтор, циркумлокуция, филлеры, «работа над ошибками». Рассмотрим каждый из них с точки зрения задействования ими речевой избыточности.

1. Самоповтор – повторение слова или ряда слов сразу после их произнесения. Пример самоповтора в речи носителя норвежского языка, говорящего по-английски:

NNS: Yeah I spoke I spoke to him before coming here of course, so that was very important for me annnd he seems like a top manager and yeah I really liked his ideas eh the way he sees football and and also the way he is, so he he gave me a great feeling and and that was important for me for me to come here. So yeah he was crucial [<https://www.youtube.com/watch?v=Gog2TKtBmQE>].

Самоповторы возникают в речи из-за того, что говорящему на иностранном языке необходимо больше времени на обработку информации, чтобы компенсировать недостаток знания изучаемого языка. Они в некотором смысле позволяют «выиграть время для обдумывания дополнительных средств выражения» [Margić, 2017]. Самоповторы сами по себе – проявления избыточности, однако именно благодаря им говорящему становится легче сформулировать свою мысль [Гуренков, 2022а].

2. Циркумлокуция – приведение примера, иллюстрирование, либо описание свойств целевого объекта или действия.

Этот инструмент полезен для того, чтобы компенсировать недостаток специфической лексики, необходимой для коммуникации. Например:

NS: You've had about 30 songs ready for the album. Where is the progress with the album like what is the update right like now today? What would you say the status?

NNS: It is the same status because weeee just played live since

NS: I see, right then

NNS: It is the same status because we are eeh some people can make music on the road, for example, Korn they are sitting in the night in the bus in the back making music I know buuut we just we are Germans and men we can just do the one thing we

NS: When you are on the road, you are on the road

NNS: Once which is live we go live

[https://www.youtube.com/watch?v=6K9iVrenKsg&ab_channel=MetalInjection].

В данном примере неносителю языка (NNS) удаётся путём циркумлокуции рассказать о том, в каком состоянии находится запись музыкального альбома и чем занимается музыкальный коллектив на данный момент. К тому же он поясняет, что у участников коллектива свой подход к работе, который состоит в том, что они занимаются только одним делом, в отличие от их коллег.

3. Филлеры (лексикализованные паузы) – использование слов-заполнителей, чтобы заполнить паузы, потянуть и выиграть время, чтобы сохранить канал коммуникации открытым и поддержать дискурс в трудные моменты.

Пример использования филлеров:

NNS: *Weeee We play better than them we create more chances we play eeeh solids we have eeeh a mature team in these competitions playoff and Iiii think we deserve we deserve to win and eh we are the best team in eeh tonight* [https://www.youtube.com/watch?v=myPJ-p1hMKg&ab_channel=Seb21].

Слово *eh* в данном случае как раз является примером филлера в речи носителя португальского языка. Речь становится более избыточной, но говорящему таким способом легче сформулировать свою мысль.

Ещё один пример:

NNS: *uh we we will re-recorded everything everything you know um just because well we we we took it really seriously and we wanted to sound as buzz as best as possible and you know uh because we uh updated a lot of professional gears over the years* [https://www.youtube.com/watch?v=hxB__RWqlFE&ab_channel=TheDanChanShow].

Речь носителя монгольского языка наполнена различными примерами филлеров в виде *uh*, *um*, *well* и *you know*. В этом случае речь говорящего становится более избыточной и, возможно, более тяжёлой для восприятия, но она помогает говорящему в том, чтобы закончить высказывание и сохранить его динамику, сделать речь более плавной. Здесь же задействованы такие виды речевой избыточности, как повторы слов (*everything*, *we*) и самокоррекция (*as buzz as best*).

4. «Работа над ошибками» – самостоятельное исправление случайных ошибок и неточностей в собственной речи (самокоррекция). Пример использования данного инструмента:

NNS: I was preparing for gold but I knew I know that I knew that I have two very good fighters in front of me Reshmie Oogink from Netherlands, she is amazing friend and fighter [https://www.youtube.com/watch?v=aBXk-n250iY&ab_channel=WorldTaekwondo].

В данном высказывании избыточность проявляется в виде повторов *I knew I know that I knew that* в речи носителя сербского языка, которые являются примером исправления ошибок в собственной речи. Такое речевое поведение при порождении высказывания помогает лучше сконцентрироваться, а также позволяет исправить ошибки, чтобы улучшить понимание со стороны собеседника.

В результате можно сказать, что речевая избыточность в действительности является эффективным инструментом межкультурной коммуникации. Например, в модели «носитель-неноситель» носитель языка с более высоким УРК, обладающий более глубокими знаниями языка, с помощью избыточности может способствовать лучшему пониманию его речи собеседником-неносителем за счёт уточнений, повторов или дополнительных слов, словосочетаний или даже высказываний. Однако, благодаря высокому УРК некоторых неносителей, в модели «неноситель-неноситель» могут быть использованы те же приёмы, как это продемонстрировано в примере ниже: коммуникант А, носитель монгольского языка, пытается уточнить информацию о статусе заказа, в то время как его собеседник, коммуникант В, носитель русского языка, пытается с помощью уточнений понять, о чем идёт речь.

A: 3 month subscription?

B: What do you mean? When we send the order?

A: 03.07. order

B: When we send it?

A: Needed it very quickly

B: We are preparing documents. I will contact the driver

A: Yes, the driver, ok (Здесь и далее приводятся примеры реальной бизнес-коммуникации с сохранением орфографии и пунктуации – *А.Г.*)

Другими словами, говорящий-неноситель с высоким УРК в процессе общения адаптирует свой уровень языка под уровень владения языком неносителя с низким УРК, применяя стратегию аккомодации (в вопросах нет вспомогательного глагола). С другой стороны, неноситель языка с помощью избыточности имеет возможность более чётко сформулировать и выразить свою мысль или использовать дополнительные ресурсы для детального описания того или иного объекта действительности, что позволит добиться понимания со стороны и собеседника носителя, и собеседника-неносителя. Кроме того, избыточность дает возможность говорящему-неносителю сэкономить умственную энергию в процессе коммуникации без необходимости тщательного подбора слов. Следовательно, благодаря приложенным усилиям со стороны каждого участника коммуникации, с помощью речевой избыточности коммуниканты могут достичь целей межкультурной коммуникации.

3.2. Механизмы, реализующие стратегию аккомодации посредством речевой избыточности в межкультурной коммуникации

Говоря о диалоге между представителями разных культур, необходимо учитывать форму коммуникации – устную или письменную.

Устный текст предполагает слушателя как участника коммуникации, даже если он не участвует в диалоге. В устной коммуникации благодаря интонации, мимике, жестам, самому типу общения (диалогу) коммуникант может выявить намерения собеседника с достаточной очевидностью [Гальперин, 2007]. При написании письменного текста читатель непосредственно не участвует в коммуникации, поскольку он получит и прочитает текст через некоторое время, а не в момент диалога, хотя стоит отметить, что адресант в некоторой степени ориентируется на своего читателя. В письменной речи может быть проблематично

выявить намерения говорящего, для чего требуется приложить некоторые усилия и привлечь накопленный опыт анализа разных типов текста [Там же].

Устная речь включает в себя более простые и короткие предложения, в то время как в письменной речи, наоборот, чаще представлены сложные предложения, состоящие из 2-3 клауз.

Отдельно стоит выделить онлайн-коммуникацию, поскольку она, хоть и является письменной речью, включает в себя и элементы устной речи. Для такой формы общения характерна более высокая скорость по сравнению с традиционной письменной формой, что не предполагает обдумывание текста перед тем, как написать его. Это приводит к появлению в ней синтаксических конструкций, характерных для устной речи, а также делает её спонтанной и менее подготовленной, а благодаря меньшему уровню формальности позволяет передать больше информации за счёт различных сокращений и упрощений. В результате при опосредованном виртуальном общении появляются возможности, позволяющие более или менее адекватно передавать различные нюансы, свойственные устному общению, такие как интонация, громкость, акцент и т.д.

Даже в такой области как бизнес-коммуникация из-за особенностей онлайн-общения процесс обмена сообщениями становится менее формальным, что даёт больше возможностей для ведения более эффективной коммуникации. В рамках межкультурной коммуникации это особенно необходимо, поэтому рассмотрим несколько речевых механизмов, реализующих стратегию аккомодации и способствующих достижению целей коммуникации в онлайн-общении, для которого характерны черты письменной и устной коммуникации. Эти речевые механизмы часто задействуют речевую избыточность в качестве инструмента реализации аккомодации.

1. Использование более простых синтаксических конструкций. Данный механизм рассмотрим на примере опосредованной межкультурной коммуникации в модели «неноситель-неноситель» между носителем русского языка, коммуникантом А, и носителем малайского языка, коммуникантом В. Их общение происходит через мессенджер. Целью диалога является назначение времени

будущего звонка, однако коммуникант В не знает о разнице во времени между городом Куала-Лумпур и Иркутском, что видно в предложении *I dunno what time is it now in ur city*. Чтобы дать подробный ответ и при этом обеспечить лучшее понимание текста со стороны собеседника, коммуникант А использует короткие предложения, в которых повторяет информацию: «*The same time. It is 11:30 in Kuala Lumpur now. And it is also 11:30 here. Anyway, ok. I will be ready*»:

В: *Morning, is 16:00 ok for you?*

А: *I'm not sure. I can not say precisely. I must go out for some time. I can come back a bit later. I will message you at 15:30. And we will see.*

В: *Alright. Then if 16h20~ fits you better we can do that as well. I dunno what time is it now in ur city.*

А: *The same time. It is 11:30 in Kuala Lumpur now. And it is also 11:30 here. Anyway, ok. I will be ready*

В: *Ok, great.* [Гуренков, 2022б].

2. Использование часто встречающихся или обобщающих слов. Речь идёт об употреблении в модели «неноситель-неноситель» общеупотребительных слов вместо тех, которые применяются в определённой сфере. Ниже приведён пример диалога между носителем монгольского языка, коммуникантом А, и носителем русского языка, коммуникантом В.

А: *Changes to the order?*

В: *The order now – no, For the next order. It changes only товарная накладная for you. It will be a similar document, with all the items. But it will look differently.*

А: *You can do it*

В данном случае под словом *document* имеется в виду товарная накладная. Коммуникант В не повторяет данное название, а использует вместо этого более обобщённое слово *document*, знакомое коммуниканту А.

3. Использование вопросов для уточнения. Для иллюстрации этого механизма продемонстрируем диалог в модели «неноситель-неноситель» между носителем русского языка, коммуникантом А, и его собеседником – носителем китайского языка, коммуникантом В. Для того, чтобы удостовериться в

понимании вопроса со стороны собеседника, коммуникант А задаёт сразу несколько вопросов, повышая тем самым информативность сообщения.

A: *Hi. I have written a complaint. It is for my bosses and workers from the manufactory*

B: *Ok! Thank you*

A: *Are those new brackets? Or you did something with them? How did he help you exactly?*

B: *I don't know what to ask him about this*

A: *Did he send you new yellow brackets? Or did he give you some instructions?*

B: *No, he helped me handle this when he was still working in the company*
[Гуренков, 2022б].

Избыточность проявляется в переформулировании и уточнении вопросов (Are those new brackets? Did he send you new yellow brackets?)

4. Использование синтаксических конструкций, нарушающих норму английского языка, но способствующих коммуникации. Данный механизм можно показать на примере фразы из интервью носителя русского языка:

...if we will have fun on our rehearsal room, playing music, so this is the best we can do [<https://www.youtube.com/watch?v=xO7--lChsmw&t=1229s>].

Избыточность состоит в ненужном употреблении вспомогательного глагола will.

...If he will be make the progress like now with so fast for I mean that...
[<https://www.youtube.com/watch?v=3hZFnDdh60s>].

Здесь избыточность состоит в ненужном употреблении вспомогательного глагола will и глагола be.

5. Использование слов и фраз, отсутствующих в английском языке, но присутствующих в родном языке собеседника. В примере происходит общение между носителем русского языка (А) и носителем хорватского языка (В). Поскольку коммуникант В не знает, что такое ITN (Individual Taxpayer Number), то коммуникант А использует выражение *Osobni identifikacijski broj* на хорватском языке, хотя оно имеет другое значение, что подтверждает сам

коммуникант В. Здесь также проявляются лингвокультурные различия, поскольку для наименования *Identifikacijski broj poreznog obveznika* в хорватском языке, соответствующее английскому ITN, в Хорватии принято использовать другую английскую аббревиатуру – TIN, что удастся выяснить только путем перебирания коммуникантом А различных вариантов перевода термина на хорватский язык. Коммуникант А снова пробует применить фразу из хорватского языка – *porezni identifikacijski broj*, которое, являясь корректным переводом, все-таки помогает собеседнику понять, о чем конкретно идет речь:

A: *What's your ITN?*

B: *What is ITN?*

A: *Individual Taxpayer Number. Let me check. Maybe Osobni identifikacijski broj, right?*

B: *Where did you take it?*

A: *It was from Wiki – https://hr.wikipedia.org/wiki/Osobni_identifikacijski_broj*

B: *This is a personal identification number, it is on my id card*

A: *No, it is not what I mean. Maybe then it is porezni identifikacijski broj*

B: *Ah, you mean Identifikacijski broj poreznog obveznika, you mean TIN, not ITN*

A: *Well, yes yes you are right [Гуренков, 2022б].*

Суть данных языковых механизмов, реализующих стратегию аккомодации, состоит в упрощении и даже в некорректном использовании языка с целью достичь успешной коммуникации, что требует достаточно серьезной языковой подготовки от коммуниканта, являющегося менеджером или консультантом организации, предоставляющей товар или услугу.

Вышеуказанные механизмы также подходят и для устной коммуникации. Главным отличием устной коммуникации является фонетический аспект, поэтому на передний план выходит произношение и то, как можно использовать некоторые фонетические характеристики речи для более эффективного общения.

Далее будут показаны общие и отличные формы проявления речевой избыточности в зависимости от канала связи.

3.3. Классификация форм проявления речевой избыточности в письменной коммуникации

Речевая избыточность на разных платформах может иметь разный характер. Её уровень в процессе деловой коммуникации в мессенджерах, социальных сетях и электронных письмах может варьироваться в зависимости от различных условий: тема коммуникации, уровень близости между участниками коммуникации, уровень владения языком и т.д.

Однако в мессенджерах и социальных сетях существует тенденция к большей неформальности, по сравнению с электронными письмами, которые с юридической точки зрения имеют определённую силу, поэтому в деловой коммуникации (в том числе в межкультурной) такие письма чаще носят официальный характер.

Орфографическая избыточность заключается в случайном добавлении букв, которые можно расценивать как ошибки. Такие неточности скорее характерны коммуникации в мессенджерах и социальных сетях, поскольку в данном случае общение более динамичное, нередко происходит в реальном времени, когда собеседники вынуждены реагировать быстро на сообщения друг друга, из-за чего им не всегда представляется возможным следить за правильностью речи. Что особенно усугубляется в условиях межкультурной коммуникации при наличии среднего или низкого УРК одного или всех коммуникантов, что оказывает непосредственное влияние на «качество» речи и приводит к орфографическим ошибкам. В то время как в электронных письмах такая вероятность гораздо ниже, так как при подготовке письма коммуникант тратит время на проверку написанного текста.

Лексическая и синтаксическая избыточность также актуальны для данных каналов деловой коммуникации.

Поскольку общение в мессенджерах и социальных сетях приближено к устной речи, в них обнаруживается использование филлеров, что проявляется, например, в использовании пауз хезитации и слов-филлеров, таких как *well*, *ugh*,

ит и т.д. Это отражает скорость подготовки такой речи, поскольку письменная речь в мессенджерах более динамична и часто включает в себя некоторые элементы устной речи. Для коммуникации с помощью электронных писем такая динамичность не характерна, и подобные филлеры, как правило, отсутствуют. Лексические повторы встречаются в коммуникации вне зависимости от канала связи, так как коммуникантам во многих случаях приходится прибегать к объяснению различных нюансов, влияющих на результат сотрудничества (в условиях бизнес-коммуникации – это в основном покупка или продажа, либо сопровождение до или после сделки).

Особую роль играет использование слов из другого языка, который может быть знаком для обоих коммуникантов, либо, по крайней мере, для одного из них. Одни и те же лексические единицы могут дублироваться на других языках для достижения лучшего взаимопонимания. То же самое характерно и для синтаксической избыточности, когда дублируются предложения или даже тексты на двух и более языках.

Синтаксическая избыточность чаще встречается в электронных письмах, где объяснения участниками коммуникации каких-либо деталей носят более развёрнутый характер для того, чтобы, во-первых, поддержать так называемый «цифровой» этикет, и, во-вторых, чтобы сообщения были максимально понятны адресату, не содержали двусмысленности и неопределённости. В мессенджерах и социальных сетях синтаксическая избыточность также проявляется, но из-за более неформального стиля коммуникации «цифровой» этикет соблюдается в меньшей степени и сообщения являются менее развёрнутыми по сравнению с электронными письмами, хотя случаются ситуации, когда и в неформальной переписке посредством мессенджера коммуниканты могут прибегать к избыточности для подробного разъяснения.

Итак, речевая избыточность в письменной коммуникации характерна для орфографического, лексического и синтаксического уровней. На рисунке 6 представлена классификация речевой избыточности в письменной коммуникации (Рисунок 6).

Рисунок 6 – Избыточность в письменной межкультурной коммуникации

При сравнении бизнес-коммуникации посредством социальных сетей и обиходно-бытовой коммуникации, необходимо отметить их некоторые особенности с точки зрения использования речевой избыточности. Бизнес-коммуникация подразумевает использование определённого этикета, что означает использование различных этикетных фраз и уточнений, которые не несут в себе новой информации, но делают речь более формальной и, тем самым, более избыточной. В обиходно-бытовой речи подобные нюансы сведены к минимуму, и иногда в ней нет приветствия и завершающей фразы, но, как уже упоминалось, возрастает степень использования филлеров и пауз хезитации, в том числе с использованием избыточности. Если с партнером по бизнесу со временем складываются более неформальные отношения, бизнес-коммуникация может

приобретать черты, свойственные обиходно-бытовой коммуникации. В качестве иллюстрации данных изменений могут быть использованы следующие примеры из реальной письменной коммуникации, имеющих общее содержание, но совершенно разную форму.

Бизнес-коммуникация (формальная)	Бизнес-коммуникация (неформальная, с чертами обиходно-бытовой коммуникации)
<i>Hello Andrew, This is Jack Smith from Black&White Line company. We've been working with you, buying some car parts from you.</i> <i>I hope you had a good weekend.</i> <i>I am writing you to ask for the customs declaration since there was a request from our customs. We have to provide within 10 ten days, so I am asking you to send it as soon as possible.</i> <i>The request is attached to the letter.</i> <i>Please send it to my email. Also to make things quicker, write me a note on WhatsApp.</i> <i>Thank you very much.</i> <i>Best regards, Jack Smith, B&W Line</i>	<i>Hi Andrew, It's Jack. How's it going?</i> <i>I've sent you a note on your email. Please send me the customs declaration.</i> <i>I need to provide it like within 10 days, <u>sooooo</u> well send it as soon as possible, okay? Thanks</i>

3.3.1. Орфографическая избыточность

В коммуникации орфографическая речевая избыточность представляет собой орфографические ошибки, которые могут сделать и носители, и неносители языка. Такая избыточность является непродуктивной. Рассмотрим несколько примеров:

- «1pcs is MYR 158.40 right? includding shipping» – носитель малайского языка допускает ошибку в слове including, добавив лишнюю букву d;

- «Just quick check ..if the items is ready to ship» – носитель китайского языка в слове items добавляет лишнюю букву -s – индикатор множественного числа, хотя речь идет об одном предмете;

- «Yes, i have look at sendt email if i did not replay or it was you now» – носитель норвежского языка добавляет букву d в слове sent;

- «Some interview looked good i got follow up interview, i try to not hope too much until its settle tho» – носитель французского языка добавляет букву s к местоимению it вместо глагола settle;

- «Glad to do it, although today I can't, I simply am not in possibility to do so. I will record it tommorow morning» – носитель хорватского языка по ошибке добавляет букву m в слове tomorrow (но также и не использует вторую букву r, что является ошибкой, но не примером избыточности).

Возможны ситуации, в которых избыточная орфография может значительно затруднить понимание высказывания, например:

- «Its so so. Creases is comeing.. I am at automechanika Dubai» – носитель словацкого языка допускает ошибки в слове crisis, где, во-первых, добавляет лишнюю букву a, а также вместо буквы i пишет букву e, а во-вторых, добавляет лишнюю букву e в слове coming. Без уточнения достаточно сложно догадаться, о чем идет речь.

Возможны ситуации, в которых избыточная орфография может привести к недопониманию между коммуникантами, что проиллюстрировано в письменной коммуникации посредством мессенджера между носителем русского языка, коммуникантом А, и носителем языка малаялам, коммуникантом В:

В: I have not seen a outside person for like 5 days till the result come

А: Total isolation?

В: Yeah it was like that. As it's a hostel I only had my roommate with me he was also like semi isolated as we share same room

А: So you are in Irkutsk in a hostel?

В: Yeah in the hostel I usually leave. As usual. Was just not allowed to go out

A: *What? You leave the hostel? What does it mean?*

B: *I usually live.* (запись разговора)

Вместо буквы *i* в слове *live* коммуникант В пишет буквы *ea*, образуя слово *leave*. Это в свою очередь приводит к непониманию со стороны коммуниканта А, и он только с помощью уточняющих вопросов *What? You leave the hostel? What does it mean?* в итоге добивается понимания того, что коммуникант В хотел сказать.

3.3.2. Лексическая избыточность

Избыточность в лексике представляет собой повтор одинаковых или синонимичных слов, как и использование дискурсивных слов для заполнения пауз, что помогает говорящему в подборе слов [Гуренков, 2021]. Кроме того, данная избыточность обусловлена лексическими ошибками, которые говорящий может совершить в процессе коммуникации.

Данный вид избыточности можно представить в виде следующей классификации:

1. избыточность, связанная с чрезмерным использованием слов-филлеров, характерных для устной речи, но, в редких случаях, используемых и в письменной речи. Например:

- *You are more intelligible in English, I'm not sure what you're trying to say. May I ask what is the reason for... Ugh... Your manner of writing?* – носитель польского языка добавляет в письменной речи филлер *Ugh*, имитируя тем самым устную речь, когда он пытается подобрать нужное слово для выражения своей мысли и завершения высказывания;

- «*Well I wanna record it wirh the fireworks. Well I dont see why you couldn't upload it later*» – носитель хорватского языка добавляет междометие *well* в начале каждого письменного высказывания, хотя никакой информации оно в себе не несет и, опять же, представляет собой скорее имитацию устной речи и выражение процесса обдумывания речи;

- «*I have not seen a outside person for like 5 days till the result come*» – носитель языка малаялам добавляет междометие *like*;

- «*Um, yes, I was wrong, I'm sorry*» – носитель монгольского языка в начале предложения добавляет филлер *Um*, что, скорее, характерно для устной речи;

- «*Uhh yeah sure. When is it ok for you?*» – носитель хорватского языка в начале предложения добавляет междометие *Uhh*, которое для высказывания не несет никакой информации, однако, возможно, помогает говорящему сделать свою речь более естественной.

Можно сказать, что в некоторых ситуациях письменная речь достаточно близка к устной речи. Процессы мышления, связанные с обдумыванием слов, также выражаются и в письменной форме в виде слов-филлеров и междометий, характерных в первую очередь для речи устной, что делает письменную речь более приближенной к живому общению.

2. Избыточные повторы одних и тех же или схожих по значению слов или фраз, которые проиллюстрируем следующими примерами [Гуренков, 2022]:

- «*The roll of season... Winter, spring, summer autumn, winter, spring, summer etc etc... they roll into each other*» – носитель английского языка объясняет собеседнику из России значение фразы *The roll of seasons*, повторяя слова *Winter, spring, summer*;

- «*I found that I send money to you, I have to pay two handling fees myself, this should be a problem. It's okay for me to pay the handling fee in Taiwan, but should the handling fee in Russia be paid by your company*» – носитель китайского языка объясняет собеседнику ситуацию, связанную с оплатой комиссии за перевод денежных средств. На протяжении всего сообщения он несколько раз повторяет фразу *handling fees*, делая свое высказывание более однозначным и понятным, без использования, например, местоимения *it* или синонимов. Здесь можно говорить о продуктивной избыточности;

- «*I think i will wait a bit. It's good that it sell well, but wait a little bit so i don't have this attention over a longe time. And i see the marked is little saturated So then i can wait a bit*» – носитель норвежского языка три раза повторяет фразу *wait a bit*, для исключения потери информации, хотя это никакой дополнительной

информации не несет, но, возможно, позволяет ему подчеркнуть мысль о том, что он готов подождать ещё некоторое время до разрешения какого-то вопроса;

- «*because mostly in the companies procurement officer or procurement manager or procurement department are active on LinkedIn*» – носитель хинди несколько раз повторяет слово *procurement*, добавляя его к словам *officer*, *manager* и *department*, тем самым подчеркивая мысль, что речь идет об одной и той же должности, связанной с закупкой товаров;

- «*Thanks you for your reply.let's keep in touch.maybe we can communicate more and more on the market information*» – носитель китайского языка дважды повторяет слово *more*, создавая избыточность для усиления содержания;

- *Having a very bad temperature I am following my works and will be from work from Monday will try to avoid missings from Monday as now it's very important for me to avoid missings and get maximum salary.* – носитель языка малаялам дважды повторяет фразу *from Monday* и фразу *to avoid missings*. Эти повторы скорее всего направлены на то, чтобы выделить мысль о важности посетить работу, начиная с определённого дня недели;

- *When i was in France i was not really into asian food, but since i live in Japan i am eating asian food everyday ahah* – носитель французского языка дважды повторяет фразу *asian food*, тем самым делая на ней акцент.

- *He is my contact person in his old/other job, we have been talking for some year and he helps me with supply parts for cars* – носитель норвежского языка делает уточнение с помощью слов *old* и *other*, написанных через слэш, о том, что речь идёт о старой работе, которая отличается от той, где он сейчас работает. Очевидно, что для говорящего слова *old* и *other* в данном контексте являются схожими по значению.

3. Отдельно можно выделить вид избыточности, который подразумевает использование слов из другого языка, понятного для обоих коммуникантов, наравне с английским языком. Рассмотрим следующий пример: в коммуникации участвуют носитель хорватского языка, коммуникант А, и носитель русского языка, коммуникант В. Фразу *and i* коммуникант В дублирует на хорватском языке в виде фразы *a ja* с тем же значением.

A: *Well dad was talking how I was drinking senf, and he wanted to say “and i (a ja)...” but took a picture of what he was drinking rather than typing it*

B: *Ah aaaa I see*

A: *I saw the message ending in that perfect “a ja”, it is rare since you will never usually end sentence like that.*

В следующем примере носитель польского языка указывает название региона под названием Померания на английском и польском языках, помогая собеседнику из другой страны понять, о каком именно субъекте страны идет речь:

- *Also I'm from Pomerania/Pomorze. My father's side of the family is Kashubian.*

В следующем небольшом диалоге носитель русского языка, коммуникант А, отправляет информацию об отправке груза собеседнику, носителю малайского языка, коммуниканту В. Тот отвечает, пишет ему «спасибо» по-английски и затем ещё по-русски, но с помощью латинских букв:

- A: *Hi Vui. The tracking number is sent to you. The box was sent last week.*

- B: *Hi mate. Thanks. Spasiba.*

3.3.3. Синтаксическая избыточность

Наконец, избыточность синтаксическая подразумевает использование повторяющихся предложений с разным лексическим составом для выражения какой-то одной мысли. Можно выделить три проявления такой избыточности:

1. Повторяющиеся повествовательные предложения, в каждом из которых может присутствовать схожая или разная лексика, но которое несет в себе один и тот же смысл. В примере ниже продемонстрирован диалог в WhatsApp, в котором носитель английского языка, коммуникант А, с помощью нескольких предложений объясняет значение фразы *neighbourly chat*, взятой из стихотворения «Winter song» Роберта Блумфилда, своему собеседнику из России, коммуниканту В, носителю русского языка:

- A: *Neighbourly chat. Friendly chat with your neighbour. Kind of chatting with Mates. But a bit less formal. You wouldn't have a neighbourly chat about drinking too*

much and throwing up. But you would talk about how to fix a dripping tap or moan about how the grass has died. Or something like that.

- B: Hey mate, whazzup! Great, thank you. Really appreciate, this part was quite a challenge for me. It's an old poem so some words I couldn't understand.

Представляется, что здесь имеет место некоторая избыточность в речи коммуниканта А, хотя можно говорить и о синтаксической вариативности выражения содержания. Поскольку с лингвокультурологической точки зрения коммуниканту В непонятно выражение *neighbourly chat*, в своем ответе носитель языка использует однокоренные слова (*neighbour*, *neighbourly* и *chat*, *chatting*), повторяя их в измененном виде для лучшего понимания.

Ещё один пример: носитель болгарского языка в двух предложениях – *Thank you very much for your response!* и *Thank you again!* – выражает благодарность своему собеседнику:

- «Hi, The explanation is pretty good and I understood everything. Thank you very much for your response! If we have more questions I will let you know. Thank you again!»

При анализе этого примера можно также использовать Принципы вежливости Дж. Лича (максима одобрения) [Leech, 1983], что не исключает избыточности высказывания коммуниканта.

Наконец, пример из письма от носителя норвежского языка, который в нескольких предложениях описывает свои впечатления от полученной партии товара и о том, что этот товар получает положительные отзывы от его покупателей. Информация здесь не дублируется, но так или иначе повторяется в иной синтаксической форме с дополнениями:

- «I sell on sales place in norway like eBay. And the people talk more and more about the product, i hear many is happy about the fitment and the quality of it. I have never got any bad talking about it and more and more people say just good quality on this! So i and have to say that i and my customer like your products well»

2. Повторяющиеся вопросительные предложения, которые также несут общий смысл и содержат подобную лексику, часто представляя собой перифразы с уточнением (добавлением / дополнением) определённых позиций.

В следующем примере бизнес-коммуникации по модели «неноситель-носитель» носитель русского языка, коммуникант А, уточняет с помощью двух вопросов у носителя монгольского языка, коммуниканта В, дату и время прибытия водителя в Иркутск:

- A: *Hi, when the driver is in In Irkutsk? When he will come?*

- B: *Hi, He said he will call you, who is in Irkutsk.*

- A: *Ok.*

Коммуникант А, обладая более высоким УРК, изменяет форму специального вопроса (порядок слов) на неправильную в рамках аккомодации в надежде на лучшее понимание со стороны адресата. Вопросы сформулированы по-разному, но по сути являются близкими по значению, и речевая избыточность используется здесь для уточнения.

3. Предложения, написанные на разных языках, но содержащие одну и ту же информацию в рамках диалога. В следующем примере демонстрируется подобное использование избыточности: носитель русского языка, коммуникант А, задает вопросы о дальнейших действиях с грузом сначала на английском языке, затем, с помощью Google Translate, переводит вопрос на монгольский язык и дублирует его в предложении для носителя монгольского языка, коммуниканта В:

- B: *Okay Wait a minute, Zorig.*

- A: *What? We send the goods to Zorik? Or you want to find a driver? Буд Зорик руу захиалга явуулж байна уу? Эсвэл та жолоочоо хайх уу?*

- B: *The answer will come today.*

- A: *Okay.*

Ниже представлен ещё один пример, демонстрирующий эффективность этой формы избыточности, в котором происходит диалог на английском языке как лингва франка между носителем русского языка, коммуникантом А, и носителем языка малаялам, коммуникантом В, в котором они обсуждают проведённую коммуникантом В операцию. Он объясняет собеседнику, какую именно операцию он проводил, используя английский язык, но затем дублируя все сообщение на русском языке, поскольку коммуниканту А могут быть незнакомы значения этих английских терминов:

- A: *I suppose it's a good reason to celebrate it. Well done.*

- B: *Others were taking turns as I am resident I should stay for all. I was happy when the patient was relieved.*

- A: *What was with the guy? What kind of surgery did he need?*

- B: *Dorsopathy osteochondrosis stenosis of spinal canal with hernia. Stenosis was on the 4 th stage. Reconstruction of spinal canal with implantation of cage and vint. I will send you the Russian form. Дорсопатия. Обострение. Остеохондроз пояснично-крестцового отдела позвоночника. Абсолютный дегенеративный стеноз позвоночного канала на уровне LIII-IV, LIV-LV. Синдром КПХ. Выраженный болевой мышечно-тонический синдромы* (орфография сохранена – А.Г.).

В результате все указанные виды избыточности позволяли добиться или, по крайней мере, способствовать достижению целей коммуникации, за исключением непродуктивной орфографической избыточности, которая проявляется с основным в виде орфографических ошибок. При этом стоит отметить, что письменная коммуникация имеет множество сходных черт с коммуникацией устной, особенно если речь идёт о неформальной переписке, в которой письменная речь максимально приближена к устной. В такой ситуации могут проявляться формы избыточности, характерные и для устной речи, хотя их частотность будет ниже. Главное отличие состоит в том, что избыточность на орфографическом уровне будет характерна только для письменной коммуникации, в то время как для устной коммуникации характерна фонетическая избыточность, а также более часто встречающаяся лексическая и синтаксическая избыточность.

Итак, письменная коммуникация характеризуется тем, что это в наибольшей степени подготовленная речь, допускающая более тщательный отбор и поиск средств выражения, что облегчает задачу адресанту. Восприятие такой речи отдалено во времени и пространстве от её создания, что помогает уже адресату, поскольку он может в спокойной обстановке изучить полученное сообщение и убедиться в правильности его интерпретации.

Отдельно стоит выделить коммуникацию через мгновенные сообщения, которые совершаются через мессенджеры и социальные сети – такая

коммуникация приближена к устной речи, что проявляется, например, в использовании слов-филлеров, таких как *well, ugh, um* и т.д. Это, в первую очередь, отражает скорость подготовки такой речи, поскольку письменная речь в мессенджерах более динамична и часто включает в себя некоторые элементы устной речи, что упрощает её понимание со стороны адресата, который также знаком с такими филлерами.

В письменной речи использование избыточности позволяет подчеркнуть значимость той или иной мысли и объяснить непонятные собеседнику явления в виде перифраз или с помощью синонимов. Если коммуникация затруднена тем, что у её участников разный уровень владения языком, или один из участников коммуникации имеет небольшой словарный запас по той или иной теме, то существует возможность использовать лексику или даже целые конструкции из родного языка собеседника, применяя такие ресурсы, как Google Translate или Яндекс.Переводчик, либо, в некоторых случаях, полагаясь на собственные знания языка собеседника. В других случаях, если адресант или адресат не знают определённого слова, то можно использовать синтаксические конструкции, имеющие общий смысл, что также поможет добиться понимания между коммуникантами.

В письменной коммуникации речевая избыточность выступает эффективным средством, благодаря которому можно уточнить ту или иную значимую деталь, которая сделает информацию более понятной для собеседника.

3.4. Классификация форм проявления речевой избыточности в устной коммуникации

В устной коммуникации избыточность проявляется на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях (Рисунок 7).

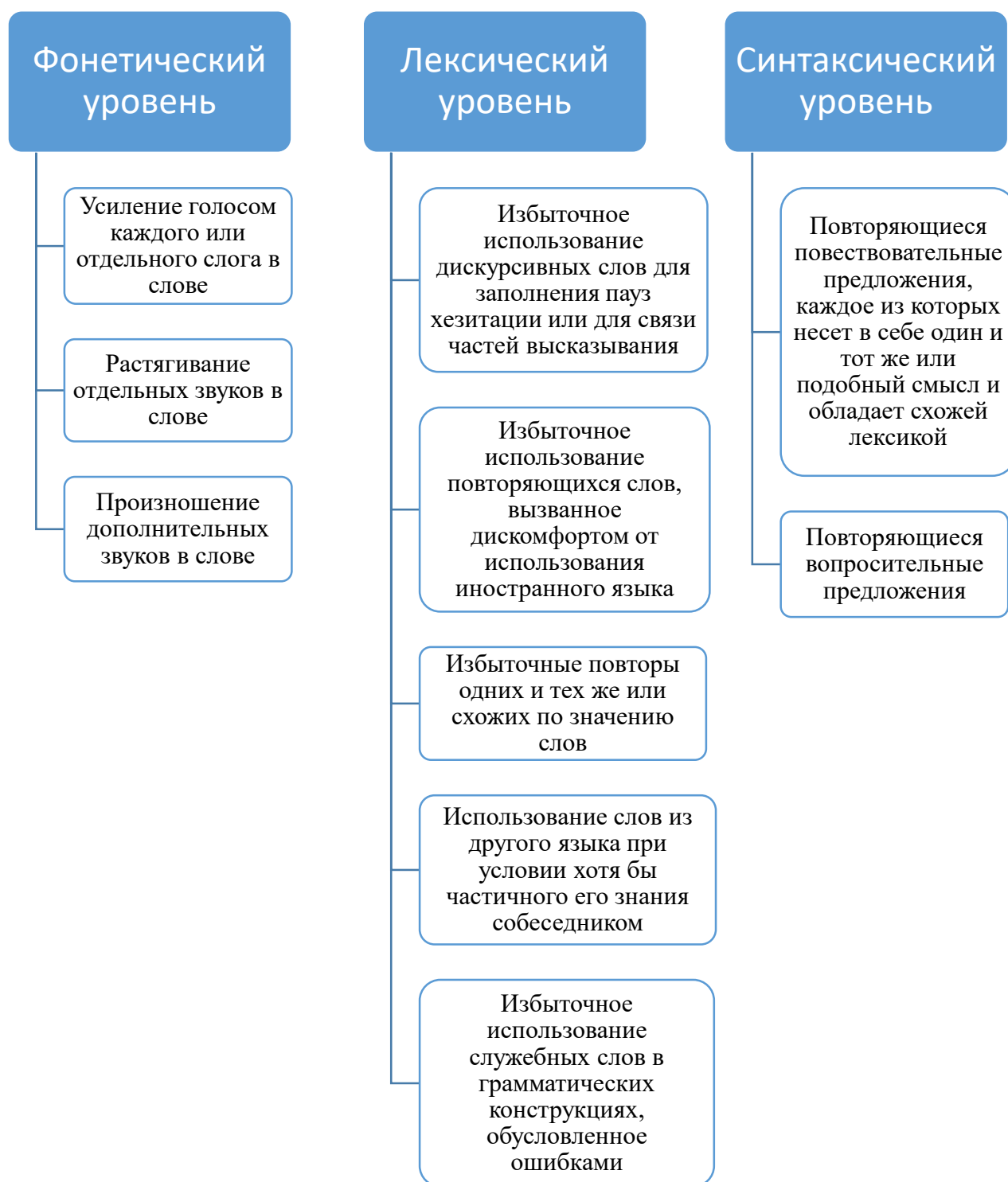

Рисунок 7 – Избыточность в устной межкультурной коммуникации

3.4.1 Фонетическая избыточность

Для данной формы коммуникации в первую очередь характерна фонетическая избыточность. Информация, переданная в устной форме, может

быть избыточной за счёт дополнительного, необязательного повышения голоса и изменения интонации [Гуренков, 2022]. В таком случае речь идёт о непродуктивной речевой избыточности. Растягивание гласных и согласных звуков предоставляет говорящему чуть больше времени на обдумывание и подбор слов. Здесь стоит упомянуть определённые произносительные ошибки, когда говорящий произносит больше звуков, чем необходимо, что также повышает степень избыточности.

Классификацию фонетической избыточности в условиях межкультурной коммуникации можно представить следующим образом:

1. Усиление голосом отдельного слога в слове или выделение целого слова – говорящий таким образом выделяет нужное ему слово:

- «*Sometimes we dooOOO em for us is the video in the best way it gives the song even mOOORRRe you know it ADDS something to the song, sometimes it makes the SMALLER»*

[www.youtube.com/watch?v=6K9iVrenKsg&t=316s&ab_channel=MetalInjection] – носитель немецкого языка выделяет слово *do*, не только громкостью голоса, но и его высотой, делая таким образом восходящую интонацию для одного слова. Громкостью и высотой голоса он подчёркивает слова *more*, *adds*, *smaller*;

- «*WORKing. ALways WORKing. Guys, nothing else?»*

[www.youtube.com/watch?v=Bf1lalWXtJ8&ab_channel=NordicMetal] – носитель финского языка произносит слова *working* и *always* по слогам, тем самым демонстрируя их значимость;

- «*First time when I come to United States and learning I just ha HELLO uh my name is JACKIE CHAN, you know I I I really I even I don't know how to order food»*

[www.youtube.com/watch?v=6PAcsnh7ukc] – носитель китайского языка произносит по слогам слова *hello* и *Jackie*, выделяя их высотой голоса, делая на них акцент;

- «*Eh I think it may have sss sssomewhat THRASH THRASH that's more or something I don't know»*

[www.youtube.com/watch?v=0zM8i4y_oBU&list=PL2FOSBzpyzPTsqscbdFemiRWA]

dmrbk3Kj&index=10&t=144s&ab_channel=FinnishUndergr%C3%B6undR%C3%A4di
%C3%B6] – носитель финского языка выделяет слово *thrash* не только повтором,
но также с помощью громкости и высоты голоса;

- «*And we have nice music, why don't we make a nice video? And I DIDN'T
exp...accept...expect that so many people all around the world without understanding
ANY WORD which we sing...*» [www.youtube.com/watch?v=xO7--lChsmw&t=1229s]
– носитель русского языка высотой и силой голоса выделяет слово *didn't* и фразу
any word, делая на них логическое ударение;

2. Растягивание отдельных звуков в слове, что даёт говорящему немного
времени на обдумывание следующего слова, например:

- «*Nooooo, I think they they want me tooooo to come here annnnnd and try to
help the team, I think t's eh a good chance for me tooooo to improve annnd hopefully I
can help the team tooooo improve annnnnd to reach our goals for this for this year*»
[www.youtube.com/watch?v=TF90iStPe7k&list=PL2FOSBzpyzPT8i8jGCB1maO05miDd5rzF&index=6&t=606s] – носитель норвежского языка растягивает гласные
звуки в словах *no* и *to*, а также звук [n] в слове *and*;

- «*what is my mission? Well I uh I studied photography and uh my destiny was
toooo communist time when youuuuuu*»
[https://www.youtube.com/watch?v=S3IQF0OA8yg&ab_channel=GoranBregovic] –
носитель сербского языка растягивает звук [u:] в словах *too* и *you*, тем самым
акцентируя на них внимание и получая немного времени для формулирования
дальнейшей части высказывания;

- «*Um we were innnnnn Sweden... Germany. Hhhhhhhhholland eer and
tomorrow we are going to play in Istanbul back to somewhat, after Istanbul I think
we're going tooooo...*» [www.youtube.com/watch?v=W1Dtj3F8y7s] – носитель
турецкого языка растягивает согласный звук [n] в слове *in*, согласный звук [h] в
слове *Holland* и гласный звук [u:] в слове *to*;

- «*Soooo I knew they have a tough eeeh a tough matches in front of me buuuuu
with my coach we did it. Today's play it was good Iiiiiiiiiii I was feeling a little bit
insecure in the first eeeh match*» [www.youtube.com/watch?v=aBXk-

n250iY&ab_channel=WorldTaekwondo] – носитель сербского языка растягивает гласные звуки в словах *so, but* и *I*;

«It's a great moment yeah I feel I feel good ehm of course I always try tooooo adapt myyyseelf to what is necessary for the team sooooo of course uh whennnn when a player like...»

[www.youtube.com/watch?v=yz02dWv_shs&ab_channel=FCBayernMünchen] –

носитель немецкого языка растягивает гласный звук [u:] в слове *to*, гласные звуки [ai] и [e] в слове *myself*, и согласный звук [n] в слове *when*; кроме того, здесь есть и лексическая избыточность в виде повтора слова *when*.

- *«but how I see difference is like in heeeerrre issss likhhhe»*
[www.youtube.com/watch?v=p0chZR6nYP8&t=243s&ab_channel=GraspopMetalMeeting] – носитель японского языка растягивает дифтонг [iə] в слове *here*, согласный звук [s] в слове *is* и, добавляя придыхание к звуку [k], растягивает согласный звук [h] в слове *like*.

- *«Theeeen I start training a lot almost spent like 300 320 days like every years focus on snowboarding and uh I met my coach»*
[https://www.youtube.com/watch?v=xjHlk0z7Bb8&ab_channel=VisitBeijing] – носитель китайского языка растягивает звук [e] в слове *then*, чтобы получить немного времени и подобрать слова для оформления высказывания;

- *«Yeah I was born and raised in Montreal through a uh family of immigrants some both my parents don't have any like brother or sister buuuut it's mainly like a household two people yeah»*
[https://www.youtube.com/watch?v=rVRxpBZ4CTk&ab_channel=GalerieFOFAGallery] – носитель вьетнамского языка избыточно растягивает звук [ʌ].

В следующем примере коммуникант А, носитель румынского языка, с помощью растягивания звука [z] в слове *is* даёт понять, что ожидает от коммуниканта В, носителя сербского языка, продолжения диалога с его стороны. В данном случае избыточность играет роль некоего индикатора вопроса, на который требуется соответствующая реакция со стороны собеседника. Растягивая

слово *aaaahhh* коммуникант с более низким УРК обдумывает ответ на заданный вопрос.

B: *Eh yeah I I wasn't very good for this technical school*

A: *I see, sweet. Your favourite pet isssss*

B: *I like dogs but aaaahhh I have a cat it's dog is complicated and cat can survives without me*

[https://www.youtube.com/watch?v=S3IQF0OA8yg&ab_channel=GoranBregovic]

Стоит отметить, что растягивание звуков, в основном, характерно для предлогов, вводных слов, слов-филлеров, означая, что эти слова не несут в себе значимости, но позволяют говорящему лучше сосредоточиться и подобрать или вспомнить нужное слово. Растягивание звуков у остальных частей речи встречается несколько реже.

3. Произношение дополнительных звуков в слове, когда говорящий произносит их в рамках реализации стратегии аккомодации, чтобы слушающему было легче распознать слово, и с произносительной ошибкой говорящего. Например:

- A: *it was the debut of the show*

- B: *sorry?*

- A: *it was the deboot of the show -*

- B: *ah yeah yeah it was a debut of uh of a new uh for new show that we had changed it a bit*

[www.youtube.com/watch?v=qngVyspj7lM&ab_channel=WARPMagazine].

Носитель испанского языка, коммуникант А, во время общения сначала произносит слово *debut* как ['deɪbju:], но затем, из-за непонимания со стороны носителя исландского языка, коммуниканта В, ещё раз повторяет свое высказывание, где уже произносит *debut* как ['deɪbu:t]. В данном случае неправильное с точки зрения нормы английского языка произношение, наоборот, помогает добиться взаимопонимания между участниками коммуникации, что подтверждается последней репликой коммуниканта В.

Однако стоит отметить, что произношение дополнительных звуков может быть также примером непродуктивной избыточности, что показано в следующих примерах:

- «*The mother doesn'teh workseh she eh cookseh she's housewifeh*» [запись разговора] – носитель китайского языка в словах с согласными звуками в конце произносит дополнительный гласный звук, похожий на [ə], в словах *doesn't*, *works*, *cooks* и *housewife*. В речи они под влиянием родного языка коммуниканта звучат, скорее, как [dʌzntə], [wɜːrksə], [kʊksə] и ['haʊswaɪfə], соответственно.

- «*in Japan like moore like specific generation you know*» [www.youtube.com/watch?v=p0chZR6nYP8&t=243s&ab_channel=GraspopMetalMeeting] – носитель японского языка произносит дополнительный гласный звук [e] в слове *specific*, которое звучит скорее, как ['sepə'sɪfɪk], а не [spɜ'sɪfɪk], что, вероятно, связано с трудностью произношения данного слова из-за влияния родного языка говорящего и его особенностей. В частности, это связано с фонологическим строем японского языка, в котором за каждым согласным звуком всегда следует гласный звук в слове, что и повлияло на произношение слова *specific* как ['sepə'sɪfɪk], поскольку был добавлен звук [e] между звуками [s] и [p] [Hatanaka, 2016];

- «*this is a really cool festival and we thought we have to be there*» [www.youtube.com/watch?v=W1Djt3F8y7s] – носитель турецкого языка в слове произносит не долгий гласный звук [ɔ:], а скорее дифтонг [aʊ] в слове *thought*, из-за чего оно звучит как [taʊt], а не как [θɔ:t] (вместо звука [θ] он также произносит звук [t]).

- «*like without cat in one week I would have mountain mices*» [https://www.youtube.com/watch?v=S3IQF0OA8yg&ab_channel=GoranBregovic] – носитель сербского языка добавляет окончание -s, маркер множественного числа в английском языке, к слову *mice*, которое само по себе уже является формой множественного числа слова *mouse*.

Кроме того, родной язык оказывает влияние и на произношение, из-за чего говорящий может произнести больше звуков на иностранном языке, чем

предполагает норма. Такие звуки не помогают сделать высказывание более понятным для слушающего, но говорящему так легче произносить слова и фразы, потому что таким образом он проговаривает их в родном языке, ему так удобнее, и это позволяет сэкономить время и силы.

Хотя произношение дополнительных звуков в слове в основном связано с ошибкой в произношении, в некоторых ситуациях, особенно в коммуникации по модели «неноситель-неноситель», это помогает лучше понять то или иное слово. Таким образом, фонетическая избыточность может быть продуктивной, если используется в рамках аккомодации как стратегии регулирования коммуникативного поведения, но чаще всё же она представляет собой речевую ошибку и является непродуктивной, затрудняя понимание.

3.4.2. Лексическая избыточность

Избыточность в лексике, как уже упоминалось в параграфе 3.3.2, проявляется в виде повторов одинаковых или синонимичных слов, а также в виде дискурсивных слов для заполнения пауз. Проявлением лексической избыточности можно считать и лексические ошибки. Классификация данного вида избыточности в устной речи выглядит следующим образом:

1. Избыточность, связанная с избыточным использованием дискурсивных слов для заполнения пауз хезитации или для связи частей высказывания [Гуренков, 2021]:

- «I mean like how how they wear only like t-shirts and you as well but like it's like t t t ten degree Celsius at night but still they don't wear that much you know stuff so like we're surprised about that»

[www.youtube.com/watch?v=p0chZR6nYP8&t=243s&ab_channel=GraspopMetalMeeting] – носитель японского языка активно пользуется дискурсивными словами и фразами такими как *I mean*, *you know* и, особенно часто, *it's like* и *like*, что делает речь более избыточной и сложной для восприятия, но зато помогает ему закончить мысль. Следовательно, лексическая избыточность в этом случае

является продуктивной со стороны говорящего и непродуктивной со стороны слушателя.

- «*Then we will move to another like another er sorta lection where I will tell you probably about err the documents*» [запись разговора] – носитель русского языка произносит дискурсивные слова *like*, *sorta* и *er*, которые в данном случае делают речь связной и помогают в подборе нужных слов;

- «*So it's something like very close to something Joe lef live experienced, it's more... it's between personal and again something more abstract. It's poetry, we don't care you know hahaha*» [www.youtube.com/watch?v=yjPfNs_KByE&t=457s] – носитель французского языка произносит дискурсивные слова *like* и *you know*, которые делают речь более плавной, а также заполняют паузы, во время которых говорящий подбирает необходимое слово;

- «*Well I... I... I say... I said what I... what I felt in that moment, that I'm here errr you know, to win. Manchester, it's synonymous of "to win things", and I'm not here for... for holidays. So what I say to them and that I see a huge potential in this team, very young players...*» [www.youtube.com/watch?v=-AvTCYYs9t8&ab_channel=SkySportsFootball] – носитель португальского языка произносит дискурсивные слова *well*, *er*, *you know* и *so*, являющиеся избыточными в данном контексте. Здесь также имеет место речевая избыточность в виде самокоррекции (*I say... I said*).

- «*Ummm yeah uh it's uh sometimes, it is, sometimes not. Um I would say you know uh before I I pick up the guitar I will think sometimes I will think that uh okay I have some some uh uh emotion going on and then uh I will change it to some some rhythms or some ideas*» [www.youtube.com/watch?v=LuwK1tM5P-0] – носитель монгольского языка избыточно использует дискурсивные слова *um*, *uh*, *you know*;

- «*uuh well for me it was just ar khm er special because it was my first time playing in Mexico for one thing and I didn't know what to expect and actually the audience there is really fun, um I really like how... alive the audience in mexico is, you know, it's it's very ts yeah it's it's just very um it's very vocal and it's fun*» [www.youtube.com/watch?v=qngVyspj7lM&ab_channel=WARPMagazine] –

носитель исландского языка произносит дискурсивные слова *uh, well, er, khm, you know, ts*;

- «*how do you say academic composers from the twenty... twentieth century would also not be like classical composers right like Steven Reich or maybe umm umm Arvo Part or some of these guys, well they also make their... their interest on their album covers and they also like perform live right*»
[www.youtube.com/watch?v=qngVyspj7lM&ab_channel=WARPMagazine] –

носитель испанского языка произносит дискурсивные слова *like, right, maybe* и *um*;

- «*I have a cat and also I have a house that needs cat because I'm em em em in love of nature*»
[https://www.youtube.com/watch?v=S3IQF0OA8yg&ab_channel=GoranBregovic] –

носитель сербского языка несколько раз повторяет дискурсивное слово *em*.

- «*Like every years focus on snowboarding and uh I met my coach. Then we start training together and we are kinda like hard like workers*»
[https://www.youtube.com/watch?v=xjHlk0z7Bb8&ab_channel=VisitBeijing] –

носитель китайского языка повторяет дискурсивное слово *like*.

- «*Uh yeah maybe sleep first, then no match and uh after sleep I need to find em the good food*»
[https://www.youtube.com/watch?v=aWdf2SQ3h_k&ab_channel=CKYew] – носитель тайского языка в речи использует дискурсивный филлер *uh*.

Дискурсивные слова указывают на паузу, заминку в речи и связаны в основном с поиском и подбором правильного слова для лучшего выражения мысли. В то же время данный вид лексической избыточности не является исключительно явлением межкультурной коммуникации. Такого рода примеры избыточности характерны и для речи носителя языка. В параграфе 1.2.2 говорилось о том, что употребление дискурсивных слов для заполнения хезитационных пауз, в том числе, избыточное, связано с когнитивной спецификой процесса порождения речи на естественном языке.

2. Избыточное использование повторяющихся слов, вызванное дискомфортом от использования иностранного языка:

- «As as for the historical and mythological sides yo you know we we were taught a history and a norse mythology» [www.youtube.com/watch?v=_drLoLpaBII] – носитель фарерского языка дважды повторяет *as*, *you* и *we*, пытаясь их проговорить чётче и увереннее;

- «And you can feel... you can feel it and eer this is something I... I... I just don't understand, you know. I'm not... I'm trying don't to judge it» [https://www.youtube.com/watch?v=_drLoLpaBII] – в данном случае говорящий, носитель польского языка, также повторяет *you can feel*, *I* и *I'm*, поскольку это помогает ему справиться с напряжённостью, вызванной коммуникацией на иностранном языке, и подобрать нужные слова;

- «yeah you said me about the packing. Not about er... not to me eerrr you said that guy who was sitting on that day. I... No... when you were speaking and etc. to another... another guy...» [запись разговора] – носитель языка малайялам дважды повторяет *not... not* и *another...another*, пытаясь сформулировать мысль. Кроме того, он использует несколько слов: *I*, *no*, *when*, пытаясь начать высказывание, что свидетельствует о дискомфорте от общения на английском языке;

- «you know it's er... it's always er... it's always great to er...to represent your country in World Championship» [www.youtube.com/watch?v=Ykly3VaY00w] – носитель русского языка три раза начинает предложение с *it's*, подбирая нужные слова, а также повторяет *to*, чтобы продолжить высказывание;

- «uum so I'm... I'm interested in what he read, you know, I'm interested in what... uh what uh Richard Ford write, I'm interested in what Jonathan Franzen write when... when a new book comes out or becomes accessible in whatever form, I get it and I read, same thing with Quentin, you know, if... if uh Quentinnnnnn aaa and lucky... lucky for me, w... w... we have a friendship, so... so... we meet occasionally» [www.youtube.com/watch?v=IOULv4IfTdA] – носитель немецкого языка несколько раз повторяет слова для того, чтобы потянуть время и лучше сформулировать свою мысль. Это проявляется в повторе *I'm*, *what*, *when*, *if*, *lucky* и *so*. Кроме того, трудность представляет произношение слова *we*, которое ему удаётся правильно произнести только с третьего раза;

- «*yeah sure I think in middle camp it was same kind of thing like here we didn't know that eh do we have fans in Slovenia*» [www.youtube.com/watch?v=O3YPv8bEfg8&t=313s&ab_channel=RichardMetalFan]

– носитель финского языка испытывает трудности с произношением *didn't*.

- «*I saw one very beautiful documentary about about Myke Tyson if you haven't seen go and see it it's it's called undipused undisputable truth Mike Tyson it's veeeery beautiful*» [<https://youtu.be/pu5JU3D0cy8?si=Bg51cNqVVGvHqGPD>] – говорящему, являющемуся носителем сербского языка, только со второго раза удаётся произнести слово *undisputable* в результате самокоррекции.

- «*And eh until like I think fif fourteen fifteen I decide to be this pro snowboarder and have a dream for Olympic games*» [https://www.youtube.com/watch?v=xjHlk0z7Bb8&ab_channel=VisitBeijing] –

носитель китайского языка путается в английских числительных, из-за чего изначально планирует сказать *fifteen*, начиная произносить *fif*, но затем исправляется и говорит *fourteen*.

Использование повторяющихся слов, как и в случае с дискурсивными словами, также позволяет сосредоточиться на подборе слов и лучше обдумать дальнейшее высказывание в процессе коммуникации.

3. Избыточные повторы одних и тех же или схожих по значению слов для придания значимости сказанному, которые проиллюстрируем следующими примерами:

- «*I am very proud I am very proud. Today I saw one eh one text in the newspaper...*»

[www.youtube.com/watch?v=W54xGgo9Mfc&ab_channel=EurovisionSongContest] – носитель сербского языка дважды повторяет *I am very proud*, подчёркивая гордость по поводу того, о чём он будет дальше рассказывать;

- «*yes because eh I always training fighting a lot eh fighting training kicking but sometimes I you know what I like slow song*» [www.youtube.com/watch?v=gyWhUSVKbHU&ab_channel=TheVideo-High-Society]

– здесь говорящий, носитель китайского языка, также использует повторы слов

training и *fighting*, что даёт ему немного времени на обдумывание дальнейшего высказывания;

- «*that but um keeping it easy, respecting other people, respecting more distance um taking it... taking it easy in the end*» [www.youtube.com/watch?v=mPPPCtvBcaw] – носитель финского языка дважды повторяет слово *respecting*, хотя он мог бы сказать *respecting other people and more distance*. Однако говорящему было удобнее сформулировать мысль в таком виде;

- «*I think this is the biggest achievement for Vader, you know, this is the biggest success. We do not need anything, we do not need Rolls-royce and a garage so things like that...*» [www.youtube.com/watch?v=L1ziamDkb-w] – носитель польского языка повторяет дважды схожие по смыслу фразы – *the biggest achievement* и *the biggest success*, а также два раза говорит *we do not need*. В данном случае такие повторы помогают выделить определённую мысль, придать ей особую значимость;

- «*and those were like I said my mother's cassettes and and then my brother my big brother started listening to heavy metal and and my cousins also...*» [www.youtube.com/watch?v=_drLoLpaBII&ab_channel=SerpentTongue94] – носитель фарерского языка два раза повторяет *my brother*, однако во втором случае он добавляет слово *big* и уточняет, что речь идет о старшем брате;

- «*For singer vocal range is not most important thing, it's just like er good bonus, you know, most important thing is you are singing from your heart uh uh most important thing you are feeling when you are singing and the vocal design uh and uh your idea musical ideas it's much most important things*» [www.youtube.com/watch?v=rTKeSg-Axts&t=119s] – носитель казахского языка несколько раз повторяет фразу *most important things*, поскольку, повторяя данную фразу, он легче начинает новую мысль и лучше подбирает слова. Он дважды повторяет слово *idea*, но во втором случае он делает уточнение, подразумевая, что речь идет о музыкальных идеях.

- «*because they're there because the ball player you have to try it already and keep keep to focus about the mentality, about the minfdset in the game and and eh I don't think too much because the if I think too much have the pressure in the game*» [https://www.youtube.com/watch?v=aWdf2SQ3h_k&ab_channel=CKYew] – носитель

тайского языка делает акцент на слове *keep*, повторяя его дважды, и на фразе *think too much*, также повторяя ее в высказывании.

- «*that's why I'm so uh that's why I went into photography cuz I couldn't sort of stand just like sitting home and studying a book for hours and hours*» [https://www.youtube.com/watch?v=rVRxpBZ4CTk&ab_channel=GalerieFOFAGallery] – носитель вьетнамского языка дважды повторяет слово *hours*, подчеркивая тем самым длительность действия, которое он совершал на протяжении определённого промежутка времени.

В следующем диалоге коммуникант В, носитель сербского языка, отвечает собеседнику – коммуниканту А, который является носителем румынского языка, – повторяя несколько раз слово *cat*, уточняя, что речь идёт не об обычном коте, а о каком-то конкретном, с определённой характеристикой.

- A: *Ah a mountain of mice yeah*

- B: *So I have a cat working cat not just a cat* [https://www.youtube.com/watch?v=S3IQF0OA8yg&ab_channel=GoranBregovic]

Данная избыточность в большей степени направлена на усиление значения слов, поскольку из-за нехватки знания лексики английского языка, говорящий начинает повторять их. Кроме того, повтор одних и тех же слов в разных частях предложения помогает легче сформулировать высказывание и определить его границы. Наконец, через повтор слов говорящий уточняет, что конкретно он имеет в виду, произнося то или иное слово.

4. Использование слов из другого языка при условии хотя бы частичного его знания собеседником:

- *Also one more thing eeh još jedna stvar at one point you said hvala lipa instead of hvala lijepa eeh but hvala lipa is an accent used in Dalmatia eehh so it's you know it's very funny* [запись разговора] – в данном примере носитель хорватского языка дублирует фразу *one more thing* хорватским аналогом *još jedna stvar*. В этом примере с лингвокультурологической точки зрения дается интересное пояснение. Неноситель хорватского языка неправильно произнес слово *lijepa*, и это неправильное произношение совпало с другим, менее

употребительным словом, что создало комический эффект для носителей хорватского языка.

В следующем примере носители польского языка, общаясь на английском языке во время онлайн-встречи, обращаются к словам родного языка в ситуациях, когда испытывают трудность в общении на иностранном языке, что для их слушателей воспринимается как избыточность.

A: *Hi how did you two meet and what made you to from a band? Przyznam się że ja nie zrozumiałem tego pytania.*

B: *No jak sie spotkaliśmy i jak to się stało że stro złożyliśmy zespół?*

A: *I właśnie to teraz odpowiedz po angielsku.*

B: *That's a long story and especially in English hahaha eh but we met long long time ago, twenty years? More than twenty years twenty twenty one years ago. And Mikola's sister eh invited me toooo their house and weee eh meeh to join their band and eeh we had our first rehearsal [www.youtube.com/watch?v=EGRhG7WVZgw]*

Подобный вид речевой избыточности проявляется в тех ситуациях, когда все участники коммуникации имеют по крайней мере минимальное знание языка, слова и фразы из которого используются в общении. За счёт использования слов с эквивалентным значением из другого языка также возможно добиться взаимопонимания между коммуникантами.

Во время интервью носитель английского языка, коммуникант А, подходит к одному из членов музыкальной группы из Сербии и задает вопрос, который непонятен неносителю языка, коммуниканту В с низким УРК в области английского языка. Коммуникант С, носитель сербского языка, переводит вопрос на сербский язык для своего коллеги, после чего коммуникант В отвечает на него по-английски.

- A: *Okay I'm conscious this guy next to me is very quiet he stands he just and you're hidden away in the corner I'm gonna come to you so an' how's things been for you so far?*

- B: *yes we eh its eh*

- C: *kako vama je do sada ...*

- B: *its very very nice very good i and now is eh peace*
[<https://www.youtube.com/watch?v=w3FBpPntT2s>].

В данном случае сложно говорить об избыточном для всех коммуникантов повторе вопроса в переводе на родной язык коммуниканта, поскольку носитель английского языка, очевидно, не понимает по-сербски, а коммуникант В не понимает этот вопрос по-английски. Однако это будет примером речевой избыточности для той аудитории, которая знает и английский, и сербский языки.

5. Избыточное использование служебных слов в грамматических конструкциях, обусловленное ошибками:

- «*I just don't understand, you know. I'm not... I'm trying don't to judge it*»
[www.youtube.com/watch?v=L1ziamDkb-w] – у говорящего, носителя польского языка, избыточность проявляется в ошибочном использовании вспомогательного глагола *do* с отрицательной частицей *not*, когда нужно было использовать просто частицу *not*.

Такая избыточность не влияет на информативность высказывания и является непродуктивной, но позволяет говорящему выразить мысль при наличии трудностей в использовании неродного языка.

Как и в письменной речи, в устной речи возможно использование слов из других языков, что также способствует успешной коммуникации. Однако в данном случае участники коммуникации могут полагаться только на собственное знание языков, без возможности проверки значения этих слов в словарях и онлайн-переводчиках.

3.4.3. Синтаксическая избыточность

Наконец, избыточность синтаксическая подразумевает использование повторяющихся предложений с разным лексическим составом для выражения какой-то одной мысли [Гуренков, 2021]. Можно выделить два проявления такой избыточности:

1. Повторяющиеся повествовательные предложения, каждое из которых несет в себе один и тот же смысл и обладает схожей лексикой:

- «But for the finns, for the awkward finns this is kinda like even better that you don't need to be socially so interacting. So close to each other anyway. So it's more confident to be like from a longer distance you know» [www.youtube.com/watch?v=mPPPCtvBcaw] – избыточность представлена в виде нескольких предложений, в которых говорящий, носитель финского языка, описывает закрытый менталитет финнов, выражая эту мысль в нескольких предложениях;

- «Uh I always um start with the guitar and uh I will uh start a hit record button and then I just jamming uh with myself uh with my brain and then uh something will come uh um and uh I just pick uh some of the uh great leaks, and I will put it together like you know uh one after one and uh uh I and then that's where uh the uh sound's gonna build up. Ummm yeah uh it's uh sometimes, it is, sometimes not. Um I would say you know uh before I I pick up the guitar I will think sometimes I will think that uh okay I have some some uh uh emotion going on and then uh I will change it to some some rhythms or some ideas and then I will start from there, and pick up the guitar and it will translate on the guitar» [www.youtube.com/watch?v=LuwK1tM5P-0] – носитель монгольского языка в нескольких предложениях описывает подход к созданию музыки. Фактически, данное высказывание можно разделить на две части: вторая часть монолога начинается с предложения *Ummm yeah uh it's uh sometimes, it is, sometimes not*, после которой он снова рассказывает о процессе создания музыки, добавляя уточняющие слова и фразы, но в общем повторяя ту же мысль.

В диалоге ниже, построенном по модели «носитель-неноситель», носитель английского языка, коммуникант А, общается с носителем греческого языка, коммуникантом В, у которого он спрашивает мнение о футбольном клубе «Арсенал». Коммуникант В в нескольких высказываниях повторяет мысль о высоком статусе клуба в премьер-лиге. Кроме того, он дважды повторяет в диалоге предложение о том, что он счастлив быть в этом клубе:

- А: *Sokratis, welcome to Arsenal. How does it feel to be an Arsenal player?*

- В: *I feel very good, it's my first day here. Everything is special, beautiful moments and eer I'm very happy that eer I will be for the next year here*

- A: *What appeals to most about Arsenal and what are your memories of Arsenal over the years?*

- B: *Arsenal is one of the three biggest teams in Premier League. And eerr one very big club, has a lot of fans, er very big history and eeeh what I said before I'm very happy that for the next year I will be here, so I will be here too help the team* [www.youtube.com/watch?v=zEQQ6x8mOo0&ab_channel=Arsenal]

В следующем примере (модель «неноситель-неноситель») носитель немецкого языка, коммуникант А, задаёт на английском языке вопрос о влиянии современных технологий на общество носителю французского языка, коммуниканту В. Коммуникант В в нескольких предложениях повторяет мысль о негативном влиянии современных технологий на жизнь и о балансе между технологиями и реальной жизнью: *We just try to find a good balance; so we just try to find the right balance.*

- A: *I mean you have another song which is called "the Cell" and it's about the impact of technology and society. How important technology is for you?*

- B: *We just try to find a good balance, we don't want to sounds like eer... I mean the new generation is walking with technology and we use a technology as well but we just try to don't go too crazy and just rely that it's important to leave the moment present and it's true that The Cell Joe and I we are super obsessed by the technology and the way we are going too far with it you know. The iPhones, the way eeeeer we tweet, we are becoming just like crazy, totally crazy. So we we constantly talk about it but in the same time we do the same. <...>, so we just try to find the right balance and be conscience about this, the craziness of the new technology, we know it's a good things, we know, it's a bad things but The Cell is like we were angry at this time on* [https://www.youtube.com/watch?v=yjPfNs_KByE&t=457s].

Носитель сербского языка, коммуникант В, в ответ на вопрос от коммуниканта А, носителя русского языка (модель «неноситель-неноситель»), дважды повторяет одну и ту же мысль, которая выражается фразами *life is short, you don't waste your time.*

- A: *Eh is there any recipe or plan how should we behave when wars are going around or **do do** have to make anything special in our everyday life?*

- B: «*Well if you if you to certain age you don't understand that life is short and then in certain age you understand that and eh then you don't wanna waste your time you don't waste your time once you understand that life is short so try to pick up every good moment* [<https://youtu.be/pu5JU3D0cy8?si=Bg51cNqVVGvHqGPD>].

Ещё один пример коммуникации по модели «носитель-неноситель» представляет собой диалог между носителем английского языка, коммуникантом А, и носителем тайского языка, коммуникантом В. Коммуникант А спрашивает у собеседника о его дальнейшей деятельности. В своём ответе коммуникант В проговаривает предложения *Ah I need the Ireland first because the next year I have the Ireland first and then Paris Olympic games right nex next year right* и *Olympic games I need to get er Ireland first and then come to Ol Olympics*, которые содержат в себе одну и ту же мысль и практически не отличаются по лексическому составу.

- A: *what's the next target?*

- B: *Ah I need the Ireland first because the next year I have the Ireland first and then Paris Olympic games right nex next year right?*

- A: *ahaha*

- B: *Olympic games I need to get er Ireland first and then come to Ol Olympics.*

- A: *Olympics ok. So in the second set uh sixteen all when the when you guys when you went to change the shuttle you were smiling and then at the end of the second set you were also smiling when you changed set* [https://www.youtube.com/watch?v=aWdf2SQ3h_k&ab_channel=CKYew]

Следующий пример – это диалог между носителем языка, коммуникантом А, и носителем вьетнамского языка, коммуникантом В (модель «носитель-неноситель»). Коммуникант А задаёт вопрос о том, что послужило мотивацией для собеседника начать обучение на фотографа. В ответ на этот вопрос коммуникант В рассказывает о своём детстве, во время которого он был необщительным ребёнком и всё время учился, из-за чего он чувствовал одиночество, и занятие фотографией помогло ему справиться с этим и начать жить. На протяжении всего высказывания он несколько раз повторяет свои мысли, как, например, во фразах *that I was like a really closeted kid when I was growing up* и *you know like a typical like very closeted child* или в фразах *um there*

was a point in my life where I was a machine or just studying and playing video games and I couldn't sort of stand just like sitting home and studying a book for hours and hours.

- A: so why did you decide to eh do this program in photography at concordia? Like what made you want to... what motivated you?

- B: Let's just say that I was like a really closeted kid when I was growing up um there was a point in my life where I was a machine or just studying and playing video games you know like a typical like very closeted child where like I couldn't like barely hang out outside so um so there was thus need of like not just going out but meet other people I felt like a lot of like loneliness in my life so um photography what was so attracting about this media is um not only allowed me to like just simply go out but um what was so attracting is I was in sort of relationship with the notion of time realizing that everything is constantly moving and growing around me, so I was um very attracted by that the fact that I was constantly in the moving world that's why I'm so uh that's why I went into photography cuz I couldn't sort of stand just like sitting home and studying a book for hours and hours I felt like there was sort of a world I that I haven't like really discovered yet, so
[https://www.youtube.com/watch?v=rVRxpBZ4CTk&ab_channel=GalerieFOFAGallery].

Приведём ещё один пример коммуникации по модели «носитель-неноситель», в которой участвуют коммуникант А, носитель английского языка, и коммуникант В, носитель китайского языка. В данном случае коммуникант А просит собеседника подробнее рассказать о том, почему он начал заниматься сноубордом. Он выражает свою просьбу в предложении *I'd like to I'd like for you to share with everybody a little bit of insights into your athletic training, in what it takes to be an Olympic an Olympian you know like yourself*, но затем он также даёт уточнение к своей просьбе в виде предложения *I mean I'm sure you're having a lot of time on the snowboard you know obviously training on the mountains but probably a lot of time in the gym*. Наконец, он снова повторяет свою просьбу, но уже в более краткой форме в виде предложения *Take us through you know what it takes to be an Olympian*. Тем самым, он помогает коммуниканту В лучше понять, о чём именно

он просит, позволяя тем самым избежать недопонимания с его стороны, что и приводит к соответствующей ответной реакции.

- A: *I'd like to I'd like for you to share with everybody a little bit of insights into your athletic training, in what it takes to be an Olympic an Olympian you know like yourself. I mean I'm sure you're having a lot of time on the snowboard you know obviously training on the mountains but probably a lot of time in the gym. Take us through you know what it takes to be an Olympian*

- B: *Eeeem to win the world cups last week it feels really incredible for meeee it feels like dream come to true but actually this is my first time make it to final at the World Cup and then so happy I can win. Still like cannot believe until right now I will start riding when I was four years old because my parents are like snowboarding. So when I was young nobody take care about me, so they take me to the mountain, I start riding* *snowboard...*

[https://www.youtube.com/watch?v=rVRxpBZ4CTk&ab_channel=GalerieFOFAGallery].

Синтаксическая избыточность помогает говорящему с высоким УРК уточнить свою мысль, более подробно её раскрыть, чтобы избежать недопонимания со стороны слушателя. Кроме того, говорящий, словарный запас которого может быть ограничен, может использовать описательные конструкции для обозначения тех явлений и объектов, названия которых на иностранном языке он не знает. Это может помочь слушающему, словарный запас которого также может быть ограничен.

2) Повторяющиеся вопросительные предложения, которые несут похожий смысл и содержат подобную лексику, часто представляя собой перифразы с уточнением определённых позиций:

- «*You have a new studio which is in New York. Why New York? What's so special about New York?*» [https://www.youtube.com/watch?v=yjPfNs_KByE&t=457s] – носитель немецкого языка дважды повторяет вопрос о том, почему новая студия находится именно в Нью-Йорке.

В следующем примере носитель английского языка, коммуникант А, общается с носителем португальского языка, коммуникантом В. Он два раза

задает ему вопрос о том, что именно коммуникант В сказал своим коллегам из новой команды:

- A: *Now all new players have to sing an initiation song when they join a club. I'm told you ducked out of that, you said "No no I did that when I first joined" and you did a speech indeed instead. What... what was in your speech? What were you saying to your new team mates?* [www.youtube.com/watch?v=AvTCYYs9t8&ab_channel=SkySportsFootball].

Носитель нидерландского языка, коммуникант А, берет интервью у носителя японского языка, коммуниканта В, которому дважды, но по-разному задаёт вопрос о влиянии музыки на жизнь коммуниканта В:

- A: *Now through all the years and and the touring em how much has you life changed? How much has has music changed your life?*

- B: *eeeeeeh it's actually you know like our first UK tour like our first tour outside of Japan tow thousand thirteen, twelve? Yeah twelve, in the UK and after that like actually agreed we've time you know have enough time to think about it you know like always like touring and eh making a music and but you know that's all life...*[www.youtube.com/watch?v=6K9iVrenKsg&t=316s&ab_channel=MetalInjectio].

В другом примере коммуникант А, носитель русского языка, задаёт коммуниканту В, носителю сербского языка, специальный вопрос *what kind of optimism you express today?*, который затем уточняет его альтернативным *вопросом Is it like a dramatic optimism uh when the you know war is everywhere and we have many difficult situation or it's still a glory of life and optimistic optimism?*, тем самым помогая собеседнику лучше понять вопрос и подготовить более точный и развёрнутый ответ, что и происходит в рамках данного диалога. В ответе имеет место также фонетическая избыточность в виде увеличения долготы произнесения звуков:

- A: *what kind of optimism you express today? Is it like a dramatic optimism uh when the you know war is everywhere and we have many difficult situation or it's still a glory of life and optimistic optimism? How should...?*

- B: *You know if you if you count that eh that politics will solve your problems you are wrong you have to invite your own communism if you want to have something*

from your life because political renew your internal political renew internally then you go outside you external politics so you just don't take seriously all live aaaaand probably also because I'm from Sarajevo so I already have the worst experience soooo eeeh probably I I have vaccine from that war so the next war can come I can still be in good mood [<https://youtu.be/pu5JU3D0cy8?si=Bg51cNqVVGvHqGPD>].

Повтор вопросительных предложений в основном направлен на то, чтобы слушающий лучше понял вопрос и смог предоставить именно тот ответ, который нужен говорящему. Кроме того, говорящий таким способом делает свои вопросы более конкретными. В данном случае, при относительно равном УРК неносителей, синтаксическая избыточность является продуктивной и отражает общие когнитивные процессы, сопровождающие генерацию речи. Говорящие применяют здесь коммуникативную стратегию кооперации.

Наконец, синтаксическая избыточность позволяет с помощью нескольких синтаксических конструкций описать определённые явления или объекты, а также более подробно раскрыть ту или иную мысль, сделать ее более понятной для адресата. При повторе вопросительных предложений, уточняющих или имеющих общий смысл с несколько отличным словарным составом, говорящий может удостовериться в том, что слушающий лучше понял суть вопроса, поскольку из-за ограниченного словарного запаса ему было бы гораздо тяжелее понять говорящего, если бы он задал только один вопрос.

Однако, если в письменной речи коммуниканты могут использовать несколько языков для облегчения коммуникации, пользуясь для этого соответствующими платформами, то в устной речи это маловероятно. Для этого необходимо, чтобы все участники коммуникации, кроме основного языка общения, владели ещё какими-нибудь языками, с помощью которых они могут помогать друг другу в общении. Если с повтором отдельных слов на разных языках это ещё представляется возможным, то с повтором целых предложений – уже менее вероятно. Поэтому в устной коммуникации подобные ситуации достаточно редки. Отметим, что необязательно знать родной язык собеседника для успешной коммуникации, но всё-таки стоит запомнить несколько слов, чтобы ими, например, дублировать профессиональные термины на основном языке

общения, если они вдруг окажутся непонятными собеседнику. Такая продуктивная избыточность только положительно скажется на процессе коммуникации.

Подводя итог, отметим, что в устной речи речевая избыточность является эффективным инструментом реализации стратегии коммуникации, который облегчает процесс общения и говорящему, и слушающему, в независимости от уровня владения языком общения. Она направлена не только на повтор информации, но и на её уточнение и подчеркивание важных моментов высказывания, что проявляется в виде повышения и усиления голоса, повторе слов и фраз. Кроме того, в отдельных ситуациях избыточность помогает лучше сконцентрироваться на формулировании высказывания, на подборе нужных слов, помогая экономить умственную энергию. Связано это с тем, что устное общение представляется более трудным, так как оно более хаотично и требует быстрой реакции говорящего и слушающего, что особенно проблематично для неносителей языка, которые не сталкиваются с иностранным языком повседневно. В большинстве случаев использование речевой избыточности на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях способствует успешной коммуникации.

В отличие от письменной речи, устная речь обычно является менее подготовленной – говорящий не планирует её заранее, не производит отбор языковых средств. Устная речь разворачивается в момент говорения и слушания и существует одновременно с её восприятием, что усложняет процесс общения для коммуникантов в условиях межкультурной коммуникации.

В устной речи на первый план выходит фонетический аспект, влияющий на процесс межкультурной коммуникации. Избыточность в условиях устной межкультурной коммуникации, в первую очередь, позволяет подчеркнуть значимость отдельных слов и фраз, что упрощает восприятие речи со стороны слушателя. Говорящий может менять интонационный рисунок или же накладывать интонационные паттерны родного языка на иностранный язык, что может усложнить понимание высказывания. С другой стороны, с помощью интонации возможно выделять наиболее важные части высказывания, что в свою

очередь упрощает понимание, поскольку слушающему таким образом гораздо проще в речевом потоке вычленить нужные элементы.

Обобщенно классификация речевой избыточности в различных формах коммуникации представлена в Приложении 2.

Для достижения целей межкультурной коммуникации по модели «носитель-неноситель» участники могут использовать различные инструменты, представленные на схеме 1.

Схема 1. Инструменты, применяемые носителем и неносителем языка в позициях говорящего и слушающего

В межкультурной коммуникации по модели «неноситель-неноситель» важную роль играет уровень речевой компетенции при общении на английском языке. Неноситель с более высоким УРК может применять более разнообразные инструменты коммуникации, в некотором отношении сопоставимые с теми, которые используют носители языка (схема 2).

Схема 2. Инструменты, применяемые носителями языка в позициях говорящего и слушающего в модели «носитель-носитель»

3.5. Сопоставление продуктивной и непродуктивной речевой избыточности с речевой ошибкой в межкультурной коммуникации

В п. 1.3 был затронут вопрос о соотношении речевой ошибки и речевой избыточности, которые имеют много общего между собой, особенно в межкультурной коммуникации. Представляется, что целесообразно подойти к разграничению этих феноменов с позиций продуктивной и непродуктивной избыточности.

Рассмотрим в качестве примера диалог на английском языке между носителем русского языка с более высоким УРК (коммуникант А), и китайского языка с низким УРК (коммуникант В). Коммуникант А задаёт вопрос о том, что собирается делать его собеседник в декабре. Коммуникант В сообщает, что поедет в Россию. Коммуникант А не совсем понимает ответ на этот вопрос, поэтому уточняет ещё раз *You are in Russia. Why? You are in Russia, why are you going to go to Russia?*, повторяя дважды *You are in Russia* и задавая вопросы *Why?* и *why are you going to go to Russia?*. Коммуникант В не совсем понимает вопрос, поэтому Коммуникант А уточняет ещё раз, повторяя *You are now in Russia* и *Why are you going to go to Russia when you are in Russia, right now?*. Такое уточнение помогает, и коммуникант В отвечает на вопрос, хоть и с помощью слов на русском языке.

- A: *Okay, and you? What are you going to do in December?*

- B: *In December I am going go to eh Russia*

- A: *You are in Russia. Why? You are in Russia, why are you going to go to Russia?*

- B: *Eeeh why?*

- A: *Why? You are now in Russia. Why are you going to go to Russia when you are in Russia, right now?*

-B: *Maybe I eh путешествоваю в другой город Russian* [запись разговора].

В данном случае избыточность в речи коммуниканта А является продуктивной, поскольку она направлена на то, чтобы коммуникант В с более низким УРК мог лучше понять заданный ему вопрос. При этом мы не обнаруживаем здесь ошибки в речи коммуниканта А. Речь хоть и избыточна, но не нарушает правил английского языка. Избыточные элементы помогают говорящему спланировать речевую перспективу, то есть попробовать подобрать более подходящую речевую стратегию, которая позволит ему более точно сформулировать мысль.

В то же время в речи коммуниканта В присутствуют заполненные паузы в виде *eh*, которые представляют собой избыточный элемент в речи, при этом не

нося в себе дополнительной информации. Более того, с точки зрения стилистики и благозвучия такие паузы неприемлемы и являются ошибочными.

Также коммуникант В неправильно проговаривает форму 1 лица единственного числа глагола *путешествовать*, произнося *путешествоваю*, добавляя *ова* на месте звука *у*, вместо правильной формы *путешествую*. Такая форма не только ошибочна – она также избыточна, что в данном случае снова сближает оба понятия – речевую ошибку и речевую избыточность. Непродуктивная избыточность представляет собой такие элементы высказывания, которые не делают его более информативным и не несут в себе дополнительной информации.

В следующем примере происходит коммуникация на английском языке между коммуникантом А, носителем русского языка с высоким УРК, и коммуникантом В, носителем польского языка с низким УРК. Коммуникант А не понимает высказывание *I was reading this book for day yesterday*, в связи с чем уточняет у собеседника, что имелось в виду, с помощью *sorry?* и *you were reading the books?*. Коммуникант В исправляется и вместе *for day yesterday* говорит более корректную фразу *all day yesterday*. Коммуникант А повторяет её, подтверждая понимание высказывания. Затем коммуникант В снова повторяет «*all day yesterday*», чтобы сделать мысль более связной и продолжать высказывание. В дальнейшем ошибки коммуникантов не препятствуют пониманию.

- В: *em I was reading this book for day yesterday*

- А: *sorry? you were reading the books?*

- В: *all day yesterday*

- А: *uhu all day yesterday*

- В: *all day yesterday eh and eh I had eh read em about eight hundred pages of this book yesterday*

- А: *uhu*

- В: *and I I've one thousand five hundred pages of this book already eh all the time*

- А: *uhu*

- В: *Eh I am not going to stop reading this book haha* [запись разговора].

В речи коммуниканта В обнаруживается несколько пауз хезитации в виде *eh* и *em*, которые делают речь более избыточной. В высказывании *all day yesterday eh and eh I had eh read em about eight hundred pages of this book yesterday* он дважды повторяет *yesterday*, что является ошибкой. Кроме того, такой повтор является примером речевой избыточности.

В этом же высказывании видится необоснованным использование видовременной формы *Past Perfect*, поскольку в контексте не подчеркивается, что данное действие предшествовало другому действию в прошлом. Поэтому употребление вспомогательного глагола *had* также представляет собой ошибку. В то же время данное слово можно считать избыточным, поскольку оно не несёт никакого дополнительного смысла или информации в данном высказывании.

В предложении *and I I've one thousand five hundred pages of this book already eh all the time* коммуникант В дважды повторяет *I* с целью обдумать дальнейшее высказывание. Такой повтор является избыточным, но не ошибочным. В конце коммуникант В добавляет фразу *all the time*, которая по смыслу не подходит данному высказыванию и является ошибочной, и в то же время она избыточна, поскольку не несёт в себе дополнительной информативности, всего лишь занимая место в речевом отрезке.

Еще в одном примере коммуникации в форме интервью (модель «носитель-неноситель» участвуют носитель нигерийского варианта английского языка, коммуникант А, и носитель арабского языка, коммуникант В. В речи неносителя языка коммуниканта В обнаруживается затягивание звуков в словах *dream* и *because*, повторы звуков *um*, *eh*, *em*, *uh*, самокоррекции *tha the*, *kno know*, *language of my of my language*, повторы отдельных слов и выражений *this is*, *I'm*, *Africa*, *I*, *my*, *not like*, *an*, *I have*, *one song*, дискурсивное слово *like*. Все эти примеры относятся к непродуктивной избыточности и отражают процесс, в котором говорящий пытается подобрать нужное слово для выражения своих мыслей и продумать дальнейшее высказывание на языке, который для него не является родным и общение на котором вызывает у него определённые трудности.

Повторы слов коммуникантов В можно отнести к речевым ошибкам. В то же время в речи носителя языка коммуниканта А тоже есть повторы слов и предложений, однако они не являются речевыми ошибками и нацелены на усиление значения *you really really like* и на поддержание коммуникации с интервьюируемым путем уточнения содержания его высказывания *the best singer in Africa*. Кроме того, это уточнение выполняет и еще одну важную функцию – делает интервью более понятным для аудитории.

- A: *okay now you hope for one which one out of all the nominations, would you really really like yeah?*

- B: *the first singer Africe this*

- A: *the best singer in Africa*

- B: *this is eh this is my dreeaam becaussse em I'm I'm very proud because Im Egyptian and an African also at the same time and that African tha the music I think the music from Africa its eh like its more from a Africa Africa its like eh the mother of the the music of the world but when I I sing that uh uh uh an an and African people kno know my song know my my my my music its dream for me its eh not like not like middle east its different middle east um uh uh uh language of my of my language is eh everybody knows my language in middle east*

- A: *a a are you performing tonight?*

- B: *I think so yeah yeah yeah I have I have one song one song very I have per performance* [<https://www.youtube.com/watch?v=cBCan5FrU28>].

В диалоге между интервьюером, носителем английского языка, коммуникантом А, и носителем турецкого языка, коммуникантом В, присутствует как продуктивная речевая избыточность, в виде повторов слов *medieval* и *simulator*, направленных то, чтобы подчеркнуть характеристики компьютерной игры *medieval simulator* (симулятор Средневековья), так и непродуктивная избыточность, в одном из случаев представляющих собой грамматическую ошибку. Речь идет о некорректном использовании суффикса *-ing* у глагола *go*, который расположен после модального глагола *can*. Такая ошибка также является примером избыточности.

- A: *And so for the people that don't really know what is Mount and Blade?*

- B: *it's aaa bland of action RPG and strategy eh genres and um so its like its a a game where you can going and kind of s have a career as a medieval warlord or uh uh warlady whatever*

- A: *yeah so would you call it maybe eh a medieval uh kind of battle simulator or something?*

- B: *yeah medieval battle simulator medieval carrier simulator or like medieval um medieval life simulator I don't know a mix of all this maybe* [<https://www.youtube.com/watch?v=K7W1ODySWKw&t=143s>].

В следующем примере участвуют носители испанского языка, коммуниканты А и В, у которых берёт интервью носитель английского языка, коммуникант С. В речи коммуникантов-неносителей обнаруживается большое количество пауз хезитации, например, вокализация в виде *eh*, повторы *rock really rock, rock, they they u dp.*, а также повтор слова *antes* на испанском языке – родном для коммуникантов А и В, – для того, чтобы самим вспомнить эквивалент этого слова английском языке, а также обратиться к своим собеседникам за помощью.

- A: *How do you say antes antes antes*

- B: *before*

- A: *before before Caifanes eeeh for theeee rockers it was like a shame to hear Cumbia right?*

- C: *exactly*

- A: *so our generation is stands to to say no it's okay to hear cumbia and it's okay to hear eh eh traditional music and this is rock really rock, rock is not is not a form is that it is a concept and and an attitude* [<https://www.youtube.com/watch?v=ohrxL91ATKk&t=434s>].

Также стоит обратить внимание на фразу *this is rock really rock, rock is not is not a form is that*, поскольку словосочетание *is that* также можно считать примером и избыточности, и ошибки. Речевая избыточность в виде самокоррекции *mix mixes* ошибкой не является. Повторы слова *rock* и словосочетания *is not* также

представляют собой примеры речевой избыточности, но при этом они не являются отклонениями в речи, то есть ошибками.

Внимание привлекает фраза *our generation is stands to to say*, где обнаруживается грамматическая ошибка в добавлении к глаголу *stand* глагола-связки *is*. Данный пример не только является речевой ошибкой, но и также примером речевой избыточности. Также стоит обратить внимание на фразу *this is rock really rock, rock is not is not a form is that*, поскольку словосочетание *is that* также можно считать примером и избыточности, и ошибки. Повтор слов *antes* или *before* является избыточным, но при этом он не является отклонением в речи.

Таким образом, на основе проанализированных примеров можно сделать следующее сопоставление (Таблица 2).

Таблица 2.

Сопоставление речевой ошибки и речевой избыточности

Речевая ошибка	Речевая избыточность
Отклонение от нормы - <i>all day yesterday eh and eh I had eh read <u>em</u> about eight hundred pages of this book yesterday</i>	Не всегда противоречит норме - <i>sorry? <u>you were reading the books?</u></i>
Ошибка может быть связана с опущением отдельных лексических или грамматических элементов - <i>and I <u>I've</u> one thousand five hundred pages of this book already <u>eh</u> all the time</i> – говорящим подразумевалось использование формы Present Perfect, однако им был пропущен смысловой глагол	Избыточность всегда подразумевает повтор или добавление иных элементов - <i>so our generation <u>is stands to to say no it's okay to hear cumbia and it's okay to hear eh eh traditional music and this is <u>rock really rock, rock is not is not a form is that it is a concept and and an attitude</u></u></i> – добавление глагола-связки <i>is</i> к глаголу <i>stands</i> , частые вокализации в виде <i>eh</i> , а фраза <i>this is <u>rock really rock, rock is not is not a form is that</u></i> , в которой повторяются слова <i>rock</i> и <i>is</i>
Не направлена на достижение	Избыточность необходима для

цели коммуникации. - <i>Maybe I <u>eh</u> путешествоваю в другой город Russian</i>	поддержания коммуникации <i>Why are you going to go to <u>Russia</u> when you are in <u>Russia</u>, right now?</i>
---	---

В таких примерах, как *all day yesterday eh and eh I had eh read; путешествоваю; can going* речевые ошибки являются одновременно и проявлением речевой избыточности, при этом совпадение речевых ошибок происходит непосредственно с непродуктивной избыточностью, в то время как продуктивная избыточность не всегда является отклонением от нормы.

Речевые ошибки и речевая избыточность могут быть обусловлены одними и теми же причинами (например, недостаточным уровнем владения языком межкультурной коммуникации), но в научной работе они могут получать различный разбор, в зависимости от фокуса самого исследования.

Следует подчеркнуть, что в некоторых случаях намеренно сделанные ошибки в речи коммуникантом-носителем или неносителем с более высоким УРК в рамках реализации стратегии аккомодации также помогают улучшить понимание со стороны слушающего, поскольку в такой форме ему легче будет распознать слово или высказывание.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Поскольку избыточность играет важную роль в межкультурной коммуникации, выделен особый вид речевой избыточности, характерный для данного вида коммуникации и представляющий собой повтор или наполнение сообщения дополнительными элементами, такими как выделение голосом фраз или их компонентов, уточнение, использование слов и фраз другого языка, филлеры, паузы, для предотвращения сбоя в коммуникации.

Выявлены и описаны средства и инструменты, которые задействуют речевую избыточность в межкультурной коммуникации: переформулирование, самоповтор, циркумлокуция, филлеры, самокоррекция и др.

Речевая избыточность в рамках межкультурной коммуникации имеет место в письменной и устной речи. В разделах 3.3 и 3.4 систематизированы варианты избыточности в письменной и устной речи и то, какую функцию они выполняют в условиях межкультурной коммуникации. Установлено, что, за исключением орфографической избыточности в письменной коммуникации и произносительных ошибок в устной коммуникации, речевая избыточность положительно влияет на процесс межкультурной коммуникации, представляя собой инструмент реализации коммуникативных стратегий кооперации и аккомодации.

В опосредованной письменной коммуникации – с помощью мессенджеров, социальных сетей, электронных писем – речевая избыточность проявляется на орфографическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Характерные особенности речевой избыточности в письменной коммуникации проявляются в дополнительных орфографических элементах – чаще всего в виде орфографических ошибок (добавление лишних букв в слова), а также в возможности использования дублирующих фраз и предложений из другого языка благодаря использованию онлайн-переводчиков. В меньшей степени для речевой избыточности в письменной бизнес-коммуникации характерны слова-филлеры и паузы хезитации, однако их возможно применять в общении через мессенджеры в неформальной переписке, которая обычно происходит в режиме реального времени. Для бизнес-коммуникации важно уточнение деталей и уточнение специфических терминов, поэтому используются повторы, в том числе повторы на другом языке, известном обоим коммуникантам, что несвойственно обиходно-бытовой письменной речи. Особенностью письменной обиходно-бытовой коммуникации является использование фраз, имитирующих устную речь – это паузы хезитации (*well, em, ah, um*) и всевозможные филлеры (*you know, like, sort of*), а также имитация удлинения звуков путем избыточной орфографии (*sooooo*), которые не приветствуются в деловой межкультурной коммуникации.

В условиях прямой непосредственной устной межкультурной коммуникации избыточность позволяет подчеркнуть значимость отдельных слов

и фраз с помощью интонации и избыточного времени звучания отдельных звуков, что упрощает как восприятие речи со стороны слушателя, так и процесс генерации речи для говорящего. В устном общении речевая избыточность обнаруживается на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Растягивая гласные и согласные звуки, адресант получает дополнительное время на то, чтобы подобрать слова для дальнейшего высказывания и лучше выразить мысль, хотя для слушающего они никакой информации не несут. Подобную функцию выполняют дискурсивные слова, а также повтор слов, вызванный сложностью их произношения на иностранном языке: за счёт таких повторов говорящий получает больше времени на то, чтобы более точно сформулировать мысль. В отдельных случаях продуктивная избыточность в лексике направлена на выделение значимых слов, которые подчёркивают ту или иную мысль. Повтор вопросительных предложений говорящим с более высоким УРК в виде перефразирования, возможно, с исправлением речевых ошибок, или в виде перевода на знакомый коммуникантам другой иностранный язык в основном направлен на то, чтобы слушающий лучше понял вопрос и смог предоставить именно тот ответ, который нужен говорящему. Установлено, что с помощью повторов говорящий делает свои вопросы более конкретными. В таком устном жанре, как интервью, говорящий с более высоким УРК, часто носитель языка, может также перефразировать ответы интервьюируемого как для уточнения правильной интерпретации высказывания, так и для аудитории, которая является целевой для данного интервью и может не понять ответ без этого повтора с перефразированием.

При сопоставлении речевых ошибок и речевой избыточности обнаружены и систематизированы различия, связанные с тем, что ошибка всегда связана с нарушением нормы, в то время как избыточность не всегда противоречит ей. Также речевая ошибка не всегда подразумевает наличие лишнего элемента, поскольку ошибочным может быть отсутствие важной для понимания определённой лексической или грамматической единицы, в то время как избыточность всегда подразумевает наличие ещё каких-либо элементов. Сходство

же заключается в том, что и речевая ошибка, и непродуктивная избыточность противоречат норме, но при этом помогают говорящему с более низким уровнем речевой компетенции поддерживать диалог и добиваться цели межкультурной коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Явление избыточности рассматривалось лингвистами под разными углами зрения, с точки зрения многих подходов, например, [Пауль, 2014; Звегинцев 1962; Shannon, 1948; Jacobson, 1971; Martinet, 1980; Long, 1983a; Мечковская, 2001; Гальперин, 2007; Crystal, 2009; Глисон, 2008; Грудева, 2008; 2010; Maldonado, 2016; Яковлева, 2021 и др.]. Учёные концентрировали внимание на повторах, хезитации, филлерах, коммуникативных стратегиях, особенностях общения носителей языка с неносителями и проч., при этом не относя некоторые рассматриваемые примеры к категории избыточности. Сюда же, очевидно, следует отнести и некоторые типы речевых ошибок. Оказалось, что явление избыточности в действительности более масштабное, чем изначально было описано в работах лингвистов, посвящённых непосредственно данному явлению. Изучая разные коммуникативные стратегии, аккомодацию, особенности межкультурной коммуникации, УРК носителей и неносителей языка и другие аспекты лингвистики речи, мы выявили некоторые специфические черты речевой избыточности, которые нашли подтверждение в материале исследования.

Проанализировав различные теоретические положения, затрагивающие речевую избыточность и межкультурную коммуникацию, мы пришли к выводу, что существует отдельный вид избыточности, характерный в первую очередь для межкультурной коммуникации. Речевая избыточность в условиях межкультурной коммуникации определена нами как повтор информации или наполнение ее дополнительными элементами и рассматривается в качестве инструмента, который позволяет коммуникантам преодолевать языковой барьер для достижения эффективной коммуникации. Её применение актуально как в коммуникации между носителями и неносителями языка, так и в условиях, где используемый язык является лингва франка.

В фокусе внимания находится именно речевая избыточность, поскольку межкультурная коммуникация, как и вербальная коммуникация в целом, представляет собой в первую очередь речевую деятельность, в которой участвуют

коммуниканты из разных культур. В то же время собственно языковая избыточность характерна для языка как системно-структурного образования, и будет общей и для носителя, и для неносителя, первый из которых владеет языком с рождения, а второй осваивает тот же язык, но в сознательном возрасте.

В диссертации выявлены факторы, обуславливающие речевую избыточность: первый связан с её использованием для достижения целей межкультурной коммуникации через облегчение процесса восприятия сообщения для слушателя, в то время как второй фактор – с когнитивной спецификой процесса генерации речи, направленного на сохранение умственной энергии и защиту от стресса, вызванного дискомфортом от использования иностранного языка, позволяя говорящему спланировать речевое высказывание и поддержать динамику диалога.

Анализ языкового материала позволил констатировать, что разные формы речевой избыточности способствуют успешной межкультурной коммуникации. В ситуациях, в которых участвуют коммуниканты из разных стран, обладающие различным культурным фоном и разговаривающие на разных языках, существует большое количество барьеров, связанных как с различными шумами и искажениями, так и с языковыми и культурными различиями. Для успешной коммуникации в таких условиях необходимы, во-первых, мотивация и позитивное отношение к собеседнику, во-вторых, знания о культуре и языке собеседника, и, в-третьих, навыки коммуникации на иностранном языке – в нашем случае, на английском языке, – одним из которых является применение таких коммуникативных стратегий, как стратегия кооперации и стратегия аккомодации, направленных на преодоление трудностей, возникающих в межкультурной коммуникации. Суть таких стратегий заключается в упрощении и даже неправильном использовании форм языка для достижения успешной коммуникации, что требует достаточно серьёзной подготовки со стороны, по крайней мере, одного из коммуникантов.

В диссертации систематизировано понимание различными учеными аккомодации как стратегии регулирования коммуникативного поведения

участниками коммуникации для того, чтобы достичь необходимого уровня социальной дистанции. В рассматриваемых моделях коммуникации (преимущественно бизнес-коммуникации, обиходно-бытовой письменной речи и интервью) отмечается конвергенция, тенденция к сближению коммуникативного поведения. Применение стратегии аккомодации рассматривается в работах преимущественно зарубежных авторов в аспекте коммуникации носителя языка с неносителем, однако в наших примерах аккомодация отмечена также в коммуникации по модели «неноситель-неноситель». Что касается речевой избыточности, то она присутствует на всех уровнях языка в межкультурной коммуникации в виде повторов, перефразирования, уточнения информации. Носитель языка или неноситель с более высоким уровнем речевой компетенции адаптируют свою речь для осуществления успешной коммуникации и достижения её целей.

Установлено, что речевая избыточность в межкультурной коммуникации определенных типов (бизнес-коммуникация, интервью, обиходная речь) выступает в качестве инструмента реализации стратегии аккомодации. Она позволяет носителю языка, обладающему более высокой компетенцией, или неносителю за счёт глубоких знаний языка, облегчить понимание собеседнику-неносителю языка с низким УРК за счет уточнений, повторов, дополнительных элементов. Наличие некоторых форм избыточности также облегчает процесс порождения речи и сокращает использование умственной энергии.

В работе проанализированы проявления речевой избыточности в межкультурной коммуникации в письменной и устной речи, на основе чего разработана соответствующая классификация, в рамках которой выделяются различные формы избыточности на орфографическом, фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

В результате проведённого исследования было установлено, что речевая избыточность может быть как продуктивной, так и непродуктивной, затрудняющей коммуникацию. Анализ письменной и устной речи показал, что речевая избыточность оказывает в большинстве случаев положительное влияние

на процесс коммуникации, делая его комфортнее как для говорящего, так и для слушающего, а также делая коммуникацию непрерывной и более успешной. Из вышесказанного следует, что речевая избыточность – это эффективный инструмент межкультурной коммуникации, применение которого облегчает процесс общения.

Перспектива развития выбранной исследовательской темы заключается в добавлении анализа невербальной составляющей устной межкультурной коммуникации, поскольку взгляд, мимика, жесты, сопровождающие речь, также могут повышать уровень избыточности сообщения. Работа в этом направлении позволит также установить более тесную зависимость речевой избыточности от особенностей культуры коммуникантов.

Результаты данного исследования могут быть использованы для расширения представлений о речевой избыточности в целом и в условиях межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алонцева, Н. В. Проблема языковой избыточности на примере научного текста / Н. В. Алонцева, Ю. А. Ермошин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – № 1 (10). – С. 129–140.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М.: «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 1. – 472 с.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; под ред. Р. А. Будагова; пер. Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
4. Баранов, А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: около 9000 терминов 2001 / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов и др. – М.: РАН. Ин-т рус. Яз. им В.В. Виноградова, 2001. – 623 с.
5. Басс, И. И. Проблемы японского языкознания. Лингвистика текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Басс Ирина Исаевна. – СПб., 2004. – 39 с.
6. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 502 с.
7. Беляева, Е. В. Когнитивные механизмы возникновения речевых ошибок при усвоении русского языка в иноязычной аудитории: дис. ... канд. психол. наук: 10.02.01 / Беляева Елена Владимировна. – Красноярск, 2004. – 188 с.
8. Бергельсон, М. Б. Лингвистические методы исследования в области межкультурной коммуникации. Тезисы пленарного доклада [Электронный ресурс] / М. Б. Бергельсон // II Международная конференция РКА «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты («Коммуникация – 2004»)). – 2004. – Режим доступа: <http://www.russcomm.ru/.../bergeolson01.shtml>. (дата обращения: 06.09.2024)
9. Богданова, Н. В. Синтаксические признаки устной монологической речи и степень их диагностичности для дифференциации социальных характеристик

говорящего (к постановке проблемы) / Н. В. Богданова // Материалы XXVII Межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 2. Секция грамматики (русско-славянский цикл). 16–22 марта 1998 г. Тезисы докладов / Отв. ред. Г. Н. Акимова. – СПб.: СПбГУ. – 1998. – С. 62–68.

10. Богданова, Н. В. Спонтанный монолог: норма и реализация / Н. В. Богданова [Электронный ресурс] // II Междун. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, Филол. ф-т, 18–21 марта 2004 г. Труды и м-лы. – М.: МГУ, 2004.

11. Богданова, Н. В. Спонтанный монолог: синтаксические характеристики текста и уровень речевой культуры говорящего / Н. В. Богданова, И. С. Бродт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – № 1-I. – 2007. – С. 35-43.

12. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова; РАН. Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

13. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой; 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

14. Борисова, И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1996. – С. 21–48.

15. Бурая, Е. А. Аккомодация в процессе коммуникации / Е. А. Бурая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – №3 (771). – С. 9–21.

16. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

17. Виноградов, В. В. Общее языкознание / В. В. Виноградов. – М.: Просвещение, 1972. – 208 с.

18. Винокур, Г. О. Об изучении языка литературных произведений / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 229–256.
19. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. Сер. «Памятники философской мысли». – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 288 с.
20. Воейкова, М. Д. Избыточность в системе языка и разные формы её проявления / М. Д. Воейкова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2010. – № 2. – С. 9–21.
21. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. Изд. 5-е. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
22. Глаголев, Н. В. Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Глаголев Николай Владимирович. – М., 1967. – 20 с.
23. Глисон, Г. Введение в дескриптивную лингвистику / Г. Глисон. – М.: ЛКИ, 2008. – 486 с.
24. Голев, Н. Д. Язык закона и лингвистическая экспертиза законопроекта в свете правовой коммуникации / Н. Д. Голев // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 5. Материалы 5-го Конгресса РОПРЯЛ, Казань, 4–8 октября 2016 г. – СПб., 2016. – С. 132–136.
25. Гордеева, Ю. В. К вопросу о коммуникативной цели в аспекте ее семантических и прагматических представлений / Ю. В. Гордеева, Л. П. Семенко // Ученые записки Орловского государственного университета. – Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1. – С. 245–248.
26. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
27. Грудева, Е. В. Избыточность текста, редукция и эллипсис (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Грудева Елена Валерьевна. – СПб., 2008. – 41 с.

28. Грудева, Е. В. Избыточность языка и избыточность текста: некоторые размышления / Е. В. Грудева // Труды ИЛИ РАН. – 2010. – №2 (2). – С. 73–89.
29. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
30. Гуревич, П. С. Философия культуры: монография / П. С. Гуревич. – М.: Изд-во Канон, 2014. – 423 с.
31. Гуренков, А. А. Типы языковой избыточности в межкультурной коммуникации на примере английского языка / А. А. Гуренков, С. Ю. Богданова // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм. – 2021. – №4. – С. 14–24.
32. Гуренков, А. А. Языковая избыточность как средство для достижения целей коммуникации в модели «носитель-неноситель» / А. А. Гуренков // Современный учёный. – 2022а. – №4. – С. 98–103.
33. Гуренков, А. А. Коммуникативные стратегии общения на английском языке как лингва франка посредством мессенджеров в международной торговле / А. А. Гуренков // Известия ВГПУ. – 2022б. – №2(165). – С. 186–190.
34. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 300 с.
35. Дюндик, Ю. Б. Наречие оценки и категоризация опыта: монография / Ю. Б. Дюндик. – Иркутск: ИГЛУ. – 2011. – 179 с.
36. Емельянов, Ю. Н. Теория функционирования и практика совершенствования межкультурной компетенции: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Емельянов Юрий Николаевич. – Л., 1991. – 403 с.
37. Ерофеева, Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи / Т. И. Ерофеева. – М.: Едиториал УРСС, 2021. – 96 с.
38. Жирмунский, В. М. Общее и германское языкознание: избранные труды / В. М. Жирмунский. – Л.: Изд-во Наука, Ленинградское отд-ние, 1976. – 692 с.
39. Завьялова, Л. А. Коммуникативная аккомодация как стратегия поддержания гармонии межличностного общения в интернет-опосредованной

интеракции / Л. А. Завьялова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2018. – №9 (132). – С. 125–130.

40. Зайдес, К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Зайдес Кристина Денисовна. – СПб., 2020. – 247 с.

41. Залевская, А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования / А. А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С. 6–22.

42. Звегинцев, В. А. Новое в лингвистике. Вып. 2 / В. А. Звегинцев. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 685 с.

43. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – 2-е изд. перераб. и дополненное. – М.: Русский язык, 1988. – 240 с.

44. Зыкова, А. В. Типология речевых ошибок носителей языка (на примере французского языка) / А. В. Зыкова, Л. А. Нежина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29. – № 2. – С. 428-437.

45. Избыточность в грамматическом строе языка / Отв. ред. М. Д. Воейкова. – СПб.: Наука. – 2010. – 462 с.

46. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

47. Казыдуб, Н. Н. Коадаптация языковых личностей в межкультурной коммуникации / Н. Н. Казыдуб // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2018. – № 46 (5). – С. 145–154.

48. Кибрик, А. А. К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования / А. А. Кибрик, В. И. Подлеская // Научно-техническая информация, 2003. – №2 (6). – С. 5–11.

49. Ким, Л. Г. «Длина текста» как фактор множественной вариативности его интерпретационного функционирования / Л. Г. Ким // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – №49. – С. 38–51.

50. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Ключев. – М.: Рипол классик, 2002. – 315 с.

51. Ковалева, Т. А. К вопросу о типологическом своеобразии плеоназмов в русском языке XXI в. / Т. А. Ковалева // Известия ВГПУ. – 2014. – №2 (87) – С. 98–101.
52. Красиков, Ю. В. Психолингвистический анализ речевых ошибок: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Красиков Юрий Владимирович. – М., 2007. – 21 с.
53. Кронгауз, М. А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
54. Круглова, Л. К. Человек как проблема философии, философии культуры и культурологии / Л. К. Круглова // Человек. Образование. Культура. – 2015. – №2 (16). – С. 33–52.
55. Кузьмина, И. В. Феномен языковой избыточности / И. В. Кузьмина // Вестник ИГЛУ. – 2011. – № 1. – С. 142–147.
56. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1 / Гл. ред., сост. С. Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 447 с.
57. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
58. Леманова, Л. Р. Сущность, понятие и природа межкультурной коммуникации / Л. Р. Леманова // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2019. – № 1. – С. 144–146.
59. Леонтьев, А. А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания / А. А. Леонтьев // Вопросы порождения речи и обучения языку. – М., 1967. – С. 6–16.
60. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. Энцикл., 1990. – 682 с.
61. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
62. Манжелевская, Е. В. Речевая стратегия оптимизации понимания сообщаемого (на материале русскоязычных и англоязычных художественных текстов) / Е. В. Манжелевская // Грамота. – 2016. – № 12. – Ч. 3. – С. 136–141.

63. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине. пер. с фр. В. В. Шеворошкина; под ред. и со вступ. ст. В. А. Звегинцева. – Изд. 2-е. – М.: УРСС, 2004. – 221 с.
64. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н. Д. Андреева; под ред. А. А. Реформатского. – Изд. 2-е. – М.: УРСС, 2004. – 436 с.
65. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
66. Мележик, К. А. От глобального английского языка к национальному варианту английского лингва франка – проблемы коммуникативно-прагматической вариативности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Мележик Карина Алексеевна. – Симферополь, 2018. – 635 с.
67. Мельник, Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н. В. Мельник // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 200–207.
68. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология / Н. Б. Мечковская. – М.: Наука, 2001. – 312 с.
69. Некипелова, И. М. Язык как информационная система: избыточность и оптимизация / И. М. Некипелова, Э. Г. Зарифуллина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 9 (53). – С. 312–322.
70. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
71. Олейник, А. В. Английский язык как средство межкультурного общения: историческая ретроспектива и современные особенности (фонетический аспект) / А. В. Олейник // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – С. 110–123.
72. Олышанский, И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы / И. Г. Олышанский // Лингвистические исследования в конце XX века. – 2000. – С. 26–55.

73. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: УРСС. – 2014. – 504 с.
74. Поликарпов, А. М. Об основных критериях устнопорождаемой речи с позиции интеракциональной лингвосемиотики / А. М. Поликарпов // Синхрония, диахрония, текстология: сб. науч. ст. и переводов к юбилею Е. М. Чекалиной. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 79–89.
75. Попкова, Е. Б. Теоретические подходы в исследовании инкультурации как социокультурного процесса / Е. Б. Попкова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – С. 43–48.
76. Рогозная, Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев: монография / Н. Н. Рогозная. – Иркутск: Иркутская типография №1, 2001. – 332 с.
77. Рожкова, А. Ю. Деепричастия в спонтанной речи как маркеры уровня речевой компетенции говорящего / А. Ю. Рожкова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2011. – Вып. 2. – С. 179–185.
78. Русская спонтанная речь. Спонтанные монологи разных типов. Тексты. Лексические материалы (CD) / Сост. Н. В. Богданова-Бегларян, И. С. Бродт / Отв. ред. М. Краузе // Бюллетень Фонетического Фонда. – Бохум (Германия), 2020. – 100 с.
79. Савельева, И. В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Савельева Ирина Викторовна. – Кемерово, 2013. – 25 с.
80. Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А. П. Садохин. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2016. – 256 с.
81. Сапунова, Е. М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сапунова Екатерина Михайловна. – СПб., 2009. – 237 с.

82. Светличная, В. Ю. Основные подходы к классификации речевой избыточности / В. Ю. Светличная // Гуманитарные и естественно-научные исследования: основные дискуссии. Материалы XXVIII Всероссийской научно-практической конференции: сборник статей. – Ростов-на-Дону: изд-во Южного университета ИУБиП, 2021. – С. 172–176.

83. Сиротинина, О. Б. Речевая культура / О. Б. Сиротинина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта, Наука, 2003. – С. 243–347.

84. Словарь лингвистических терминов / Под ред. О. С. Ахмановой. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 571 с.

85. Степанова, С. Б. Темп речи как отражение социальных и психологических характеристик говорящего / С. Б. Степанова // Approaches to Slavic Interaction. University of Potsdam. Conference, March 16–18, 2011. – Potsdam, 2011. – С. 44–45.

86. Сусов, И. П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей / И. П. Сусов. – М.: АСТ, 2008. – 382 с.

87. Тадтаева, А. В. Обучение студентов деловому общению как реализация одного из компонентов межкультурной коммуникации / А. В. Тадтаева // Современные технологии обучения: сборник статей и тезисов. – Владикавказ, 2004. – С. 217–223.

88. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. – М.: СЛОВО. – 2008а. – 343 с.

89. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Московский государственный университет, 2008б. – 352 с.

90. Усовская, Э. А. Межкультурные различия как условие межкультурного понимания / Э. А. Усовская // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2015. – № 2 (18). – С. 75–79.

91. Учебный словарь стилистических терминов. Ч. 1. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. – 64 с.

92. Федосова, О. В. К вопросу о языковой избыточности испанской разговорной речи / О. В. Федосова // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 2-3. – С. 220–223.

93. Филиппова, И. Н. Классификация вербальной избыточности / И. Н. Филиппова // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2011. – №1. – С. 150–155.

94. Хадеева, Г. В. Взгляд на коммуникативные стратегии в межкультурной коммуникации. / Г. В. Хадеева // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сборник трудов конференции. – Елабуга, 2017. – С. 192–194.

95. Хохлова, И. Н. Межкультурная коммуникация. Понятие, уровни, стратегии / И. Н. Хохлова // Молодой ученый. – 2012. – №2. – С. 98–101.

96. Чарыкова, И. А. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения участников российского сегмента социальных сетей: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5 / Чарыкова Ирина Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 2022. – 201 с.

97. Шапа, Е. П. Роль просодии в структурировании спонтанной диалогической речи (текста) (Сопоставительное экспериментально-фонетическое исследование на материале английского, русского и молдавского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шапа Елена Петровна. – М., 1993. – 148 с.

98. Этимологический словарь русского языка / Под ред. А. В. Семёнова; Русский язык от А до Я. – М.: Издательство «ЮНВЕС», 2003. – 700 с.

99. Язык, культура, социум: *essentia et existentia*: Монография / Викулова Л. Г. и др.; отв. ред.: Черненькая С. В. – М.: МГПУ; Книгодел, 2023. – 152 с.

100. Яковлева, Э. Б. Феномен речевых хезитаций: монография / Э. Б. Яковлева. – М.: ИНИОН РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2021. – 215 с.

101. Aitchison, J. „Say, Say It Again, Sam”: the treatment of repetition in linguistic / J. Aitchison // Repetition / ed. Andreas Fischer. Tübingen: Narr, 1994 (Swiss Papers in English Language and Literature. Vol. 7). – P. 15–34.

102. Austin, J. L. *How to do things with words* / J. L. Austin. – Oxford: At The Clarendon Press, 1962. – 174 p.
103. Al-Qaddoumi, K. M. Redundancy and Ellipsis in the Translation into English of Selected Arabic Media Texts / K. M. Al-Qaddoumi, N. R. Ageli // *International Journal of Translation and Interpretation Studies*. – 2023. – Режим доступа: DOI: 0.32996/ijtis.2023.3.2.2 (дата обращения: 05.12.2024).
104. Babel, M. Evidence for phonetic and social selectivity in spontaneous phonetic imitation / M. Babel // *Journal of Phonetics*. – 2012. – Vol. 40. – P. 177–189.
105. Bazzanella, C. Redundancy, repetition, and intensity in discourse / C. Bazzanella // *Language Sciences*. – 2011. – Vol. 33 (2). – P. 243–254.
106. Bińczycka-Kończak, I. Redundancja – zjawisko zbędne czy pożądane? O „nadmiarowości” w definicjach uczniowskich / I. Bińczycka-Kończak // *Studia Logopaedica II*. – 2008. – T. 56. – P. 238–251.
107. Bloomfield, L. *Language* / L. Bloomfield. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. – 580 p.
108. Boomer, D. S. Hesitation Pauses and Juncture Pauses in Speech / D. S. Boomer, A. T. Dittman // *Language and Speech*. – 1962. – Vol. 5, N 4. – P. 215–220.
109. Böttger, H. The fear factor: Xenoglossophobia or how to overcome the anxiety of speaking foreign languages / H. Böttger, D. Költzsch // *Training, Language and Culture*. – 2020. – № 4 (2). – P. 43–55.
110. Bremer, K. *Achieving Understanding: Discourse in Intercultural Encounters* / L. Bremer, M. Simonot. – London: Longman, 1996. – 288 p.
111. Bussman, H. *Dictionary of Language and Linguistics* / H. Bussman. – London: Routledge, 1996. – 1304 p.
112. *Cambridge Dictionary* [Electronic resource] / Cambridge University Press. Cambridge, 1999. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.03.2022).
113. Canale, M. From communicative competence to communicative language pedagogy / M. Canale, J.C. Richards, R.W. Schmidt // *Language and Communication*, 1983. – Vol. 1. – №1. – P. 2–27.

114. Chafe, W. Discourse, consciousness, and time / W. Chafe. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 392 p.
115. Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. – Cambridge.: MA: MIT Press, 1968. – 251 p.
116. Čizmič, I. Upotreba komikacijskih strategija u nastavi stranoga jezika / I. Čizmič // Školski vjesnik. – 2010. – № 59 (1). – S. 147–158.
117. Cogo, A. “They all take the risk and make the effort”: Intercultural accommodation and multilingualism in a BELF community of practice / A. Cogo // Intercultural communication: New perspectives from ELF / ed. by L. Lopriore, E. Grazi. – Rome, 2016. – P. 365–383.
118. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment – Companion volume, Council of Europe Publishing, April 2020. – Strasbourg, 2020. – 280 p.
119. Cook, V. J. Effects of the Second Language on the First / V. J. Cook. – Clevedon: Multilingual Matters Publishing, 2003. – 268 p.
120. Coupland, N. Accommodating the elderly: Invoking and extending a theory / N. Coupland, J. Coupland, H. Giles, K. Henwood // Language in Society. – 1988. – Vol. 17, № 1. – P. 1–41.
121. Crystal, D. Dictionary of Linguistics and Phonetics / D. Crystal. – New York City: Publisher John Wiley&Sons, 2009. – 560 p.
122. Crystal, D. English as a Global language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
123. Dietrich, J. W. Antagonistic Redundancy – A Theory of Error-Correcting Information Transfer in Organisms / J. W. Dietrich, B. Böhm // Cybernetics and Systems / R. Trappl (ed.). – Wien, Österreich: Austrian Society for Cybernetic Studies, 2004. – P. 225–230.
124. Dörnyei, Z. Communication strategies in a Second Language: Definitions and Taxonomies / Z. Dörnyei, M. Lee Scott // Language Learning, 1997. – Vol. 47. – №1. – P. 173–210.

125. Faerch, C. Two ways of defining communication strategies / C. Faerch, G. Kasper // *Language Learning*, 1984. – Vol. 34. – № 1. – P. 45–63.
126. Ferguson, C. Towards a characterization of English foreigner talk / C. Ferguson // *Anthropological Linguistics*. – 1975. – Vol. 17. – №1. – P. 1–14.
127. Fetzer, A. “I think this is I mean perhaps this is too erm too tough a view of the world but I often think ...”. Redundancy as a contextualization device / A. Fetzer // *Language Sciences*. – 2011. – Vol. 33 (2). – P. 255-267.
128. Galati, A. Attenuating information in spoken communication: For the speaker, or for the addressee? / A. Galati, S. E. Brennan // *Journal of Memory and Language*. – 2010. – Vol. 62 (1). – P. 35–51.
129. Gallois, C. Communication accommodation theory: A look back and a look ahead / C. Gallois, T. Ogay, H. Giles // *Theorizing about intercultural communication*. – 2005. – P. 121–148.
130. Giles, H. *Language: Contexts and consequences* / H. Giles, N. Coupland. – Pacific Grove: Cengage Learning, 1991. – 264 p.
131. Giles, H. Accomodative Strategies as Core of the Theory / H. Giles, M. Dragojevic, J. Gasiorrek // *Communication Accommodation Theory: Negotiating Personal Relationships and Social Identities across Contexts*. – 2016. – P. 36–50.
132. Ghazala, H. *Translation as Problems and Solutions-A Textbook for University Students and Trainee Translators (Special Edition)* / H. Ghazala. – Mecca: Dar Ellmi Lilmalayin & Konoo Al-Marifa, 2008. – 368 p.
133. Gillette, M. What is Linguistic Redundancy? Technical Report / M. Gillette, E.-J. C. Wit. – Chicago: University of Chicago, 1999. – 17 p.
134. Gohil, P. P. English as a Global language / P. P. Gohil // *International Journal for Research in Education*. – 2013. – Vol. 2. – Issue 2. – P. 7–13.
135. Grice, H. *Logic and Conversation* / H. Grice, P. Cole, J. Morgan // *Syntax and Semantics*. – 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.
136. Hartsuiker, R. J. Are speech error patterns affected by a monitoring bias? / R. J. Hartsuiker // *Language and Cognitive Processes*. – 2006. – №21. – P. 856–891.

137. Hatanaka, M. English Loanwords and Made-in-Japan English in Japanese / M. Hatanaka, J. Panel // Hawaii Pacific University TESOL Working Paper Series. – 2016. – Vol. 14. – P. 14–29.
138. Heltai, P. Explication, redundancy, ellipsis and translation / P. Heltai // New Trends in Translation Studies. In Honour of Kinga Klaudy. – 2005. – P. 45–74.
139. Heršak, E. Jezične strategije i društvo / E. Heršak // Revija za sociologiju. – 2001. – S. XXXII. – № 3–4. – S. 175–196.
140. Hynninen, N. Language regulation in English as a lingua franca: exploring language-regulatory practices in academic spoken discourse / N. Hynninen. – Helsinki: Unigrafia, 2013. – 316 p.
141. Jacobson, R. Selected Writings / R. Jacobson. – Berlin: Walter de Gruyter, 1971. – 752 p.
142. Jenkins, J. The Phonology of English as an international Language / J. Jenkins. – Oxford: OUP Oxford, 2000. – 258 p.
143. Khaeva, D. T. Intercultural communication as a special type of communication / D. T. Khaeva, A. V. Tadtava // Modern Science. – 2019. – Vol. 3. – P. 278–282.
144. Kim, M. Phonetic convergence in spontaneous conversations as a function of interlocutor language distance / M. Kim, W. S. Horton. A. R. Bradlow // Laboratory Phonology, 2011. – Vol. 2, № 1. – P. 125–156.
145. Knapp, K. Interkulturelle Kommunikation / K. Knapp, A. Knapp-Potthoff // Zeitschrift fur Fremdsprachenforschung. – 1990. – №1. – S. 62–93.
146. Kolmogorova, A. V. Written vs generated text: “naturalness” as a textual and psycholinguistic category [Electronic resource] / A. V. Kolmogorova, A.V. Margolina // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2024. – № 10 (2). – P. 71–99. – Режим доступа: <http://doi:10.18413/2313-8912-2024-10-2-0-4> (дата обращения: 05.12.2024).
147. Krivokapic, J. Pause postures: The relationship between articulation and cognitive processes during pauses / J. Krivokapic, W. Styler, B. Parell // Journal of Phonetics. – 2020. – Vol. 79. – P. 93–100.

148. Kubota, M. Native speaker: A unitary fantasy of a diverse reality / M. Kubota // *The Language Teacher*. – 2004. – Vol. 28. – № 1. – P. 3–30.
149. Lázár, T. Some sources of misunderstanding in intercultural business communication / T. Lázár // *International Journal of Mathematical Engineering and Management Sciences*. – 2017. – № 2 (3). – P. 91–101.
150. Leech, G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – London, New York: Longman, 1983. – 250 p.
151. Leufkens, S. A functionalist typology of redundancy / S. Leufkens // *Revista da Abralin*. – 2020. – Vol. 19 (3). – P. 79–103.
152. Lewis, R. D. When Cultures Collide / R. D. Lewis. – 4th edition. – Boston: Nicholas Brealy Publishing, 2018. – 560 p.
153. Long, M. H. Linguistic and Conversational Adjustments to Non-Native Speakers / M. H. Long // *Studies in Second Language Acquisition*. – 1983a. – Vol. 5. – № 2. – P. 177–193.
154. Long, M. H. Native/Non-Native Speaker Conversation and the Negotiation of Comprehensible Input / M. H. Long // *Applied Linguistics*. – 1983b. – №4. – P. 126–141.
155. Loy, J. E. Syntactic adaptation depends on perceived linguistic knowledge: native English speakers differentially adapt to native and non-native confederates in dialogue / J. E. Loy, K. Smith. – Edinburgh: University of Edinburgh, 2019. – 76 p.
156. Maldonado, M. R. Communication strategies used by different level L2 English learners in oral interaction / M. R. Maldonado // *Revista Signos. Estudios de Lingüística*. – 2016. – Vol. 49. – № 90. – P. 71–93.
157. Margić, B. D. Communication courtesy or condescension? Linguistic accommodation of native to non-native speakers of English [Electronic resource] / B. D. Margić // *DE GRUYTER MOUTON*. – 2017. – Vol. 6. – №1. – Режим доступа: <http://doi:10.1515/jelf-2017-0006/> (дата обращения: 28.11.2021)
158. Martinet, A. *Éléments de linguistique générale* / A. Martinet. – Paris: Armand Colin, 1980. – 226 p.

159. Medgyes, P. Native or non-native: Who's worth more? / P. Medgyes // *ELT Journal*. – 1992. – Vol. 46. – № 4. – P. 340–349.
160. Nelson, C. International intelligibility of English: direction and resources / C. Nelson, L. Smith // *World Englishes*. – 1985. – Vol. 4. – № 3. – P. 333–342.
161. Muhammed, S. Redundancy as a Phonological Feature in the English Language / S. Muhammed, M. Ahar, D. B. Saanyol // *International Journal of English Language and Communication Studies*. – 2018. – Vol. 4. – №2. – P. 18–25.
162. Rohman, A. An error analysis of redundancy in students' writing performance among student at third semester of English education department of the State Institute of Islamic Studies of Metro / A. Rohman. – Metro City: The State Institute of Islamic Studies (IAIN) of Metro. – 2017. – 83 p.
163. Pate, J. K. Talkers account for listener and channel characteristics to communicate efficiently / J. K. Pate, S. Goldwater // *Journal of Memory and Language*. – 2015. – Vol. 78. – P. 1–17.
164. Pickering, M. J. Structural priming: A critical review / M. J. Pickering, V. S. Ferreira // *Psychological Bulletin*. – 2008. – Vol. 134. – № 3. – P. 427–459.
165. Pierrehumbert, J. B. Conceptual foundations of phonology as a laboratory science. In *Phonological knowledge: Conceptual and empirical issues* / J. B. Pierrehumbert, M. E. Beckman, R. Ladd // *Phonological Knowledge: Its Nature and Status*. – 2000. – Vol. 25. – № 3. – P. 1–23.
166. Pottier, B. Les langues dans le monde / B. Pottier // *Le language*. – Paris: Ed. SELAF, 1973. – P. 226–249.
167. Richards, J. Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistic, Fourth Edition / J. Richards, R. Schmidt. – London: Longman, 2010. – 200 p.
168. Rutkowska, A. Kulturowo-ekonomiczne aspekty komunikacji międzykulturowej / A. Rutkowska // *Kultura i Wartości*. – 2018. – №25. – S. 173–200.
169. Rzeszutko-Iwan, M. W stronę dialogu – o modelach, wymiarach i strategiach komunikacyjnych / M. Rzeszutko-Iwan // *Poznańskie Spotkania Językoznawcze*. – 2016. – №35. – S. 31–42.

170. Sapir, E. *Language: An Introduction to the Study of Speech* / E. Sapir. – New York: Harcourt, Brace & World Inc, 1921. – 125 p.
171. Schramm, W. L. *The Process and Effects of Mass Communication* / W. L. Schramm. – Champaign: University of Illinois Press, 1954. – 997 p.
172. Searle, J. R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language* / J. R. Searle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
173. Selinker, L. *Interlanguage* / L. Selinker // *IRAL: International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. – 1972. – №10. – P. 209–231.
174. Shannon, C. E. *The Mathematical Theory of Communication* / C. E. Shannon. – *The Bell System Technical Journal*. – 1948. – Vol. 27. – P. 379–423, 623–656.
175. Subtirelu, N. C. *Teaching first language speakers to communicate across linguistic difference: Addressing attitudes, comprehension, and strategies* [Electronic resource] / N. C. Subtirelu, S. Lindemann // *Applied Linguistics*. – 2014. – Vol. 1. – №20. – Режим доступа: <http://doi:10.1093/applin/amu068> (дата обращения: 15.04.2022).
176. Tal, S. *Redundancy can benefit learning: Evidence from word order and case marking* [Electronic resource] / S. Tal, I. Arnon // *Cognition*. 2022. – Vol. 224. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105055> (дата обращения 06.12.2024).
177. Tal, S. *Infant-directed speech becomes less redundant as infants grow: Implications for language learning* [Electronic resource] / S. Tal, E. Grossman, I. Arnon // *Cognition*. – 2024. – Vol. 249. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2024.105817> (дата обращения: 06.12.2024).
178. Tarone, E. *Conscious communication strategies in interlanguage: A progress report* / E. Tarone, H. D. Brown, C. A. Yorio, R. C. Crymes // *On TESOL '77*, 1977. – Vol. 77. – P. 194–203.
179. Thakerar, J. N. *Psychological and linguistic parameters of speech accommodation theory* / J. N. Thakerar, H. Giles, J. Cheshire // *Advances in the social psychology of language*. – 1982. – P. 205–255.

180. Tikhonova, E. Text Redundancy in Academic Writing: A Scoping Review / E. Tikhonova, D. Mezentseva, P. Kasatkin // Journal of Language and Education. – 2024. – № 10. – P. 128–160.

181. Usage statistics of content languages for websites [Electronic resource] // W3Techs. – Режим доступа: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (дата обращения: 07.04.2024).

182. What role does English play in our multilingual world? [Electronic resource] // British Council. – Режим доступа: <https://www.britishcouncil.org/research-insight/our-world-connected-podcast/english-multilingual-world#:~:text=According%20to%20The%20Future%20of,of%20the%20world's%20population%20connected> (дата обращения: 17.05.2024).

183. Whorf, B. L. Language, Thought, and Reality / B. L. Whorf. – Cambridge: The MIT Press, 1964. – 278 p.

184. Wilczewski, M. Badania nad komunikacją międzykulturową: dotychczasowe paradygmaty i perspektywy badawcze / M. Wilczewski, A. M. Soderberg // Zeszyty Prasoznawcze. – 2017. – № 3 (231). – S. 540–566.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. A Rambling Chat with James (June 2022) [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=sD0SIN4-UjM&ab_channel=Luke%27sEnglishPodcast (дата обращения: 10.03.2023).

2. The Surprising Power of Reading Aloud (Article) [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=JLaeBWgodhA&t=131s&ab_channel=Luke%27sEnglishPodcast (дата обращения: 28.10.2023).

3. "You know, Robert LewanGOALski!" | Thomas Müller speaks English on international press talk [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=yz02dWv_shs&ab_channel=FCBayernM%C3%BCnchen (дата обращения: 02.04.2023).

4. #WARPTalks: Ólafur Arnalds, qué es y qué no es la música clásica. [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=qngVyspj7lM&ab_channel=WARPMagazine (дата обращения: 25.03.2023).

5. (Interview) 1st | MANDIC Milica (SRB / Women -73kg) | 2017 WORLD TAEKWONDO CHAMPIONSHIPS [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=aBXk-n250iY&ab_channel=WorldTaekwondo (дата обращения: 26.03.2023).

6. Alexander Ovechkin Interview by Cassie Campbell [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Ykly3VaY00w> (дата обращения: 12.04.2022).

7. An exclusive interview with Su Yiming [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=xjHlk0z7Bb8&ab_channel=VisitBeijing (дата обращения: 22.06.2022).

8. Café Tacvba Interview with Nic Harcourt on 88.5FM The SoCal Sound [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ohrxL91ATKk&t=434s> (дата обращения: 08.11.2024).

9. Christoph Waltz Interview Comic-Con 2012 [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=lOULv4IfTdA&ab_channel=blackfilmandtv (дата обращения: 04.04.2023).

10. E3 2017 Mount & Blade II Bannerlord Interview with Armağan Yavuz [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=K7W1ODySWKw&t=143s> (дата обращения: 07.11.2024).

11. Einar Selvik (Wardruna) On How “Kvittravn” Was Born // [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=TF90iStPe7k&list=PL2FOSBzpyzPT8i8jGCB1maO05miDd5rzF&index=6&t=606s> (дата обращения: 23.02.2023).

12. ESCKAZ in Lisbon: Interview with Sanja Ilić & Balkanika (Serbia) [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=w3FBpPntT2s> (дата обращения: 06.11.2024)

13. ESPN FC (2020) Bayern Munich's Robert Lewandowski opens up about the cancelled 2020 Ballon d'Or | ESPN FC [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=3hZFnDdh60s> (дата обращения: 25.03.2021).

14. Eurovision Song Contest (2010) Interview with MaNga [интервью с группой MaNga] // [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=W1Dtj3F8y7s> (дата обращения 19.02.2021).

15. Exclusive Interview | Dimash Kudaibergen [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=rTKesg-Axts&t=119s> (дата обращения 02.05.2023).

16. Ghost Brigade – Interview in Vienna [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=NY98Eh91vFc&t=58s> (дата обращения 18.01.2023).

17. Goran Bregović – Interview – CorectNews – 26 nov 2010 [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=S3IQF0OA8yg&ab_channel=GoranBregovic (дата обращения: 29.01.2022).

18. Heavy New York// Nine Treasures// Interview [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=LuwK1tM5P-0&ab_channel=HeavyNewYork (дата обращения: 27.03.2023).

19. Heavy New York// Nine Treasures// Interview [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=LuwK1tM5P-0> (дата обращения 25.02.2023).

20. Interview – Crossfaith – #GMM18 [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=p0chZR6nYP8&t=243s&ab_channel=GraspopMetalMeeting (дата обращения: 26.03.2023).

21. Interview With Heri Joensen (From Týr) [Electronic resource]. – Режим доступа:

https://www.youtube.com/watch?v=_drLoLpaBII&ab_channel=SerpentTongue94 (дата обращения: 04.04.2023).

22. Interview With Heri Joensen (From Týr) [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_drLoLpaBII (дата обращения 07.02.2023).

23. Interview with Željko Joksimović from Serbia [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=W54xGgo9Mfc&ab_channel=EurovisionSongContest (дата обращения: 04.04.2023).

24. Jackie Jan Interview – ROD Show, 1996 [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=6PAcsnh7ukc> (дата обращения 24.01.2023).

25. Jet Li on The Tonight Show promoting Lethal Weapon 4 [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=gyWhUSVKbHU&ab_channel=TheVideo-High-Society (дата обращения 11.04.2023).

26. Jukka Koskinen & Asim Searah (Wintersun) Discuss Patreon, Touring & Much More [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=mPPPCtvBcaw> (дата обращения 13.12.2022);

27. Kalmah Interview: Numirock [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=0zM8i4y_oBU&list=PL2FOSBzpyzPTsqscbdFemiRWAdmrbk3Kj&index=10&t=144s&ab_channel=FinnishUndergr%C3%B6undR%C3%A4di%C3%B6 (дата обращения: 17.03.2023).

28. Mantra – video interview [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=FrJSdn1gxHo&ab_channel=StalkerMagazine (дата обращения: 04.04.2023).

29. My Dream Come True, All England and Paris 2024 Kunlavut Vitidsarn 2023 Badminton World Champion BWF [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=aWdf2SQ3h_k&ab_channel=CKYew (дата обращения: 22.06.2022).

30. N4LIFE AT THE AMAs WITH AMR DIAB [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cBCan5FrU28> (дата обращения: 07.11.2024)

31. Nordic Metal. (2019) Kalmah interview Turku 2019 [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Bf1lalWXtJ8&ab_channel=NordicMetal (дата обращения 15.05.2022).

32. Northern Myths Podcast (2020) Interview with Alexey Belkin of Russian Folk Group Otava Yo (Алексей Белкин – фолк группа Отава ё) [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=xO7--lChsmw&t=1229s> (дата обращения: 12.02.2021).

33. Percival Q&A LIVE 01 IN English [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=EGRhG7WVZgw> (дата обращения 01.03.2023).

34. Rammstein's Paul Landers Talks Next Album, Thinks LINKIN PARK Changed Their Sound Too Much [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=6K9iVrenKsg&t=316s&ab_channel=MetalInjection (дата обращения: 16.04.2023).

35. RichardMetalFan Interviews! Ep. 161: Antti Kokko of Kalmah [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=O3YPv8bEfg8&t=313s&ab_channel=RichardMetalFan (дата обращения: 04.04.2023).

36. Sky Sports Football. (2021) 'Utd need time, but my level can go higher' | Ronaldo on Man Utd, retiring & achieving more [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=-AvTCYYs9t8&ab_channel=SkySportsFootball (дата обращения: 16.05.2022).

37. Sokratis Papastathopoulos' first Arsenal interview [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zEQQ6x8mOo0> (дата обращения 02.05.2023).

38. The AU Review (2013) The AU review (2013) Latvia's Prāta Vētra (Brainstorm) at Culture Collide, Los Angeles – Interview Part One of Two [Electronic resource]. – Режим доступа:

<https://www.youtube.com/watch?v=zGmZvGj9dfY&t=1s>) (дата обращения: 05.03.2024).

39. The AU Review (2013) The AU review (2013) Latvia's Prāta Vētra (Brainstorm) at Culture Collide, Los Angeles – Interview Part One of Two! [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zGmZvGj9dfY&t=1s> (дата обращения 25.03.2024).

40. VADER | INTERVIEW | DIPARTICLE TV | 2022 [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=L1ziamDkb-w> (дата обращения: 30.01.2023).

41. We Don't Care (2016) WDC Interview – Mario Duplantier from Gojira (2016) [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=yjPfNs_KByE&t=457s (дата обращения: 29.01.2024).

42. Горан Брегович в Риге дал эксклюзивное интервью MIX TV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=pu5JU3D0cy8&ab_channel=RadioBaltkomIMixnews (дата обращения: 29.01.2023).

Продуктивная и непродуктивная избыточность

Продуктивная		
Форма проявления избыточности		Пример
На лексическом уровне	Избыточные повторы одних и тех же или схожих по значению слов	«and those were like I said my mother's cassettes and and then <u>my brother my big brother</u> started listening to heavy metal and and my cousins also...» «I think this is the <u>biggest achievement</u> for Vader, you know, this is <u>the biggest success</u> . <u>We do not need</u> anything, <u>we do not need</u> Rolls-royce and a garage so things like that...»
	Использование слов из другого языка	«Also one more thing eeeh <u>još jedna stvar</u> at one point you said hvala lipa instead of hvala lijepa eeeh but hvala lipa is an accent used in Dalmatia ehhh so it's you know it's very funny»
На синтаксическом уровне	Повторяющиеся повествовательные предложения со схожей или разной лексикой, но с похожим смыслом	«And the people talk more and more about the product, i hear <u>many is happy about the fitment and the quality of it</u> . I have never got <u>any bad talking about it</u> and more and more <u>people say just good quality on this!</u> So i and have to say that <u>i and my customer like your products well</u> »
	Уточняющие вопросительные предложения	A: Jan, when you go to bank and send a payment, <u>what documents do you provide? Do you provide contract? Or just an invoice?</u> B: Nothink, we pay just by invoice number.
	Предложения, написанные на разных языках, но содержащие одну и ту же информацию в рамках диалога.	B: Okay Wait a minute, Zorig. A: What? <u>We send the goods to Zorik? Or you want to find a driver? Буд Зорик руу захуалга явуулж байна уу? Эсвэл та жолоочоо хайх уу?</u> B: The answer will come today. A: Okay.
Непродуктивная		
Форма проявления избыточности		Пример
На орфографическом уровне	Орфографические ошибки	1pcs is MYR 158.40 right? <u>includding shipping</u>
На фонетическом уровне	усиление голосом отдельного слова в слове или выделение целого слова	«this is eh this is my <u>dreeaam becaussse em I'm I'm</u> very proud»

	Растягивание отдельных звуков в слове	« <u>Nooooo</u> , I think they they want me <u>tooooo</u> to come here <u>annnnnd</u> and try to help the team, I think t's eh a good chance for me <u>toooo</u> to improve»
	Произношение дополнительных звуков в слове	«The mother <u>doesn'teh</u> work <u>seh</u> she eh <u>cookseh</u> she's <u>housewifeh</u> »
На лексическом уровне	Использование слов-филлеров	« <u>Well</u> I wanna record it wirh the fireworks. <u>Well</u> I dont see why you couldn't upload it later
	Избыточное использование дискурсивных слов для заполнения пауз хезитации или для связи частей высказывания	« <u>I mean like</u> how how they wear only <u>like</u> t-shirts and you as well but <u>like it's like</u> t t t ten degree Celsius at night but still they don't wear that much <u>you know</u> stuff <u>so like</u> we're surprised about that»
	Избыточное использование повторяющихся слов, вызванное дискомфортом от использования иностранного языка	«yeah sure I think in middle camp it was same kind of thing like here we <u>didn di didn't</u> know that eh do we have fans in Slovenia»
	Избыточное использование служебных слов в грамматических конструкциях, обусловленное ошибками	«I just don't understand, you know. I'm not... I'm trying <u>don't to</u> judge it»

Классификация языковой избыточности в различных формах коммуникации

Вид коммуникации	Уровень избыточности	Форма проявления избыточности	Примеры
Письменная	Орфографический	Избыточный письменный код и орфографические ошибки	1) « <i>Ipcs is MYR 158.40 right? <u>includding</u> shipping</i> » 2) « <i>Its so so. <u>Creases</u> is <u>comeing</u>.. I am at automechanika Dubai</i> »
	Лексический	Использованием слов-филлеров	« <i><u>Well</u> I wanna record it wirh the fireworks. <u>Well</u> I dont see why you couldn't upload it later</i> »
		Избыточные повторы одних и тех же или схожих по значению слов	« <i>I think i will <u>wait a bit</u>. It's good that it sell well, but <u>wait a little bit</u> so i don't have this attention over a long time. And i see the marked is little saturated So then i can <u>wait a bit</u></i> »
		Использование слов из другого языка	- A: <i>Hi Vui. The tracking number is sent to you. The box was sent last week.</i> - B: <i>Hi mate. <u>Thanks. Spasiba.</u></i> -
	Синтаксический	Повторяющиеся повествовательные предложения со схожей или разной лексикой, но с одинаковым смыслом	« <i>I sell on Facebook and on sales place in norway like eBay. And the people talk more and more about the product, i hear <u>many is happy about the fitment and the quality of it.</u> I have never got any bad talking about it and more and more <u>people say just good quality on this!</u> So i and have to say that <u>i and my customer like your products well</u>»</i>
		Повторяющиеся вопросительные предложения	A: <i>Jan, when you go to bank and send a payment, <u>what documents do you provide?</u> <u>Do you provide contract?</u> Or just an <u>invoice?</u></i> B: <i>Nothink, we pay just by invoice number.</i>
		Предложения, написанные на разных языках, но содержащие одну и ту же информацию в рамках диалога.	B: <i>Okay Wait a minute, Zorig.</i> A: <i>What? <u>We send the goods to Zorik?</u> Or you want to find a driver? <u>Бид Зорик рүү захиалга явуулж байна уу? Эсвэл та жолоочоо хайх уу?</u></i> B: <i>The answer will come today.</i> A: <i>Okay.</i>
Устная	Фонетический	Усиление	« <i>Sometimes we <u>dooOOO</u> em for us is the</i>

		голосом каждого или отдельного слога в слове	<i>video in the best way it gives the song even <u>mooorrre</u> you know it <u>adds</u> something to the song, sometimes it makes the song <u>smaller</u>»</i>
		Растягивание отдельных звуков в слове	<i>I can help the team <u>toooo</u> improve <u>annnnnd</u> to reach our goals for this for this year»</i>
		Произношение дополнительных звуков в слове	<i>«The mother <u>doesn'teh</u> work<u>seh</u> she eh <u>cookseh</u> she's <u>housewifeh</u>»</i>
	Лексический	Избыточное использование дискурсивных слов для заполнения пауз хезитации или для связи частей высказывания	<i>«it's <u>eh</u> <u>like</u> it's more from <u>eh</u> Africa Africa its like <u>eh</u> the mother of the the music of the world»</i>
		Избыточное использование повторяющихся слов, вызванное дискомфортом от использования иностранного языка	<i>«someone have to give you the positive vibe so <u>we have we have</u> it <u>from from</u> Serbia»</i>
		Избыточные повторы одних и тех же или схожих по значению слов	<i>«and those were like I said my mother's cassettes and and then <u>my brother my big brother</u> started listening to heavy metal and and my cousins also...»</i>
		Использование слов из другого языка при условии хотя бы частичного его знания собеседником	<i>« A: <u>an' how's things been for you so far?</u> - B: yes we <u>eh</u> its <u>eh</u> - C: <u>kako vama je do sada</u> ... - B: its very very nice very good i and now is eh peace»</i>
		Избыточное использование служебных слов в грамматических конструкциях, обусловленное ошибками	<i>«After two thousand and four my career <u>was</u> changed»</i>

	Синтаксический	Повторяющиеся повествовательные предложения, каждое из которых несет в себе один и тот же смысл и обладает схожей лексикой	« <i>But for the finns, for <u>the awkward finns</u> this is kinda like even better <u>that you don't need to be socially so interacting. So close to each other anyway. So it's more confident to be like from a longer distance you know</u></i> »
		Повторяющиеся вопросительные предложения	« <i>Now all new players have to sing an initiation song when they join a club. I'm told you ducked out of that, you said "No no I did that when I first joined" and you did a speech indeed instead. <u>What... what was in your speech? What were you saying to your new team mates?</u></i> »